

А.С.МАКАРЕНКО

О ВОСПИТАНИИ
В
СЕМЬЕ

А.С.МАКАРЕНКО

О ВОСПИТАНИИ
В
СЕМЬЕ

ИЗБРАННЫЕ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1/2

МОСКВА • 1955

**ДАННЫЙ СБОРНИК СОСТАВЛЕН И. С. ПЕТРУХИНЫМ.
ОБЩАЯ НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ
ПРОФЕССОРА Е. Н. МЕДЫНСКОГО**

А. С. МАКАРЕНКО О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ

Вопросы коммунистического воспитания подрастающего поколения занимают в жизни советского общества большое и почетное место. Исключительное внимание к молодому поколению советских людей и его воспитанию проявляют Коммунистическая партия и Советское правительство. Ассигнуются большие средства на строительство школ, различного рода культурных и оздоровительных учреждений; проводятся многочисленные общественные мероприятия, предназначенные обеспечить надлежащее воспитание подрастающего поколения.

Решения XIX съезда КПСС о всеобщем десятилетнем образовании и введении политехнического обучения в целях дальнейшего повышения социалистического воспитательного значения школы накладывают еще более ответственные обязательства на органы народного образования, школу, комсомол и другие государственные и общественные организации, призванные осуществлять коммунистическое воспитание.

Великая, почетная и благородная роль в воспитании всесторонне развитых, преданных социалистической родине людей, молодых строителей коммунизма выпадает на долю семьи.

Семья — это «ячейка советского общества», тот очаг, где «происходит первичная закладка и формирование чувств, мыслей, характера и сознания ребенка».

Наше общество возлагает на родителей большую ответственность за воспитание детей. Оно требует от родителей, чтобы они воспитывали из молодежи достойных нашей эпохи людей: высокоморальных, трудолюбивых, энергичных, смелых и настойчивых, здоровых и жизнерадостных.

Самым замечательным достижением социалистического общества является новый, советский человек — человек большой культуры и широкого политического кругозора, ясного ума и сильной воли, стойкого характера и последовательно принципиального. Большая заслуга в этом деле, несомненно, принадлежит отцам и матерям, скромным советским людям, строителям нового, коммунистического общества.

Воспитание детей в семье советское общество рассматривает как большое и важное общественное дело. Наше общество не может относиться безучастно к тому, как осуществляется воспитание детей в семье, оно не может рассматривать эту большую государственную задачу как частное, сугубо семейное дело.

Воспитание детей советские люди считают своим прямым долгом и священной обязанностью. И они посвящают этому благородному делу большой труд и лучшие помыслы.

Советская молодежь — это замечательное^е поколение новых строителей коммунистического общества, активных и энергичных, живущих жизнью и интересами своей родины.

Придавая большое значение правильной организации воспитания детей в семье, родители с интересом следят за педагогической литературой, посещают лекции и доклады по вопросам воспитания, советуются с учителями, обсуждают педагогические вопросы на родительских собраниях.

Решающее и направляющее значение не только в общем воспитании подрастающего поколения, но и в семейном воспитании имеют решения Коммунистической партии по идеологическим вопросам и непосредственно по вопросам коммунистического воспитания советского народа, а также труды В. И. Ленина и И. В. Сталина по этим вопросам.

Большим вниманием советской общественности пользуются и высказывания по вопросам коммунистического воспитания таких выдающихся государственных деятелей, как Я. М. Свердлов, М. И. Калинин, С. М. Киров, Н. К. Крупская.

Неоценимую помощь в деле правильного воспитания детей оказывают и труды великого русского педагога К. Д. Ушинского.

Благотворное влияние на воспитание детей в семье имеет сотрудничество семьи и школы, выражающееся, во-первых, в том, что родители получают от школы большую помощь, направляющие указания и советы в деле правильного воспитания детей в семье, и, во-вторых, в активном, деятельном участии родителей в жизни и работе школы.

Несмотря на то, что за годы социалистического строительства в нашей стране была создана большая серия популярной педагогической литературы, адресованной непосредственно родителям (и в первую очередь в этом отношении необходимо указать на произведения А. С. Макаренко), все же до 1937 года наша педагогическая литература вопросам семейного воспитания уделяла недостаточное внимание; педагогами-теоретиками эти вопросы слабо разрабатывались.

Одним из тех, кто привлек внимание советских педагогов и советской общественности к проблеме семейного воспитания, был замечательный педагог и писатель Антон Семенович Макаренко, автор широко известной «Педагогической поэмы». В этой книге он в художественной форме описал свой многолетний успешный опыт воспитания нескольких сот детей и подростков в трудовой колонии имени Горького.

К 1937 году к этому опыту добавилась еще более успешная восьмилетняя воспитательная деятельность А. С. Макаренко в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского (на окраине Харькова), число воспитанников которой в последний год его руководства доходило до 600. В 1935—1937 годах и позже у А. С. Макаренко установилась тесная связь с сотнями родителей, которые обращались к нему за советами относительно воспитания детей, описывали ему свои затруднения и неудачи в этом деле и т. д.

Антон Семенович вел огромную переписку с родителями, часто посещал семьи, которые нуждались в его помощи. В беседах с родителями он подробно анализировал их ошибки, указывал пути исправления этих ошибок, отмечал положительные моменты в семейном воспитании.

Так, кроме личного опыта — 32-летней педагогической работы в учебно-воспитательных учреждениях (16 лет, начиная с 1905 по 1920 год включительно,

Макаренко был школьным учителем, установившим уже в то время теснейшую связь с родителями-рабочими, и 16 лет, с 1920 по 1936 год, он руководил воспитанием детей и подростков в трудовых колониях Украины), у А. С. Макаренко накопился богатейший материал (сотни писем, стенограмм, записей бесед, личные впечатления и пр.) по вопросам семейного воспитания.

В 1937 году в журнале «Красная новь» была напечатана «Книга для родителей» — художественно-педагогическое произведение А. С. Макаренко, посвященное воспитанию детей в семье. В том же году «Книга для родителей» вышла отдельным изданием и впоследствии неоднократно переиздавалась как отдельная книга (пятое издание Учпедгиза, 1954), так и в сборниках сочинений А. С. Макаренко.

А. С. Макаренко задумал «Книгу для родителей» очень широко. Он предполагал в четырех томах «Книги для родителей» изложить в художественной форме вопросы семейного воспитания: в первом томе хотел, по его словам, «коснуться вопроса о структуре семьи и о тех причинах, которые эту структуру в той или иной мере нарушают...»¹. В этом первом томе А. С. Макаренко в форме рассказов-новелл рассматривает структуру семьи как советского коллектива, каковы общие условия семейного воспитания, каким должен быть авторитет родителей и т. п. Второй том «Книги для родителей» А. С. Макаренко предполагал посвятить политико-моральному воспитанию в семье и школе, «поскольку семью от школы отделять нельзя» (по справедливому замечанию Макаренко). В этом втором томе предполагалось осветить вопросы воспитания воли и характера, «устойчивых нравов» и пр. В третьем томе было намечено рассмотреть вопросы трудового воспитания в семье и выбора профессии.

Относительно четвертого тома А. С. Макаренко говорил: «И, наконец, четвертый том посвящается важнейшему вопросу, к сожалению, до сих пор не поднятому в педагогике, вопросу о том, как воспитать человека, чтобы он был не только прекрасным работником, не только хорошим гражданином, но чтобы он был еще счастливым человеком»².

¹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 4, М., 1951, стр. 442.

² Там же, стр. 482.

Преждевременная смерть А. С. Макаренко оборвала его творческую работу над «Книгой для родителей»: был написан только первый том.

В том же 1937 году А. С. Макаренко прочитал по радио 8 лекций о воспитании детей в семье, изданных Учпедгизом в 1940 году отдельной книгой под заглавием «Лекции о воспитании детей», которая затем неоднократно переиздавалась (четвертое издание Учпедгизом выпущено в 1953 году). Текст этих восьми «Лекций о воспитании детей» полностью воспроизводится в настоящем сборнике.

В этих лекциях изложены основные вопросы воспитания детей в семье, причем как вопросы, о которых (в иной, художественной форме) говорит автор в «Книге для родителей» (например, общие условия семейного воспитания, о родительском авторитете, семейное хозяйство), так и вопросы, которые должны были составить содержание второго, третьего и четвертого тома «Книги для родителей».

«Лекции о воспитании детей» и «Книга для родителей» взаимно дополняют друг друга; поэтому мы рекомендуем читателям настоящего сборника, не читавшим «Книгу для родителей», прочесть ее.

Появление в одном и том же 1937 году «Книги для родителей» и восьми радиолекций на тему о воспитании в семье вызвало повышенный интерес советской общественности к вопросам семейного воспитания. В 1939—1941 годах было проведено несколько педагогических конференций, посвященных роли семьи в воспитании детей и методам семейного воспитания; вышло два сборника статей на тему «Семья и школа», появилось несколько брошюр по отдельным вопросам семейного воспитания.

С тех пор интерес широких масс нашей страны к воспитанию в семье повысился еще более. Удовлетворить в известной мере этот интерес и ставит своей задачей настоящий сборник.

* * *

А. С. Макаренко придавал огромное значение установлению цели воспитания. Он требовал, чтобы педагоги и родители не ограничивались правильной, но слишком общей формулировкой цели воспитания, как подготовки

всесторонне развитого человека, строителя коммунистического общества, но уяснили бы себе, что это значит, раскрыли бы конкретно, какие именно черты и качества необходимо развить в будущем строителе коммунизма.

Поставить правильно воспитание детей в семье гораздо легче, чем потом перевоспитывать их, исправлять результаты неправильной долговременной постановки воспитания, неоднократно говорил Макаренко.

Он указывал, что, приступая к воспитанию детей, родители должны прежде всего уяснить себе совершенно точно цель воспитания, наметить программу этого воспитания, установить в семье четкий педагогический режим, продумать все мелочи воспитания.

Сам А. С. Макаренко в одной из своих статей так конкретизировал те черты, которые должны быть развиты воспитанием:

«Мы желаем воспитать культурного советского рабочего. Следовательно, мы должны дать ему образование, желательно среднее, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком. Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря, он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом. Он должен уметь подчиниться товарищу и должен уметь приказать товарищу. Он должен уметь быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчивым и закаленным, он должен владеть собой и влиять на других; если его накажет коллектив, он должен уважать коллектив и наказание. Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастливым, и таким он должен быть не только в будущем, но и каждый свой нынешний день»¹.

Советская школа и семья,— говорил Макаренко,— должны воспитать молодое поколение в духе безграничной любви к своей социалистической родине, готового и

¹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 2, М., 1950, стр. 399.

умеющего защищать ее от врагов, воспитать честных, правдивых граждан социалистического общества, целеустремленных, мужественных, волевых.

Такова цель воспитания молодого поколения в нашей стране; к достижению этой цели должно быть направлено воспитание детей как в школе, так и в семье.

В педагогической системе А. С. Макаренко большое место отводится коллективу. Коммунистическое воспитание должно создавать не обособленного от общества индивидуалиста, не замкнувшуюся в своих личных интересах и переживаниях эгоистическую личность, а члена коллектива, воспитанного в коллективе, посредством коллектива, для коллектива.

Весь первый (и, к сожалению, оставшийся единственным) том «Книги для родителей» посвящен, как уже отмечалось в начале статьи, семье, как советскому коллективу, создающему необходимые общие благоприятные условия семейного воспитания. Этому же вопросу уделяется первая лекция о воспитании детей (стр. 50 настоящего сборника).

Вопросам о значении коллектива, как воспитательной среды, о качествах этого коллектива, о взаимоотношении коллектива и воспитанника как его члена, вопросу о том, как должны разрешаться конфликты, возникающие между воспитательным коллективом и отдельным воспитанником — членом этого коллектива, в значительной степени посвящены четыре лекции цикла «Проблемы школьного советского воспитания».

Хотя эти лекции были посвящены общим вопросам воспитания (и преимущественно воспитанию детей в школе), тем не менее родители найдут в них много ценного, которое творчески может быть применено в деле воспитания детей в семье.

В своей педагогической практике и в многочисленных педагогических произведениях А. С. Макаренко не допускал шаблона, рецептов, безапелляционных высказываний о том, как следует поступить воспитателю в том или ином случае.

Заканчивая первый том «Книги для родителей», он писал: «Каждая семья отличается своеобразием жизни и жизненных условий, каждая семья должна самостоятельно решать многие педагогические задачи, пользуясь для этого отнюдь не готовыми, взятыми со стороны рецеп-

тами, а исключительно системой общих принципов советской жизни и коммунистической морали»¹.

Исходя из этого положения, родители могут творчески воспользоваться для своей воспитательной работы в семье многими мыслями А. С. Макаренко, высказанными им относительно школьного советского воспитания. Так, в лекции первой («Методы воспитания») такими мыслями являются сказанные им о целях воспитания, о характере коллектива, как воспитательной среды, о значении традиций в процессе воспитания. Такова, далее, вся вторая лекция, в которой говорится о дисциплине, режиме, наказаниях и поощрениях.

Основной принцип А. С. Макаренко — «Как можно больше требования к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему», о котором он неоднократно говорит в своих произведениях и который, в частности, раскрывает и лекция «Дисциплина, режим, наказания и поощрения» — имеет отношение и к семейному воспитанию в такой же степени, как и к воспитанию в школе или трудовой колонии. Возможно этот принцип особенно должен быть принят во внимание именно в семейном воспитании, если учесть, что некоторые родители из-за ложно понимаемой любви к своим детям не предъявляют к ним почти никаких требований, не понимая, что этим они способствуют развитию у детей тунеядства, паразитизма, иждивенческих настроений и безответственности.

А. С. Макаренко обращает внимание родителей на одно очень важное условие успешного воспитания детей в семье. Это — правильная организация всей жизни семьи, общественный и трудовой пафос семейной жизни. Умение родителей правильно организовать жизнь в семье имеет исключительно важное значение в воспитании детей. Справедливость этой мысли А. С. Макаренко подтверждается опытом воспитания детей в семье. Общий настрой жизни в семье, даже в мелочах, влияет на характер, поведение и воспитание детей. В частности, большое значение в воспитании детей в семье имеет единство требований по отношению к себе и детям со стороны всех взрослых членов семьи.

Единство требований по отношению к детям Мака-

¹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 4, М., 1951, стр. 337.

ренко считал общепедагогическим принципом, который должен найти свое применение и в школе, и в семье. Это единство требований по отношению к детям не всегда достигается школой, оно нередко нарушается и в семье, что наносит серьезный вред делу воспитания.

К сожалению, часто можно встретить в практике семейного воспитания несогласованность воздействий на детей, когда между отцом и матерью, бабушкой и дедушкой и другими взрослыми членами семьи нет единой линии воздействия и отношения к детям. Эта разноголосица в воспитательном воздействии взрослых членов семьи на детей сводит на нет все их положительные усилия в деле воспитания и вредно отражается на детях.

Весьма важно создать определенный тон и стиль семейной жизни и, в частности, семейного воспитания, как одной из важнейших сторон этой жизни.

В четвертой лекции из цикла «Проблемы школьного советского воспитания» А. С. Макаренко подробно говорит о тоне и стиле воспитания в коммуне имени Дзержинского, которой он руководил в 1928—1935 годах, и подчеркивает, какой должен быть тон и стиль в школьном воспитании.

Главнейшей особенностью стиля детского коллектива, по мнению Макаренко, является мажор, т. е. «постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, радужное настроение, именно мажорное, веселое, бодрое настроение, но вовсе не истеричность. Готовность к полезным действиям, к действиям интересным, к действиям с содержанием, со смыслом, но ни в коем случае не к бестолочи, крику, не к бестолковым зоологическим действиям»¹.

Другими характерными особенностями стиля детского коллектива Макаренко считал сознание и чувство собственного достоинства, способность ориентировки, способность торможения.

В этих указаниях А. С. Макаренко о стиле родители найдут много полезного, что творчески ими может быть применено и в семейном воспитании: чрезвычайно важно, чтобы в семье, как советском коллективе, всегда господствовало бодрое, радостное настроение, готовность к

¹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 5, М., 1951, стр. 210—211. В данном сборнике см. стр. 301.

содержательным, интересным и полезным действиям, не было бестолочи; чтобы все члены семьи, и дети в том числе, были полны чувства собственного достоинства (но ни в коем случае не чванства), соблюдали честь семьи.

Поступательное движение нашего общества по пути к коммунизму предъявляет повышенные требования к морали советских людей, к их общественной деятельности, к их поступкам и поведению. Поэтому вопросы воспитания коммунистической морали приобрели за последнее время такое актуальное значение. Пережитки капитализма в сознании людей, как, например, нерадивое отношение к труду, к общественной собственности, религиозные пережитки, индивидуализм и частнособственнические тенденции, бюрократическое отношение к людям, нездоровые взаимоотношения полов и пр., мешают успешному продвижению нашего общества вперед. Эти пережитки проникают и в среду подрастающего поколения советских людей, нанося вред коммунистическому воспитанию.

А. С. Макаренко создал из своих воспитанников людей коммунистической нравственности, горячо преданных своей социалистической родине, честных, смелых и энергичных, стойких и трудолюбивых, умеющих преодолевать трудности, и жизнерадостных. Его опыт в этом отношении заслуживает тщательного изучения не только учителями, но и родителями.

О воспитании коммунистической морали Макаренко говорит во многих своих произведениях и в особенности в статье «Коммунистическое воспитание и поведение», и в лекциях по вопросу о дисциплине, и в написанной в феврале 1939 года, незадолго до смерти, статье «Воля, мужество, целеустремленность».

А. С. Макаренко на основе многолетнего опыта внес много нового, оригинального и ценного в понимание и методику воспитания коммунистической дисциплины в школе и семье.

В противовес ограниченному пониманию дисциплины, господствовавшему в буржуазной педагогике, пониманию дисциплины как только послушания, в противовес толкованию дисциплины, как собрания правил поведения или как сложившихся привычек, Макаренко выдвинул новое понимание ее — как «дисциплины борьбы и преодоления».

А. С. Макаренко указывает (стр. 70 этого сборника), что, конечно, от каждого человека требуется точное и

быстрое выполнение приказаний и распоряжений «вышестоящих органов и лиц», но этого далеко недостаточно. Макаренко под дисциплиной понимал высокую организованность, преодоление косности, старинки, обыденщины, пережитков капитализма, преодоление вялости, посредственности, проявление инициативы и творчества, сознательное выполнение долга гражданина социалистического общества.

«Одним словом,— писал Макаренко,— в советском обществе дисциплинированным человеком мы имеем право назвать только такого, который всегда, при всяких условиях сумеет выбрать правильное поведение, наиболее полезное для общества, и найдет в себе твердость продолжать такое поведение до конца, несмотря на какие бы то ни было трудности и неприятности»¹.

Понимаемая так широко дисциплина, как указывал Макаренко, является не средством, а результатом всего процесса воспитания. Он подчеркивал, что нельзя достичь хорошей дисциплины какими-то особыми, исключительно предназначенными для утверждения дисциплины методами и приемами, находящимися вне всякой связи с общим процессом воспитания, с организацией всей воспитательной работы. Дисциплинирование ребенка достигается в результате всей совокупности воспитательного воздействия на детей, организации жизни семьи, ее культуры, общественной и трудовой деятельности.

В нашей советской педагогике дисциплина понимается более глубоко, чем в старой, буржуазной педагогике. В нашем понимании дисциплина есть нравственная категория, т. е. то, что характеризует нравственное поведение человека, составляет неотъемлемую черту его нравственного облика в целом. Такое понимание дисциплины, являясь по существу правильным, способствует более успешному воспитанию детей в семье.

К вопросу о дисциплине А. С. Макаренко обращался во многих своих произведениях, и это вполне понятно: как чуткий, наблюдательный педагог он понимал, что дисциплина — это один из острых, насущных вопросов воспитания, недостаточно в то время разработанных советской педагогикой, и что в практике школьного

¹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 4, М., 1951, стр. 362. В данном сборнике стр. 70.

и семейного воспитания дисциплина далеко не стоит на должной высоте.

В своей предсмертной статье «Воля, мужество, целеустремленность» Макаренко писал: «У наших школьников иногда еще бывает дисциплина порядка, но не бывает дисциплины борьбы и преодоления... Такие распространенные типы характеров, как «тихони», «иисусики», накопители, приспособленцы, шляпы, разини, кокеты, приживалы, мизантропы, мечтатели, зубрилы, проходят мимо нашей педагогической заботы. Иногда мы замечаем их существование, но, во-первых,— они нам не мешают, а во-вторых, мы все равно не знаем, что с ними делать. А на самом деле именно эти характеры вырастают в людях вредоносных...»¹.

Много ценного почерпнут родители для воспитания детей в семье из третьей лекции цикла «Проблемы школьного советского воспитания», где Макаренко говорит о педагогике индивидуального действия. В частности, следует глубоко продумать те страницы этой лекции, на которых А. С. Макаренко говорит о детях-«тихонях», детях-«дипломатах», неискренних, умеющих «прятать концы в воду».

Длительные наблюдения А. С. Макаренко создали у него убеждение, что так называемые «тихони» представляют особую трудность в деле правильного воспитания личности. «А те, которые прятались от меня и были незаметны в коллективе, в жизни иногда идут совсем как мещане... обращаются в сереньких существ, относительно которых нельзя сказать, что они такое или «чем они пахнут». А в некоторых случаях я замечал даже медленное глубокое гниение...

Наблюдая такие случаи... я пришел к глубокому убеждению, что именно тот, кто от меня прячется и старается не попадаться на глаза, тот является самым опасным объектом, на того я должен обратить особое внимание»².

Этот педагогический вывод А. С. Макаренко имеет прямое отношение и к воспитанию детей в семье. Родители должны ясно видеть, как, в каком направлении раз-

¹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 5, М., 1951, стр. 391.

² Там же, стр. 171. В данном сборнике стр. 262.

виваются и воспитываются их дети. Их не должны удовлетворять и успокаивать внешние показатели поведения детей, они не могут довольствоваться тем, что дети на глазах у родителей ведут себя достойно: они тихи, послушны, внешне вежливы и приветливы. Необходимо видеть внутренние качества личности детей, их убеждения и взгляды, их поведение в обществе. А для этого необходимо, чтобы родители добивались искренних, правдивых отношений между ними и детьми, чтобы дети росли честными и цельными натурами.

А. С. Макаренко справедливо различает дисциплину и режим жизни и поведения ребенка в семье и школе. Разумный режим, говорит он, есть хорошее средство, хороший способ воспитания детей, развития их дисциплинированности.

Здесь необходимо отметить, что значение правильного режима часто недооценивается семьей. Определенный режим может быть принят в любой семье. В разных семьях он может быть различным, в зависимости от условий, в которых находятся семья и ребенок, от возраста детей и пр. Общие требования к режиму должны быть предъявлены следующие: режим должен быть разумным и целесообразным, он должен быть точным, определенным и обязательным для выполнения. Без этих основных требований режим теряет свое воспитательное значение.

В лекции «Дисциплина, режим, наказания и поощрения», говоря о режиме в коммуне имени Дзержинского, А. С. Макаренко отмечает, что у детей часто наблюдаются крикливость, егозливость, истеричность и т. п. и что педагоги нередко говорили: «ребенок должен бегать, должен кричать, в этом проявляется его натура». Еще чаще такое оправдание детской егозливости и крикливости можно встретить у некоторых родителей. Поэтому многое из того, что говорится в «Проблемах школьного советского воспитания», — об упорядочении движений детей, о воспитании у детей способности торможения — имеет непосредственное отношение к воспитанию в семье.

Точно так же много полезного могут почерпнуть родители и из мыслей А. С. Макаренко о поощрении и наказании, если будут применять эти мысли в практике своего семейного воспитания не механически, а так, как учил Макаренко, — творчески, учитывая различные условия воспитания в коммуне имени Дзержинского и в каждой

семье. Эта оговорка относится к таким, например, мерам, применявшимся в коммуне имени Дзержинского, как «наказывать лучших» или арест как мера наказания и т. п., но это детали, не имеющие принципиального значения.

Главное же по вопросу о наказаниях, что имеется в педагогической системе Макаренко,— это его утверждение, что воспитатель имеет не только право, но и обязанность наказывать. Находившиеся под влиянием порочной теории «свободного воспитания» педагоги упрекали Макаренко за то, что он применял наказания. Они придумали тезис: «Наказание воспитывает раба»; Макаренко же резонно отвечал им, что они неправы, что «безнаказанность воспитывает хулигана»; что, применяя наказания, можно воспитать и раба или запуганного, дряблого человека, и свободную, полную человеческого достоинства, сильную личность. Все дело в том, как и как их применять наказания.

Макаренко требовал, чтобы наказание было продуманным, не назначалось сгоряча и бессистемно, чтобы оно было индивидуализировано, соответствовало бы проступку, не было частым, пробуждало бы в наказанном сознание справедливости наказания и переживания ошибки, вины; чтобы коллектив признавал справедливость наказания.

В воспитательной системе А. С. Макаренко большое место занимает правильно организованный детский труд. Он считал, что «правильное советское воспитание невозможно себе представить как воспитание нетрудовое»¹.

Те из родителей, которые читали «Педагогическую поэму», «Флаги на башнях», «Марш 30-го года» и другие произведения А. С. Макаренко, знают, какое большое значение в правильном воспитании молодого поколения отводил А. С. Макаренко труду. Можно смело сказать, что в значительной мере благодаря правильно организованному труду в колонии имени Горького и коммуне имени Дзержинского Макаренко смог добиться таких блестящих успехов в деле воспитания и перевоспитания многих сотен молодых людей.

Продуманный, хорошо организованный труд детей способствует их всестороннему развитию, приобретению

¹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 4, М., 1951, стр. 395.

полезных практических навыков, развитию воли, творческой инициативы. Труд делает человека счастливым.

В трудовом усилии, говорит Макаренко, воспитывается не только рабочая подготовка человека, но и подготовка товарища, т. е. воспитывается правильное отношение к другим людям¹.

Труд имеет такое большое и благотворное воспитательное значение не только в условиях общественного воспитания детей, но и в жизни семьи, в воспитании детей в семье. В воспитательной работе семьи труд должен быть одним из самых основных элементов семейной педагогики, подчеркивал Макаренко.

В лекциях «Воспитание в труде» и «Трудовое воспитание, отношение, стиль и тон в коллективе» Макаренко раскрывает смысл и значение трудового воспитания детей.

«Первое, о чем в особенности должны помнить родители,— говорит Макаренко,— это следующее. Ваш ребенок будет членом трудового общества, следовательно его значение в этом обществе, ценность его как гражданина будут зависеть исключительно от того, насколько он в состоянии будет принимать участие в общественном труде, насколько он к этому труду будет подготовлен»².

Макаренко так же отмечает, что когда идет разговор о труде, имеется в виду не только труд физический, но и труд умственный, труд школьный.

Конечно, как и труд в школе, труд в семье должен быть педагогически продуман, обоснован: должны быть при этом учтены особенности детского возраста, т. е. труд должен быть не чрезмерным по своему количеству и педагогически допустимым по своему характеру; должны быть учтены детские интересы, естественное стремление детей к развлечениям, к игре, к общению с товарищами и т. п.

Задачи трудового и политехнического обучения и воспитания подрастающего поколения приобретают особо актуальное значение в свете решений XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза о введении политехнического обучения в школе.

Семья не может остаться в стороне от этих задач, и усилия родительской общественности во всей воспита-

¹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 4, М., 1951, стр. 396.

² Там же, стр. 395.

тельной работе с детьми в семье должны быть направлены на помощь школе в осуществлении политехнического обучения. Помощь родителям в этом могут оказать статьи по вопросам политехнического обучения, печатаемые в журнале «Семья и школа», а также брошюры, издаваемые Учпедгизом и Академией педагогических наук.

Как известно, А. С. Макаренко придавал большое значение воспитанию положительного опыта, положительных традиций в жизни и поведении детского коллектива. Им была разработана целая система традиций в жизни воспитанников колонии имени Горького и коммуны имени Дзержинского. При помощи созданных традиций достигался большой успех в организации жизни детского коллектива и в поведении каждого отдельного воспитанника.

Воспитанию положительных традиций у школьников уделяют большое внимание наши школы и учителя. И в этом отношении накоплен уже значительный опыт, который нашел свое отражение в педагогической литературе. Значительно хуже обстоит дело с разработкой и освещением этой проблемы в области семейной педагогики и семейного воспитания детей.

Советский народ создал свои, революционные традиции, которые вошли в жизнь и быт советских людей. Складываются положительные традиции в распорядке жизни семьи, в режиме дня семьи, в распределении семейных обязанностей, во взаимоотношениях старших и детей, в обязанностях детей и т. п. Совокупность всех этих положительных традиций, несомненно, имеет большое воспитательное значение. Необходимо, чтобы родители использовали в своей воспитательной работе этот фактор воспитательного воздействия на детей, пользуясь теми высказываниями по этому вопросу, которые имеются в произведениях А. С. Макаренко (см. лекции: «Методы воспитания», «Педагогика индивидуального действия»).

Во многих своих выступлениях Макаренко подчеркивал, что педагогический процесс должен быть организован таким образом, чтобы педагоги и родители не надоедали детям бесконечными беседами о пользе воспитания, докучливым морализированием, что «почти всегда вызывает некоторое противодействие»¹. Не отрицая необхо-

¹ А. С. Макаренко, Сочинения, т. 5, М., 1951, стр. 93.

димости в некоторых случаях бесед с детьми на темы о коммунистической морали, А. С. Макаренко не переоценивал, однако, их значения, не делал их главным средством воспитательной работы. Главное значение в процессе воспитания он придавал ясно сознаваемой воспитателями (будут ли то учителя, руководители воспитательных учреждений или родители) цели воспитания и организации всей жизни, всей деятельности детей — их ученья, труда и отдыха.

В произведениях А. С. Макаренко, помещаемых в этом сборнике, и в его «Книге для родителей» читатели найдут ответы и на многие другие вопросы воспитания детей в семье.

Текст статей и лекций, помещенных в данном сборнике, напечатан по сочинениям А. С. Макаренко, изданным Академией педагогических наук РСФСР в семи томах.

*Е. Медынский.
И. Петрухин.*

ДЕТИ В СТРАНЕ СОЦИАЛИЗМА ¹

Я работал учителем начальной школы до революции и продолжаю работать с детьми по сей день. Великие перемены произошли за последние двадцать лет в жизни народа, населяющего территорию бывшей Российской империи. Когда начинаешь, в частности, изучать положение детей, то, естественно, возникает желание сравнить цифровые показатели прошлого и настоящего. Но разница между старым и новым так велика, что рассудок теряет способность постигать эти статистические сравнения. Если, например, мы скажем, что количество средних школ в сельских местностях за последние двадцать лет возросло на 19 000 процентов — девятнадцать тысяч! — то такое статистическое сравнение превосходит возможности нашей фантазии.

Всеми миру известно, что царский режим создавал каторгу для маленьких детей. Если в культурном отношении наша страна тогда отставала от других стран, то в отношении детской смертности она не имела себе равных. Причинами этой большой смертности были низкий жизненный уровень подавляющего большинства населения, жестокая эксплуатация рабочих в городах, страшная бедность крестьян в сельских местностях и использование малолетних на непосильной для них работе.

Положение резко изменилось в настоящее время. По сравнению с 1913 г. национальный доход Советского Союза возрос в пять раз. В результате ликвидации эксплуататорских классов весь национальный доход стал достоянием народа, уровень жизни которого повышается

¹ Статья была написана А. С. Макаренко в начале 1939 г. и впервые на русском языке была опубликована в 7 томе его сочинений в 1952 г.

из года в год. Несмотря на огромный рост промышленного производства и большой спрос на рабочую силу, советский закон запрещает использование труда детей моложе 14 лет. В шахтах и на других вредных для здоровья производствах он запрещает также труд подростков моложе 17 лет. Дети в возрасте от 14 до 16 лет допускаются к работе только с разрешения инспектора труда. Они работают четыре часа в день под руководством опытных инструкторов. Вот почему вы никогда не увидите советского подростка, даже в малейшей степени страдающего от усталости. Вы никогда не увидите детей, заморенных непосильным трудом.

Это, конечно, не значит, что в Советском Союзе дети воспитываются безответственными людьми и лодырями. Наоборот, мы предъявляем большие требования нашим детям: мы требуем, чтобы они хорошо учились в школе, мы требуем, чтобы они развивались физически, чтобы они выросли достойными гражданами СССР, чтобы они знали, что происходит в стране, к чему стремится наше общество, в каких областях жизни преуспевает, а в каких еще отстает. Мы даем детям общее и политическое развитие, помогаем им стать активными и сознательно дисциплинированными людьми. Но у нас нет ни малейшей причины применять к ним физическое наказание или причинять им малейшее страдание. Наши дети, чувствуя, какой любовью, вниманием и заботой мы окружаем их на каждом шагу, осознают свои обязанности и, морально убежденные, выполняют эти обязанности, не томясь, а охотно.

Наши дети видят: все, что они делают, необходимо не для удовольствия старших, а для них самих и для всей будущности нашей Родины. Советским детям чуждо всякое чувство лести и угодливости. Им не приходится унижаться перед начальством, от которого зависит их судьба.

В нашей стране чувство зависимости от другого лица, от хозяина, нанимателя, мастера чуждо не только детям, но и взрослым,— оно у нас давно забыто, отошло в прошлое. Наши дети лучше, чем кто-либо другой, чувствуют свежесть воздуха своего социалистического отечества. Вот почему они могут свободно учиться, развиваться и готовиться к будущему. Вот почему они уверены в своем будущем, любят свою Родину и стремятся стать достойными гражданами, патриотами СССР.

На примере своих родителей и всех окружающих они видят, что перед ними открыто любое поприще, все пути, что успех целиком зависит от их прилежания и честного усердия в школьных занятиях.

Перед советскими юношами и девушками, кончающими начальную или среднюю школу, открыто столько путей, сколько есть профессий и специальностей, они имеют право и возможность выбрать любую из них. Не существует никаких непреодолимых трудностей, которые препятствовали бы их выбору. Юноши и девушки, желающие поступить в вуз, знают, что они могут поехать в другой город, если нужно, не беспокоясь о жилье и питании, так как каждый вуз имеет общежитие, и каждый студент имеет право на стипендию от государства, независимо от того, есть у него родители или нет.

Однако, свобода — не единственное достижение, каким пользуются наши дети, благодаря условиям, присущим советскому общественному строю. Эти условия стимулируют целеустремленную работу в школе и дают уверенность в будущем.

Уже в первые годы советской власти Рабоче-Крестьянское правительство мужественно взяло на себя заботу о миллионах беспризорных, появившихся в результате первой мировой войны 1914 г. и вооруженной интервенции 1918—1921 гг. Это бремя молодое Советское государство взяло на себя в тот период, когда оно вело войну на всех рубежах и боролось с экономической разрухой и голодом, охватившим большие районы. Несмотря на все это, Советское правительство уделяло большое внимание детям. В нашей стране было много бездомных беспризорных детей, которые лишились родителей, не имели родственников или опекунов, — детей, шатающихся по улицам городов и деревень.

Но и эти дети выросли квалифицированными рабочими и хорошими гражданами. Советское общество дало каждому из них не только кров и пропитание, но и обучило их и подготовило к честной трудовой жизни. Много лет прошло уже с тех пор, как наша страна покончила с бродяжничеством детей. На наших фабриках и в учреждениях вы часто встретите бывших беспризорных, которые в настоящее время занимают ответственные посты и пользуются уважением своих сотрудников и всего общества.

История борьбы с бродяжничеством детей, которое вызвало столько злорадства и клеветы со стороны наших врагов, доказала, что советское общество не жалеет усилий и средств для благополучия детей и делает это, не унижая ребенка, а соблюдая полное уважение к его личности. Только этим можно объяснить тот замечательный факт, что, несмотря на большие трудности, какие иногда возникали в процессе нашей борьбы на этом фронте, Советское правительство ни разу не прибегало к помощи физических наказаний или детской тюрьмы. Оно предпочитало полагаться на обучение и выбор труда по склонности, этим помогая беспризорным стать достойными гражданами своей страны.

Однако борьба по ликвидации детской беспризорности составляет только небольшую часть той огромной работы с детьми, которую советское общество провело в течение 21 года. Подавляющее большинство населения России в царское время было безграмотным. Считалось само собой разумеющимся, что правящие классы и государственная власть не проявляют никакой заботы о народе, тем более о детях. Детские площадки, детские сады, ясли были неизвестны широкому большинству народа даже по наименованию. Советское общество должно было создавать все это буквально из ничего.

В настоящее время даже в самых отдаленных районах Советского Союза население на своем собственном опыте видит, что первой заботой социалистического государства рабочих и крестьян является воспитание детей. Построены тысячи школ, созданы алфавиты языков многих народностей, появились новые писатели, подготовлены новые кадры учителей для обучения тех народов, которые до революции не имели письменности и часто не знали даже назначения бумаги. Ясли, детские сады, детские клубы сделались необходимыми элементами советской жизни, и никто в СССР не может себе представить жизни без этих учреждений.

Ко второму пятилетнему плану (1933—1937) для детей было построено 864 Дворца и клуба, 170 детских парков и скверов, 174 детских театра и кино, 760 центров для технического и художественного образования детей. Эти центры посещают более 10 миллионов детей. С 1933 по 1938 г. было построено 20 607 новых школ. В СССР уже введено всеобщее начальное обучение, а по третьему

пятилетнему плану (1938—1942) будет введено всеобщее среднее обучение в городах и всеобщее семилетнее обучение в сельских местностях. Эти цифры показывают, какие большие усилия прилагаются, чтобы дать советским детям счастье и цель в жизни.

Поразительным примером являются детские лагеря и разные мероприятия по организации отдыха детей в летние каникулы. По окончании учебного года большинство детей направляется на отдых за город. Детские лагеря организуются государством, профессиональными союзами и промышленными предприятиями. Каждый завод и каждое учреждение в СССР имеет для этого соответствующие возможности и ассигнования. Лагеря организуются в окрестностях каждого города; особенно их много в южных районах Советского Союза — в Крыму и на Кавказе. В 1939 г. в летних лагерях будет отдыхать — 1 400 000 детей. Кроме лагерей стационарного типа, существуют и подвижные лагеря.

Я сам, например, со своей детской коммуной совершил семь больших походов по СССР. Располагая палатками, лагерным оборудованием и продуктами, моя коммуна покрыла тысячи километров по железной дороге, по воде и пешком. Мы совершили походы в Крым и на Кавказ, на берег Азовского моря, прошли через Донбасс. Мы плавали по Черному морю и по Волге. Мы разбили свои палатки в Сочи, Ялте, Севастополе и на берегу Дона. Всюду нас тепло принимало местное население, люди показывали нам свои заводы, детские учреждения, клубы. Нет лучшего метода развития и образования молодежи, как эти летние походы.

По окончании обучения в средней школе советские юноши и девушки не только приобрели знания, но и обогатили себя впечатлениями от встреч с людьми, от знакомств с их трудом и психологией.

Но и в зимнее время развитие советских детей не ограничивается стенами школы. После занятий в школе они идут в пионерские клубы, которые с каждым годом совершенствуются и превращаются в первоклассные детские учреждения исследовательского типа, центры художественного воспитания детей. Здесь каждый школьник может получить консультацию и найти полезное занятие, если в нем жива искра любознательности и самобытности.

У советских детей удивительная тяга к механике. Среди детей в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет почти невозможно найти кого-либо, кто не заинтересовался бы вопросами техники или не был бы знаком с основными законами наиболее простых машин. Этот жадный интерес к механике и технике удовлетворяют не только клубы, специально организованные для этой цели, но и большое количество технических журналов и книг для детей. Эти ценные пособия служат подготовке технических кадров для молодой промышленности СССР.

В армии и во флоте, в искусстве, литературе и политике молодое советское поколение доказывает на каждом шагу, что внимание, которое уделяется детям в СССР с самого раннего возраста, дает уже богатые плоды.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ПОВЕДЕНИЕ¹

Мы сегодня хороним большого деятеля коммунистического воспитания, великого гуманиста нашего времени Н. К. Крупскую. Это друг Ленина, создавшего большевистскую партию и новую эпоху в человеческом поведении. Я прошу вас почтить память Н. К. Крупской вставанием. (Все встают.)

Товарищи, я не чувствую себя в особенном праве говорить с вами о коммунистическом воспитании... Я прикоснулся к этим вопросам в таком же порядке, в каком и вы прикасаетесь к ним почти ежедневно, и поэтому не ожидайте от меня никаких формул или истин, не ожидайте от меня никакой мудрости.

Договоримся так, что вопрос этот, для нас всех важный, дорогой, вопрос этот всех нас интересует, и поговорить о нем в меру нашей искренности, нашего настоящего глубокого желания совершенствоваться в области коммунистического поведения всегда уместно.

Мое маленькое право говорить перед вами вытекает из моего жизненного опыта. Я сообщу, в чем заключается это право. Революция, советская жизнь поручили мне дело, дело перевоспитания малолетних правонарушителей. Я работал с ними 16 лет, работал без перерывов, без отпусков, без бюллетеней, без выходных дней. Это, конечно, удача — такая длительная работа в одном коллективе. И когда я начал ее, я считал, что передо мною стоит миниатюрная задача: вправить души у этих самых правонарушителей, сделать их вменяемыми в жизни, т. е. подлечить, наложить заплатки на характеры, не больше, только то, что необходимо, чтобы человек мог как-нибудь

¹ Лекция, прочитанная А. С. Макаренко 1 марта 1939 г. в лектории Московского государственного университета.

вести трудовую жизнь, как-нибудь — я на большие достижения не претендовал. Но по мере того, как я работал, как рос и богател мой коллектив, по мере того, как он становился комсомольским коллективом, я постепенно повышал требования к своему делу, к себе, и дело повышало требования ко мне и к моему коллективу, и я уже перестал интересоваться вопросами исправления, меня перестали интересовать так называемые правонарушители, потому что я увидел, что никаких особых «правонарушителей» нет, есть люди, попавшие в тяжелое положение. Я очень ясно понимал, что если бы в детстве попал в такое же положение, я тоже был бы таким, как они. И всякий нормальный ребенок, оказавшийся на улице без помощи, без общества, без коллектива, без друзей, без опыта, с истрепанными нервами, без перспективы,— каждый нормальный ребенок будет себя вести так, как они.

Я пришел к заключению, что нет детей-правонарушителей, а есть люди, не менее богатые, чем я, имеющие право на счастливую жизнь, не менее, чем я, талантливые, способные жить, работать, способные быть счастливыми и способные быть творцами. И тогда, конечно, совершенно ясно, никакие специфические педагогические задачи перевоспитания уже не могли стоять передо мной. Стояла обыкновенная задача — воспитать человека так, чтобы он был настоящим советским человеком, чтобы он мог быть образцом поведения.

Последние годы, таким образом, я никого не исправлял, я просто выполнял обыкновенную советскую работу, воспитывал обыкновенных хороших советских людей. Меня сопровождал успех, и в этом заслуга, конечно, уже не моя, в этом заслуга всей нашей советской жизни — тех целей, которые перед нами стоят, тех путей, которые мы вместе с вами прошли, той энергии, которую мы находим в каждом часе нашей жизни.

Вот почему и моя работа, и усилия моего коллектива имели успех. В результате я пришел к некоторым интересным для меня самому выводам. Первый вывод такой — воспитание очень легкое дело, воспитание — счастливое дело, никакая другая работа по своей легкости, по исключительно ценному, осязаемому, реальному удовлетворению не может сравниться с работой воспитания.

Я это всегда говорю, и многие коллеги, в особенности коллеги-педагоги, посмеиваются, слушая меня. Но они не имеют права улыбаться.

Недавно пригласили меня на юбилей одной школы... Я увидел замечательную школу, одну из лучших московских школ, и я спросил: «Наверно, у вас по 20 лет работают педагоги?» — «Да,— говорят,— директор 20 лет в школе, а этот — 15, а этот — 12». И у них большой успех, потому что 20 лет быть директором в одной школе — значит, отдать ей жизнь. А это очень много. Вот и я отдал свою жизнь и так же, как они, работал успешно.

Я имею право утверждать, что работа по воспитанию — очень легкая работа. Легкая не в том смысле, что можно поработать, потом пойти погулять, потом почитать, отдохнуть и т. д. Нет, времени она берет много, но она легкая по типу напряжения.

Последние годы у меня было 600 коммунаров, и мне было легко работать, настолько легко, что с 1930 г. я работал без обычной в интернатах должности воспитателя. Были учителя в школе, были инженеры на заводе, но детский коллектив в 600 человек жил, в известном смысле, самостоятельно. И утром, когда я слышал сигнал вставать и знал, что в моем коллективе нет ни одного взрослого человека, я не беспокоился. Я прекрасно знал, что они достаточно разумны, достаточно опытные, достаточно честны, дисциплинированы и воодушевлены, чтобы над ними не ставить надзирателя. Они могли сами проделать такую простую вещь, как во-время встать с постели, умыться, во-время убрать пыль, вытереть полы, выстроиться и встретить своего дежурного командира официальным торжественным приветствием как сегодняшнего руководителя. А после этого они давали сигнал на работу, и к ним приходили взрослые — инженеры, педагоги и я, которые вели день дальше.

Я сначала поражался, зная, как трудно встать во-время, натереть полы, когда за тобой никто не следит, а потом перестал удивляться и увидел, что это нормальное коллективное действие, нормальный человеческий поступок, а нормальный человеческий поступок и есть самый простой и самый легкий поступок.

Вот я и приношу к вам вывод, который могу вам предложить,— это моя уверенность в том, что коммуни-

стическое воспитание — это счастливый процесс, который сам в себе несет успех, и поэтому дело воспитания — легкое и счастливое дело.

В тезисах товарища В. М. Молотова говорится, что «СССР вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму».

— Эти слова — праздник всей моей жизни, и они должны быть праздником для каждого мыслящего, для каждого настоящего советского патриота.

В тезисах мы находим кратко и строго сформулированные требования к человеческому поведению. Товарищ В. М. Молотов приводит ленинское указание о том, что производительность труда — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Мы должны обеспечить всемерное развёртывание социалистического соревнования и стахановского движения, неуклонно укреплять трудовую дисциплину во всех предприятиях и учреждениях, во всех колхозах. Мы должны обеспечить достойную социалистического общества высокую производительность труда рабочих, крестьян, интеллигенции.

Дальше тезисы обращают внимание на детали, касающиеся поведения; отмечается, что важнейшим условием выполнения программы роста производства в третьей пятилетке является подготовка квалифицированных рабочих кадров, техников, инженеров, а также широкое внедрение новой техники и научной организации труда.

Дальше то, что мы можем отнести также к человеческому поведению:

«Повышение государственных расходов на культурно-бытовое обслуживание трудящихся города и деревни».

«Проведение широкого круга мероприятий для серьезного продвижения вперед в осуществлении исторических задач — поднятия культурно-технического уровня рабочего класса СССР до уровня работников инженерно-технического труда».

«Увеличение сети кинотеатров, клубов, библиотек, домов культуры и читален с широкой организацией и увеличением в шесть раз стационарных и других звуковых киноустановок».

«В целях безусловного выполнения поставленных третьим пятилетним планом задач, XVIII съезд ВКП(б)

требует от всех партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций:

а) живой оперативности и деловитости хозяйственного руководства, сосредоточения работы руководителей на правильном подборе кадров, на повседневной фактической проверке исполнения установленных партией и правительством заданий;

б) развертывание социалистического соревнования и стахановского движения...»

В тезисах подчеркивается:

«Осуществление великих задач третьего пятилетнего плана настолько тесно связано с кровными интересами рабочих, крестьян и советской интеллигенции, что обеспечение его выполнения зависит, прежде всего, от нас — коммунистов и непартийных большевиков — руководителей, а особенно от нашего умения организовать труд и поднять коммунистическое воспитание трудящихся. От всех нас, от рабочих, руководителей и рядовых служащих и колхозников, требуется, в первую голову, сознательное отношение к своим обязанностям, честный труд и помощь отстающим для того, чтобы третий пятилетний план победил».

И дальше:

«Решающее значение для успеха нашего дела приобретает коммунистическая сознательность в работе на пользу нашего государства, народа и всех трудящихся, — гигантски поднимается роль советской интеллигенции, умеющей по-большевистски работать, по-большевистски бороться за подъем культурности и коммунистической сознательности трудящихся».

Вот то, что сказано о поведении в тезисах доклада товарища В. М. Молотова.

Спрашивается: это и есть то, о чем мы собрались сегодня говорить, это и есть вопросы коммунистического воспитания? Производительность труда имеет отношение к коммунистическому поведению или это чисто производственная, экономическая категория, и она не стоит в плане этики, в плане нашей морали? Повышение уровня культурного и культурно-технического — это стоит в плане коммунистического воспитания или это какая-то узкая область, лежащая в плане производства? А оперативность, деловитость — это категории коммунистического поведения или нет? Эту оперативность, деловитость, уме-

ше подбирать кадры, подбирать помощников — это нужно отнести к вопросам коммунистического поведения или мы можем сказать: это относится к производству, к деловой работе, к управлению, а вот есть какая-то узкая область морали, коммунистического поведения.

Когда мы говорим о коммунистическом поведении, мы имеем склонность по старинке, по привычке считать областью поведения отношение к товарищам, к согражданам, к женщине, ребенку, друг к другу. Это вопросы добра и зла, бытовой этики. Одно дело поведение человека на улице, в гостях, другое — поведение на работе. Разные это дела или одно и то же дело? Как мы на этот счет думаем? Вот так мы поставим вопрос и посмотрим, как он разрешается в нашем собственном опыте.

Коммунистическое воспитание мы начинаем не сегодня, оно начато 20 с лишним лет назад, оно начато для всего нашего народа с первого удара Октябрьской революции, с первых слов товарища Ленина. Коммунистическое воспитание — это не то, что стоит перед нами, а то, что давно нас воспитывает и в значительной мере уже воспитало нас.

Наш советский человек отличается большими новыми особенностями. Русские, украинцы, белорусы, все иные народности, вообще советский человек приобрели новые качества характера, новые качества личности, новые качества поведения. Среди этих качеств можно отметить некоторые, всем прекрасно известные. Прежде всего, наш человек сделался субъектом мирового масштаба, он мыслит масштабами мира, у него дальний глаз, он видит, следит, интересуется всем тем, что происходит на всем земном шаре, он переживает те несчастья, которые происходят в Испании и в Китае, переживает как гражданин мира. На наших глазах советский человек сделался именно этим гражданином мира, а 22—23—24 года назад он был еще провинциальным человеком Российской империи. Вот это качество сделаться человеком мирового знания, человеком мировых интересов и мировых вопросов — это уже большой шаг вперед в деле коммунистического воспитания.

Во-вторых, этот самый российский человек, советский гражданин, который на 80% был неграмотен и далеко стоял от техники, сейчас сделался прежде всего техни-

ком. У нас мальчик 7—9—12 лет больше техник, чем мы, старики, люди старого поколения. Мы сплошь и рядом не знаем, что такое карбюратор, что такое зажигание и что такое капот, а многие из нас, стариков, серьезно думают, что на револьверных станках делают револьверы. А наши мальчики знают, что такое капот и что такое зажигание. Мне в особенности посчастливилось близко подойти к этой технической душе советского гражданина, пока этому гражданину 10—14 лет. Я и сам, как все педагоги, думал, что ребенку нужно давать легкую работу, т. е. давать шить трусики или чинить обувь, иногда делать табуретки. Когда мы заставляем ребят делать плохую табуретку, шить плохие ботинки и кое-как сшить рубашку, мы считаем, что это полезный детский труд и детская техника. И я так думал и предлагал своим ребятам такую работу. А поработавши с ними 12 лет, я им предложил заграничные драгоценные станки, сложнейшие, в которых действительно дышит интеграл, предложил делать «лейки», советские «ФЭД». Что такое «лейки»? Это 300 деталей, точность которых 0,001 мм. Это производство с заменяемостью частей, точное, сложное, трудное дело. Там, наконец, оптика, которую когда-то знали только немцы, а в царской России не умели вообще делать точной оптики.

Я не побоялся предложить это ребятам. И сам удивлялся тому, что четыре часа в день коммунар стоит у автомата, у револьверного, зуборезного, шлифовального станка... Знаете, что такое станок? Он параден, красив, он дорог. Он весь блестит, у него медные красивые металлические части. Его нужно беречь, холить. И наши советские мальчики именно так к нему относятся. Какой может быть разговор о порче станка! Пятнышка на станке, неубранной стружки не должно быть. И я увидел, что проблема пятнышка на станке это есть моральный вопрос, это этика. Этика нового человека, еще молодого, но взявшего эту этику от нашего общества, эту новую свою человеческую душу, которая в станке, в работе видит для себя какой-то транспарант для поведения. И у нас молодежь стоит выше какой угодно другой молодежи.

Откуда пошло стахановское движение? Мы, такие еще молодые советские граждане, оказались талантливыми техниками, талантливыми покорителями природы, зна-

чит, талантливыми борцами за новые богатства, за новую жизнь.

Еще какие качества, уже как продукт коммунистического воспитания, которое мы прошли, есть у нас? Кто клеветал на нас, говорил, что русский человек по природе раб. В этом заключалось гнусное возражение против всяких реформ и революции, в этом заключалась явная вера ретроградов и тайная вера либералов, что, только оставаясь рабом, человек может работать.

Где же эта пресловутая привычка к рабству? Что осталось от татарщины, крепостного права, самодержавия? Ничего не осталось! Советский гражданин нашел в себе большой гений, большой талант. Когда-то было рабство, теперь сознательная дисциплина. Это новое качество, воспитанное всем процессом нашей борьбы, это результат коммунистического воспитания.

Теперь тот самый неграмотный человек, который до Октября смотрел на печатную бумагу, как на сырье для цыгарки, этот самый человек, мало того, что сделался читателем, что никакие тиражи не могут заполнить нашего спроса,— он сделался качественным читателем. Я часто встречаюсь с моими читателями на конференциях, на встречах и беседах, и по правде вам сказать, когда я первый раз попал на такую конференцию, я про себя тайно думал: ну, что? Это — читатель, как-нибудь поговорим. Это же не критик, который в меня и шпагой и иголкой тычет. Это читатель, добрый человек, который то простит, того не разберет. Ничего подобного, пожалуй, критик, журналист, литературовед не может сравниться с нашим советским читателем по вкусу, по умению определить, что хорошо сделано, что плохо сделано, что нужно, что не нужно, что интересно, что не интересно, что ценно, что не ценно. Советский читатель — это человек богатого вкуса, больших требований к литературе и большого умения разбираться в литературе, и еще самое главное, что его отличает и что всегда отличало лучшую часть русской интеллигенции, это — подход к книге, как к другу, как к идейной категории, а не к тому, что должно развлекать. Наш советский читатель — это человек, который в книге ищет мудрости, знания, идею. Это требовательный, высокопринципиальный и высококультурный читатель. Он таким сделался на наших глазах на протяжении двух десятков лет. И таков он в

какой хотите аудитории. Я бываю и в московских собраниях, и в деревенских, и в провинции, и трудно сказать, где он выше. То, что он говорит, как он думает, как он умеет анализировать, как он умеет чувствовать, верить,— это человек огромной культуры души, огромной культуры личности. И ничто меня так не радует, как эта культура. Нельзя даже сказать, что это сделала только школа. Это сделала вся наша жизнь, все наше движение. Это тоже результат коммунистического воспитания.

И, наконец, главное достоинство, главное качество нашего гражданина, в котором никто не может сомневаться, это наше единство. До революции казалось, что может быть? 100 народов, 100 языков, русский, якут, грузин, как можно примирить всю эту массу, которую царь держал железным обручем. А у нас обруч— это уважение, это наш гуманизм, подобного история никогда, конечно, не видела.

Вот это наше единство, единство всего народа, единство всех граждан, это наше чудесное уважение, любовь к большевистской партии, к товарищу Сталину, это единство, несмотря на то, что мы умеем критикнуть, имеем свое мнение, умеем поговорить, что вот это, мол, не нравится, позудить и т. д., несмотря ни на что, несмотря на то, что у нас так много людей— 190 миллионов, эта единая советская душа советского народа— это благо для всех нас и всего будущего человечества. Этот результат коммунистического воспитания уже в наличии, уже готовый.

Значит ли это, что мы уже так коммунистически воспитаны, что дальше нам нечего делать? Я должен сказать, что в общем дело настоящего большого коммунистического воспитания только еще начинается. И вот поэтому уместно сейчас задать себе вопрос: а что такое коммунистическое воспитание, а что такое коммунистическое поведение?

Вы знаете, что в жизни не всегда войдешь в глубину термина и кажется все очень просто, думаешь, что коммунистическое воспитание— это хорошее воспитание, коммунистическое поведение— это хорошее поведение. Но ведь и до революции было у людей хорошее поведение и плохое. Может быть, и теперь так же: кто не пьянствует, жену не бьет, заботится о своих детях до какого-то нормального предела, не врет, не крадет— зна-

чит, это хорошее поведение, коммунистическое. Так это или не так? Мне приходится часто беседовать по этим вопросам с молодежью и с пожилыми людьми. Приходится встречать такое мнение: это хороший человек, так будем считать, что он коммунистически воспитан. Так это или не так?

Всем нам очень хорошо известны слова Ленина:

«...нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов».

Все то, что служит этой задаче трудящихся, задачам революции, будет нравственно, а что не служит этой задаче, будет безнравственно. Это общий критерий для положения о коммунистической нравственности... А вот коснемся частного случая, такой мелочи: «Почему ты не сделал того-то?» — «Забыл, выскочило из головы». Третий человек говорит: «Безобразие, что ты забываешь». А четвертый возражает: «Ну, чего ты к нему пристал, он не виноват, он забыл». И действительно, человек что-то помнил, помнил, а потом забыл. Ведь, естественно, можно же забыть. Это естественный поступок. Имеет это отношение к формуле товарища Ленина? Конечно, имеет. В нашем обществе точное выполнение обязанностей — нравственная категория.

У человека семья, жена, дети, а потом он встретил красивую женщину и влюбился. Бросил жену, бросил детей...

Могут найтись люди, которые скажут: «Какие могут быть разговоры, что такое поведение идет против революции, когда именно революция освободила меня от семейных цепей, и я хожу без цепей, в кого хочу, в того влюбляюсь». Я отвечаю: «Нет, не цепей я хочу, я хочу коммунистического поведения». Но некоторые вступают со мной в спор, доказывают, что человек по характеру коммунист, должен жить счастливо, свободно, не должен быть рабом ни своих действий, ни своей жены.

А я спрашиваю: но имел ли он право быть рабом своих чувств?

Формула товарища Ленина нужна нам для того, чтобы в каждом отдельном случае, на каждом шагу, в каждом движении уметь этой формулой проверить свое поведение и узнать — коммунистически я поступаю или не

коммунистически. И совершенно ясно, что для того, чтобы эту формулу расширить до мельчайших деталей наших поступков, нужно большое усилие всех, нужна мысль, нужно искать, анализировать проблемы. Но и этого мало. Еще нужно так привыкнуть к новым требованиям, новой нравственности, чтобы соблюдать эти требования, уже не обременяя наше сознание каждый раз отдельными поисками...

Мы идем к коммунизму, к принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Но что значит «каждому по потребностям»?..

Для того чтобы выяснить, что такое потребности и как они будут действительно удовлетворяться, для этого сознательно, умно относиться к своему поведению недостаточно. Необходима привычка правильно поступать.

Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т. е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли. И воспитание этих привычек — гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания.

В моей работе воспитания характеров организовать сознание было очень легко. Все же человек понимает, человек сознает, как нужно поступать. Когда же приходится действовать, то он поступает иначе, в особенности в тех случаях, когда поступок совершается по секрету, без свидетелей. Это очень точная проверка сознания: поступок по секрету. Как человек ведет себя, когда его никто не видит, не слышит и никто не проверяет? И я потом над этим вопросом должен был очень много работать. Я понял, что легко научить человека поступать правильно в моем присутствии, в присутствии коллектива, а вот научить его поступать правильно, когда никто не слышит, не видит и ничего не узнает, — это очень трудно...

Я несколько раз наблюдал, как коммунары вели себя в трамвае. Вот сидит коммунар. Он меня не видит. Смотрю, в трамвай входит человек, коммунар осторожно сдвинулся с места, чтобы никто не заметил, ушел в сторону, и никто не заметил. Вот, товарищи, поступок здоровый, красивый поступок. Сделать для себя, ради идеи, принципа — это уже трудно, и научиться так поступать —

трудно, и трудно научить так поступать. Например, вы идете по берегу реки, тонет девочка, вы прыгнули, вытащили девочку и ушли. Что такое, если вас увидят 3—4 человека и будут вам аплодировать? Пустяки. А хочется. Помните случай в Москве, когда был пожар. Какой-то молодой человек проезжал в трамвае, увидел девушку на четвертом этаже, полез, вытащил девушку и скрылся. Никто не знал, как его найти. Вот это идеальный поступок. Поступок для правильной идеи. В каждом случае мне приходилось работать над этой проблемой. Мы натирали полы каждый день. Натерли пол, зал блестит, и кто-то прошел в грязных ботинках по полу. Пустяковый случай. Уверяю вас, никакое воровство, никакое хулиганство не доводило меня так до белого каления, как эти грязные следы. Почему нагрязнил? Потому что никто не видел. Ведь это, может быть, тот самый лучший коммунар, который от других требует правильного поведения, сам прекрасный ударник, идет впереди. И когда он остался один, наедине, когда его никто не видел,— он плюнул на работу своих товарищей, на свой собственный уют, на свою эстетику и красоту потому, что никто не видел. Таково противоречие между сознанием, как нужно поступить, и привычным поведением. Между ними есть какая-то маленькая канавка, и нужно эту канавку заполнить опытом. Именно о такой привычке к правильным поступкам говорит товарищ Ленин.

Вот общие положения о задачах коммунистического воспитания. Перед нами стоят эти задачи. Мы должны в ближайшие пять лет пройти этот путь коммунистического воспитания. Кто будет нас воспитывать? Конечно, будет воспитывать партия, советская жизнь, школа, советское движение вперед, советские победы, которые и до сих пор нас воспитывали. Мы будем воспитывать сами себя.

Вот что интересно. В книге «Флаги на башнях» я описал коммуну им. Дзержинского. Это была хорошая коммуна, образцовый коллектив. Могу без ложного стыда это утверждать.

Первыми не поверили критики. Один сказал: «Макаренко рассказывает сказки». Другой критик добавил: «Это мечта Макаренко». А я подумал: «Чего от критиков можно ждать? Сидят они в своих кабинетах, ничего не видят, не слышат, пусть пишут...»

Но вот я получил письмо от учащихся 379-й школы. Длинное товарищеское письмо. Поздравляют меня и говорят: «Читали вашу книгу «Флаги на башнях», она нам очень нравится. Но только у вас там все какие-то очень хорошие коммунары, а у человека есть достоинства и недостатки, так и нужно людей описывать».

Это — распространенное мнение, что у человека должны быть и достоинства и недостатки. Так думают даже молодые люди, школьники. Как «удобно» становится жить при сознании: достоинства имею, недостатки тоже есть. А дальше идет самоутешение: если бы не было недостатков, то это была бы схема, а не человек. Недостатки должны быть для красочности.

Но с какой стати должны быть недостатки? А я говорю: «Никаких недостатков не должно быть». И если у вас 20 достоинств и 10 недостатков, мы должны к вам пристать, а почему у вас 10 недостатков? Долой пять. Когда 5 останется — долой 2, пусть 3 останется. Вообще от человека нужно требовать, требовать, требовать! И каждый человек от себя должен требовать. Я бы никогда не пришел к этому убеждению, если бы мне не пришлось в этой области работать. Зачем у человека должны быть недостатки! Я должен совершенствовать коллектив до тех пор, пока не будет недостатков. И что вы думаете? Получается схема? Нет! Получается прекрасный человек, полный своеобразия, с яркой личной жизнью. А разве это человек, если он хороший работник, если он замечательный инженер, но любит солгать, не всегда правду сказать. Что это такое: замечательный инженер, но Хлестаков.

А теперь мы спросим: а какие же недостатки можно оставить?

Вот если вы хотите проводить коммунистическое воспитание активным образом и если при вас будут утверждать, что должны быть у каждого недостатки, вы спросите: «А какие?» Вы посмотрите, что вам будут отвечать. Какие недостатки могут оставаться? Тайно взять — нельзя, схулиганить — нельзя, украсть — нельзя, нечестно поступить — нельзя. А какие же можно? Можно оставить вспыльчивый характер? С какой стати? Среди нас будет жить человек с вспыльчивым характером, и он может обругать, а потом скажет: «Извините, у меня вспыльчивый характер». Вот именно, в советской этике должна

быть серьезная система требований к человеку, и только это и сможет привести к тому, что у нас будет развиваться в первую очередь требование к себе. Это самая трудная вещь — требование к себе. Моя же «специальность» — правильное поведение, я-то должен был во всяком случае правильно себя вести в первую очередь. От других требовать легко, а от себя — на какую-то резину наталкиваешься, все хочешь себя чем-то извинить. И я очень благодарен моему коммунарскому коллективу им. Горького и им. Дзержинского за то, что в ответ на мои требования к ним они предъявляли требования ко мне.

Например, такой случай. Я наказывал коммунаров, сажал под арест у меня в кабинете. Бывало, посидит полчаса, а я говорю: «Иди». И думаю, какой я добрый человек, наказал и через полчаса отпустил. Вот меня теперь будут любить. Вообще, благорастворение души. И вдруг на общем собрании говорят: «У нас есть предложение, Антон Семенович имеет право наказывать, поддерживаем, приветствуем это право. Но предлагаем, чтобы он не имел права прощать и отпускать. Что это такое — Антон Семенович накажет, а потом, у него доброе сердце, попросили, — и он простил. Какое же он имел право прощать? Иногда Антон Семенович с размаху скажет: под арест на 10 часов, а потом через час отпускает. Неправильно. Вы раньше, чем наказывать, подумайте, на сколько часов. А то вы скажете 10 часов, а потом прощаете. Никуда не годится».

Постановили на общем собрании: «Начальник имеет право наказывать, но не имеет права прощать». Так, как судья: вынес приговор, и через несколько минут сам ничего поделывать не может. Приговор вынесен — и все. И я сказал: «Спасибо не за то, что правильное предложение внесли, а спасибо за то, что вы меня воспитываете». Стремление закрыть глаза — простить или не простить — это распушенность собственного поведения, разболтанность собственного решения. Я учился у моих коммунаров, как быть требовательным к себе. И каждый может учиться у других людей, но это трудная вещь.

Товарищ Сталин говорит о трудных делах: «Мы не можем уподобляться расслабленным людям, бегущим от трудностей и ищущим легкой работы».

Воспитание себя, коммунистическое воспитание себя —

это трудная работа, но не сделать ее может только ослабленный человек, который ищет всего легкого.

Теперь вопрос о борьбе с пережитками капитализма.

Ну, скажем, ревность — это пережиток капитализма или нет? Ко мне недавно пришли три студента первого курса и спрашивают: «Спорим, спорим и никак выпорить не можем. Ревность — это пережиток капитализма или нет? С одной стороны, как будто пережиток капитализма, потому что я люблю ее, а она другого любит. Я как будто собственник и предъявляю свои права собственности. А с другой стороны, как же можно любить без ревности, как это можно любить и не ревновать. Это не настоящая любовь. Какая это любовь, когда тебе все равно, как она на тебя посмотрит, как она на товарища посмотрит». И на самом деле, ревность такое чувство, которое, пожалуй, так легко к капитализму не отнесешь. Во всяком случае такой вопрос поставить можно...

Возьмем эгоизм. Опять-таки, есть люди, которые говорят: эгоизм — это пережиток капитализма несомненный. А другие возражают: эгоизм — здоровое явление. Человек, не имеющий эгоизма, это значит, что с ним хочешь, то и делай. И много других явлений есть, о которых мы так и не знаем, куда их отнести.

Вообще пережитков много, и они разнообразны. Самых настоящих пережитков (экономических методов) капитализма как раз мы не наблюдаем. Трудно представить себе, чтобы наш гражданин мечтал открыть бакалейную лавочку. Такого явления мы уже не видим, и даже втайне никто об этом не мечтает. Трудно себе представить человека нашего общества, который бы хотел кого-нибудь эксплуатировать, думал бы об этом сознательно. А между тем мы наблюдаем в жизни, как один человек бессознательно «эксплуатирует» другого. В позапрошлом году я поехал с товарищем по Волге. Хороший друг. Но он меня всю дорогу, 20 дней, «эксплуатировал».

Заказать постель — он не мог, пойти на пристань что-нибудь купить — не мог. Пошел купить раз огурцов — купил гнилых. Кипятку достать, билеты купить, машину найти — ничего не мог. И я на него, как раб, отработал все это время. Он «эксплуатировал» меня и спокойно жил, пользуясь моим трудом...

Среди коммунаров я сначала по неопытности считал главным и самым трудным объектом своей заботы во-

ров, хулиганов, оскорбителей, насильников, дезорганизаторов. Это характеры, которые ничем не удержишь. Не за что взяться. А потом я понял, как я ошибаюсь. Тот, который грубит, не хочет работать, который стащил у товарища три рубля из-под подушки,— это не было самой главной трудностью и не из этого выростали враги в обществе. А тихоня, который всем нравится, который все сделает, лишний раз на глаза не попадется, никакой дурной мысли не выразит,— у себя в спальне среди 15 товарищей имеет сундук и запирает его на замок.

И это тот характер, над которым мне прежде всего нужно работать, потому что этот тихоня так и проскользнет мимо моих рук, и я не могу ручаться ни за мысли его, ни за поступки. Он и выйдет в жизнь, а я всегда буду ждать: что он сделает. По отношению к таким тихоням я особенно всегда настороже...

Сентиментальность, нежная расслабленность, стремление насладиться хорошим поступком, прослезиться от хорошего поступка, не думая, к чему такая сентиментальность приведет,— это самый большой цинизм в практической жизни. Эти пережитки остались. Тот добр, тот все прощает, тот чересчур уживчив, тот чересчур нежен. Настоящий советский гражданин понимает, что все эти явления расслабленной этики «добра» противоречат нашему революционному делу, и с этими пережитками мы должны бороться.

Но главная борьба должна идти по выработке норм нашего коммунистического поведения. Близость к практической жизни, к простому здравому смыслу составляет силу нашей коммунистической этики.

Меня восхищают слова товарища Сталина:

«Особенность данного момента состоит в том, что мы уже успели сделать серьезные шаги в деле построения социализма, превратив социализм из иконы в прозаический предмет повседневной практической работы».

И не нужно говорить об идеалах, о добре, о совершеннейшей личности, о совершеннейшем поступке, мы должны мыслить всегда прозаически, в пределах практических требований нашего сегодняшнего, завтрашнего дня. И чем ближе мы будем к простой прозаической работе, тем естественнее и совершеннее будут и наши поступки...

Мы требовать должны, но предъявлять исключительно посильные требования... Всякое превышение может только калечить...

Наша этика должна быть этикой прозаической, деловой, сегодняшнего, завтрашнего нашего обыкновенного поведения...

Возьмем такие нормы, как, например, точность... Те, кто считают, что у людей могут быть недостатки, иногда думают, если человек привык опаздывать, то это небольшой недостаток.

И вот кто-то спокойно опаздывает на 1—2 часа, пренебрегая тем, что его сидят и ждут 20 человек. Это точность в простом вопросе, а проверьте нашу точность в данном слове, точность выражений, точность выражения чувств. Сколько есть таких случаев, когда человеку только немного нравится женщина, а он говорит: влюблен, все отдам. Почему так говорят? Уважения к точности нет. Если бы это уважение было, человек как-нибудь проверил бы и сразу увидел — влюблен или не влюблен. И если бы было уважение к точности слова, не говорил бы «я вас люблю», а говорил бы «вы мне понравились». Все-таки это другое, тут надо подумать еще, надолго ли понравилась. Это отсутствие точности, в конце концов, очень близко к тому недостатку, который называется мошенничеством, точность в нашей жизни — это моральная норма, это великое дело в борьбе за наше богатство. Возьмем последний прекрасный закон о точном прибытии на работу. Многим кажется, что этот закон требует напряжения от человека, что это жестоко. А я восхищаюсь, я вижу, как создается традиция точного отношения к времени (а п л о д и с м е н т ы). Эта традиция станет привычкой, через 10 лет мы научимся уважать ее, сознавать, чувствовать каждым своим нервом, ощущать в каждом своем движении.

Я могу гордиться — в моей коммуне всегда был такой порядок: какое бы заседание ни происходило, полагалось ждать три минуты после сигнала. После этого собрание считалось открытым. Если на заседание кто-нибудь из коммунаров опаздывал на 5 минут, председатель говорил: «Ты опоздал на 5 минут — получи 5 нарядов». Это значит — 5 часов дополнительной работы.

Точность. Это производительность труда, это продуктивность, это вещи, это богатство, это уважение к себе и

к товарищам. Мы в коммуне не могли жить без точности. Десятиклассники в школах говорят: «Не хватает времени». А в коммуне была полная десятилетка и завод, который отнимал 4 часа в день. Но у нас хватало времени. И гуляли, и отдыхали, и веселились, и танцевали. И мы дошли до настоящего этического пафоса — за опоздание самое большое наказание. Скажем, коммунары говорил мне: «Ухожу в отпуск до 8 часов». Он сам назначал себе время. Но если он приходил в 5 минут 9-го, я его сажал под арест. «Кто тебя тянул за язык? Ты мог сказать в 9 часов, а сказал в 8 — значит, и приходи так».

Точность — это большое дело. И когда я вижу, коммунары дожид до точности, я считаю, что хороший человек из него выйдет. В точности проявляется уважение к коллективу, без чего не может быть коммунистической этики.

Вы знаете, как товарищ Сталин говорит о точности.

В точности проявляется основной принцип нашей этики, это постоянная мысль о нашем коллективе.

Вот вопрос об эгоизме и самоотверженности. Маркс говорит: «...как эгоизм, так и самоотверженность есть при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов».

...Я наблюдал в одной колонии, которую ревизовал в прошлом году, такой способ выхода из театра: все друг друга сдавили и выйти не могут. «Хотите, — говорю, научу, как нужно выходить из театра? Вы сейчас выходили из театра 20 минут, попробуйте выполнить мой совет — и выйдете в течение 5 минут». Очень просто: хочешь выйти — уступи другому дорогу. И действительно — помогло. Оказывается, каждый выиграл. Эгоизм каждого удовлетворен.

Мы в Харькове демонстрировали, как нужно входить в театр: колонна в шестьсот человек проходит к театру, дается сигнал — справа по одному бегом, и шестьсот коммунаров вбегали в течение 1 минуты. Это просто разум, просто логика, никакой хитрости нет. И в каждом нашем поступке может быть такая логика. Если бы все граждане при входе в трамвай уступали друг другу дорогу, никто никогда не давил и все вошли бы. Личность выигрывает именно потому, что есть расчет на большие цифры и большие массы. Наша коммунистическая этика должна быть рассчитана на миллионы счастливых, а не

на счастье только мое. Логика старая — я хочу быть счастливым человеком, мне нет дела до остальных. Логика новая — я хочу быть счастливым человеком, но самый верный путь, если я так буду поступать, чтобы все остальные были счастливы. Тогда и я буду счастлив. В каждом нашем поступке должна быть мысль о коллективе, о всеобщей победе, о всеобщей удаче. Поэтому противно смотреть на жадного эгоиста, который хочет сейчас ухватить, ухватил, пожирает и забывает, что именно при таком способе действия, вместо радости, обязательно в каком-то случае схватишь горе...

Всякий поступок, не рассчитанный на интересы коллектива, есть поступок самоубийственный, он вреден для общества, а значит, и для меня. И поэтому в нашей коммунистической этике всегда должен присутствовать разум и здравый смысл. Какой бы вы ни взяли вопрос, даже вопрос любви, решается тем, чем определяется все наше поведение. Наше поведение должно быть поведением знающих людей, умеющих людей, техников жизни, отдающих себе отчет в каждом поступке. Не может быть у нас этики без знания и умения, без организации. Это относится и к любви. Мы должны уметь любить, знать, как нужно любить. Мы должны к любви подходить как сознательные, здравомыслящие, отвечающие за себя люди, и тогда не может быть любовных драм.

У меня в коммуне были сотни девушек и юношей. Те, кто влюблялись, были убеждены сначала, что это личная симфония, а я поневоле смотрел на них и думал: вот на этого чернобровая произвела определенное влияние, которое в ближайшее время может сказаться в лишних «плохо» в школе, в позднем вставании, испорченных нервах.

Я должен был воспитывать чувства этих людей.

Этическая проблема «полюбил — разлюбил», «обманул — бросил» или проблема «полюбил и буду любить на всю жизнь» не может быть разрешена без применения самой тщательной ориентировки, учета, проверки и обязательно умения планировать свое будущее. И мы должны учиться, как надо любить. Мы обязаны быть сознательными гражданами в любви, и мы поэтому должны бороться со старой привычкой и взглядом на любовь, что любовь — это наитие свыше, налетела вот такая стихия, и у человека только его «предмет» и больше ничего. Я полюбил, поэтому я опаздываю на работу, забываю

дома ключи от служебных шкафов, забываю деньги на трамвай. Любовь должна обогащать людей ощущением силы, и она обогащает. Я учил своих коммунаров и в любви проверять себя, думать о том, что будет завтра.

Такая разумная, точная проверка может быть сделана по отношению к каждому поступку. Возьмите такую простую категорию, как несчастье. Ведь по нашей старой привычке говорят: «Это не его вина, а его беда». Иначе: это несчастный человек, с ним случилось несчастье, надо его пожалеть, поддержать. Правильно — поддерживать, конечно, нужно в несчастье, но гораздо важнее требовать, чтобы не было несчастий. Несчастий, несчастных людей быть не должно. Нельзя быть несчастным. Наша этика требует от нас, во-первых, чтобы мы были стахановцами, чтобы мы были прекрасными работниками, чтобы мы были творцами нашей жизни, героями, но она будет требовать, чтобы мы были счастливыми людьми. И счастливым человеком нельзя быть по случаю — выиграть, как в рулетку, — счастливым человеком нужно уметь быть. В нашем обществе, где нет эксплуатации, подавления одного другим, где есть равенство человеческих путей и возможностей, несчастий быть не должно.

Правда, мы еще мало об этом думаем. Но вот я в своем маленьком опыте подошел к этому и говорил коммунарам: что может быть противнее несчастного человека. Ведь один вид несчастного человека убивает всю радость жизни, отравляет существование. Поэтому, если ты чувствуешь себя несчастным, первая твоя нравственная обязанность — никто об этом не должен знать. Найди в себе силы улыбаться, найди силы презирать несчастье. Всякое несчастье всегда преувеличено. Его всегда можно победить. Постарайся, чтобы оно прошло скорей, сейчас. Найди в себе силы думать о завтрашнем дне, о будущем. А как только ты станешь на этот путь, ты вступишь на путь предупреждения несчастий. Счастье делается нашим нравственным обязательством, и иначе быть не может при коммунизме. Несчастье может быть только продуктом плохой коммунистической нравственности, т. е. неумения, неточности, отсутствия уважения к себе и другим.

Вот, товарищи, я заканчиваю. Для того чтобы разрешить все вопросы коммунистической этики, нужно много думать, мыслить, писать об этом, к этому стремиться.

Нужно себя тренировать в постоянном нравственном поступке. Вся наша жизнь, наша борьба, наше строительство, наше напряжение помогут нам расти в области коммунистического воспитания.

Разрешите закончить.

Отвeты на вопросы

Вопрос. «Англичане очень точны, но можно ли их назвать людьми с коммунистическими задатками?»

Я не говорил, что точность единственный признак коммунистически воспитанного человека. Я говорил, что у нас точность должна быть моральной нормой, а у англичан точность существует лишь как норма этикета, норма вежливости. Мы требуем точности не только в быту, а и в работе, в словах, в ответственности за свои обязанности. Наша формула точности глубже захватывает жизнь, но, конечно, не покрывает всего коммунистического воспитания.

Вопрос. «Очень часто ребята не хотят учиться, а хотят работать, а мы до 17 лет их мучаем и мучаемся сами. Правильно ли это?»

Маркс считал, что дети с 9 лет должны принимать участие в производительном труде. Труд очень увлекает детей, и я уверен, что наша будущая школа будет применять производительный труд. Мы не справились с трудовым воспитанием в большей мере благодаря отсутствию кадров.

Вопрос. «Прошу ответить, вы встречали ваших героев во «Флагах на башнях», работали с ними или вы полагаете, что они должны быть такие?»

Я восемь лет руководил этой коммуной. Я убежден, что каждый детский коллектив может быть таким, и требую этого. Только в отличие от некоторых педагогов, моих противников, я говорил — это возможно, если от детей требовать правильного поведения. Кроме требования, нужны и другие меры. Я вообще считаю, что у нас сейчас во многих школах главной бедой является дисгармония между бурными, сильными, горячими натурами ребят в 12—14 лет и скукой детского коллектива в школе. Детский коллектив должен быть гораздо более веселый, бодрый.

В книге «Флаги на башнях» нет ничего выдуманного, там описана только правда. И я это сделал, прекрасно

понимая, что уменьшаю художественную силу своего произведения. Если бы я прибавил, выдумал, оно было бы интересно. Но я служу интересам коммунистического воспитания и не считал себя вправе описать не так, как было.

Вопрос. «Я знаю некоторых студентов, они изучают науки, готовятся быть научными деятелями, а в то же время ходят грязные».

Совершенно правильно, не только студенты. Я на внешность обращал первейшее внимание. Внешность имеет большое значение в жизни человека. Трудно представить себе человека грязного, неряшливого, чтобы он мог следить за своими поступками. Мои коммунары были франты, и я требовал не только чистоплотности, но изящества, чтобы они могли ходить, стоять, говорить. Они были очень приветливыми, вежливыми, джентльменами... И это совершенно необходимо...

Когда ко мне приехал инспектор Наркомпроса и разговаривал со мной, развалиясь на столе, я ему сказал: «Товарищ инспектор, вы не умеете со мной разговаривать в присутствии коммунаров, укладываетесь на мой стол, это не корректно».

Вопрос. «Нет ли в книжке «Флаги на башнях» замысла более широкого, чем показать детский коллектив?»

Я хотел показать, что настоящая педагогика — это та, которая повторяет педагогiku всего нашего общества. Требования нашей партии — большие требования к человеку и коллективу. И я свою педагогiku не выдумал. Я знал, что больше требуют от членов партии, чем от беспартийных, и поэтому я от своих старших коммунаров, комсомольцев в первую очередь требовал. И я считая — наказывать нужно не худших, а лучших.

Лучшим ничего прощать нельзя, даже мелочи. А худшие за ними тянутся. Они хотят, чтобы от них столько требовали. Так поступает Коммунистическая партия: она от лучших требует больше. И это наше советское достижение.

Вопрос. «Один ученик избил другого. Последствия — увечье. Вина виновника наказывают так: исключают на несколько лет. Правильно ли это?»

Я знаю такой случай, когда одна ученица обкрадывала других, и тогда всем синклитом постановили: отправим ее в летний санаторий, она отдохнет и исправится. Но она научилась там танцевать фокстрот и приехала такой же, как была.

Я считаю, что дети даже толкать не должны друг друга. Они должны двигаться целесообразно. Никаких бесцельных движений. И я своим коммунарам говорил: хочется побегать — вон площадка, можно там бегать. Извольте здесь вести себя прилично.

Вообще воспитание сдержанности, торможение движений — прежде всего. А избиение товарища считалось самым страшным преступлением, за которое изгоняли из коммуны.

В о п р о с. *«Необходимо издание журнала «Школа и семья».*

Это правильно. Я вижу, в каком беспомощном положении находятся родители, когда простого совета не от кого получить. Журнал такой нужен.

В о п р о с. *«Считаете ли вы правильным сохранение единой школы, когда для всех обязательно 7-летнее обучение по единой программе? Согласны ли вы с тем, что при таких условиях воспитание — самое легкое дело? Вы имели в коллективе правонарушителей, а в обычной школе мы имеем такую смесь, что воспитание становится достаточно трудным.*

Согласны ли вы с тем, что следует некоторых ребят изолировать от их родителей, даже если они еще не правонарушители? Я имею в виду советский соответствующий интернат.

Согласны ли вы с тем, что ребята, имеющие неоднократные приводы, должны оставаться в нормальной школе?»

Такой вопрос задал мне Эррио — французский министр, когда приезжал ко мне в коммуны: «Как вы допускаете, что у вас воспитываются вместе правонарушители и нормальные дети?»

Я ему ответил, что в жизни тоже они живут вместе. Именно поэтому воспитывать нужно вместе.

Каждый человек должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию. Не оберегать человека от вредного влияния, а учить его сопротивляться. Вот это — советская педагогика.

Я согласен, что воспитание — легкое дело, и, конечно, в школе оно легче, чем в коммуне. Я удивляюсь многим нашим директорам, которые говорят: «У вас было хорошо, у детей не было семьи, они все жили у вас под руками». А я их спрашиваю: «А что вы сделали, чтобы овладеть бытом ваших детей?» — «Мы вызываем родителей».

Вы прекрасно понимаете, что обычно вызывают родителей и говорят: «Ваш мальчик не учится и плохо себя ведет. Примите какие-нибудь меры. Поговорите. Боже сохрани — не бейте». — «Хорошо, до свиданья».

Каждый понимает, в чем дело. В глубине души педагог думает: но хорошо, если он его побьет.

Иной родитель после такого разговора прямо берется за ремень, а другой просто ничего не делает, и все идет попрежнему.

Я считаю, что педагогический коллектив школы должен организовать быт школьника. Что бы я сделал на месте директора школы? Я положил бы перед собой карту всех дворов, где живут ученики. Организовал бы бригады. Бригадиры приходили бы каждый день и рапортовали, что делается во дворах. Раз в месяц под руководством бригадира бригада выстраивалась бы, и я приходил бы на смотр. Я премировал бы лучшие бригады в школе. Я прикреплял бы родителей к бригадам. И можно было бы многое сделать. Лиха беда начало. Во всяком случае влиять на семью нужно через учеников. Самый верный способ. Вы в школе, в государственном воспитательном учреждении, и вы должны руководить воспитанием в семье.

Вопрос. «Могут ли быть у детей отрицательные черты характера или могут быть только дурные привычки, связанные с плохой средой?»

Могут быть дурные привычки у ребенка с плохой нервной системой, и часто, прежде всякого педагогического вмешательства, нужно просто пригласить врача. Иногда советуют переменить коллектив. А я считаю, что нет ничего более вредного, как частая перемена коллектива для детей. Из-за этого вырастает антиколлективная личность. Так что действовать в сторону улучшения коллектива лучше, чем менять коллектив.

ЛЕКЦИИ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ¹

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

Дорогие родители, граждане Советского Союза!

Воспитание детей — самая важная область нашей жизни. Наши дети — это будущие граждане нашей страны и граждане мира. Они будут творить историю. Наши дети — это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отцами и матерями. Но и это — не все: наши дети — это наша старость. Правильное воспитание — это наша счастливая старость, плохое воспитание — это наше будущее горе, это — наши слезы, это — наша вина перед другими людьми, перед всей страной.

Дорогие родители, прежде всего вы всегда должны помнить о великой важности этого дела, о вашей большой ответственности за него.

Сегодня мы начинаем целый ряд бесед по вопросам семейного воспитания. В дальнейшем мы будем говорить подробно об отдельных деталях воспитательной работы: о дисциплине и родительском авторитете, об игре, о пище и одежде, о вежливости и т. д. Все это — очень важ-

¹ Восемь лекций о воспитании детей, в которых в систематическом изложении были рассмотрены основные вопросы семейного воспитания, были прочитаны А. С. Макаренко по радио в 1937 г. В сентябре — октябре 1940 г. эти лекции были опубликованы в «Учительской газете» и «Известиях». В том же 1940 г. они были изданы отдельной книгой Учпедгизом под ред. Г. Макаренко и В. Колбановского, причем порядок последних четырех лекций был несколько изменен по сравнению с тем, в каком их читал А. С. Макаренко. Книга неоднократно переиздавалась. В «Сочинениях» А. С. Макаренко, изданных Академией педагогических наук РСФСР, лекции помещены в четвертом томе в том порядке, какой им дал автор, и в этом же порядке воспроизводятся в настоящем сборнике.

ные отделы, говорящие о полезных методах воспитательной работы. Но прежде чем говорить о них, обратим ваше внимание на некоторые вопросы, которые имеют общее значение, которые относятся ко всем отделам, ко всем деталям воспитания, которые всегда нужно помнить.

Прежде всего обращаем ваше внимание на следующее: воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитать. Правильное воспитание с самого раннего детства — это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силам каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Хорошо воспитать своего ребенка легко может каждый человек, если только он этого действительно захочет, а кроме того, это — дело приятное, радостное, счастливое. Совсем другое — перевоспитание. Если ваш ребенок воспитывался неправильно, если вы что-то прозевали, мало о нем думали, а то, бывает, и поленились, запустили ребенка — тогда уже нужно многое переделывать, поправлять. И вот эта работа поправки, работа перевоспитания — уже не такое легкое дело. Перевоспитание требует и больше сил и больше знаний, больше терпения, а не у каждого родителя все это найдется. Очень часто бывают такие случаи, когда семья уже никак не может справиться с трудностями перевоспитания, и приходится отправлять сына или дочку в трудовую колонию. А бывает и так, что и колония ничего поделывать не может, и выходит в жизнь человек не совсем правильный. Возьмем даже такой случай, когда переделка помогла, вышел человек в жизнь и работает. Все смотрят на него, и все довольны, и родители в том числе. Но того никто не хочет подсчитать, сколько все-таки потеряли. Если бы этого человека с самого начала правильно воспитывали, он больше взял бы от жизни, он вышел бы в жизнь еще более сильным, более подготовленным, а значит, и более счастливым. А кроме того, работа перевоспитания, переделки — это работа не только более трудная, но и горестная. Такая работа, даже при полном успехе, причиняет родителям постоянные огорчения, изнашивает нервы, часто портит родительский характер.

Советуем родителям всегда помнить об этом, всегда стараться воспитывать так, чтобы ничего потом не пришлось переделывать, чтобы с самого начала все было сделано правильно.

Очень много ошибок в семейной работе получается от того, что родители как будто забывают, в какое они живут время. Бывает, родители на службе, вообще в жизни, в обществе выступают как хорошие граждане Советского Союза, как члены нового, социалистического общества, а дома, среди детей, живут по старинке. Конечно, нельзя сказать, что в старой, дореволюционной семье все было плохо, многое из старой семьи можно перенять, но нужно всегда помнить, что наша жизнь принципиально отличается от старой жизни. Нужно помнить, что мы живем в бесклассовом обществе, что такое общество существует пока только в СССР, что нам предстоят большие бои с умирающей буржуазией, большое социалистическое строительство. Наши дети должны вырасти активными и сознательными строителями коммунизма.

Родители должны подумать, чем отличается новая, советская семья от старой. В старой семье, например, отец имел больше власти, дети жили в полной его воле, и податься им от отцовской власти было некуда. Многие отцы такой властью и злоупотребляли, относились к детям жестоко, как самодуры. Государство и православная церковь такую власть поддерживали — это было выгодно для общества эксплуататоров. В нашей семье дело обстоит иначе. Например, наша девушка не будет ждать, пока ей родители найдут жениха. Но и наша семья должна руководить чувствами своих детей. Очевидно, что наше руководство уже не может пользоваться в этом деле старыми способами, а должно находить новые.

В старом обществе каждая семья принадлежала к какому-нибудь классу, и дети этой семьи обыкновенно оставались в том же классе. Сын крестьянина и сам обыкновенно крестьянствовал, сын рабочего тоже становился рабочим. Для наших детей предоставлены очень широкие просторы выбора. В этом выборе решающую роль играют не материальные возможности семьи, а исключительно способности и подготовка ребенка. Наши дети, стало быть, пользуются совершенно несравненным простором. Об этом знают и отцы, об этом знают и дети. При таких условиях становится просто невозможным никакое отцовское усмотрение. Для родителей теперь нужно рекомендовать гораздо более тонкое, осторожное и умелое руководство.

Семья перестала быть отцовской семьей. Наша женщина пользуется такими же правами, как и мужчина, наша мать имеет права, равные правам отца. Наша семья подчиняется не отцовскому единовластию, а представляет собой советский коллектив. В этом коллективе родители обладают известными правами. Откуда берутся эти права?

В старое время считалось, что отцовская власть имеет небесное происхождение: так угодно богу, о почитании родителей существовала особая заповедь. В школах батюшки толковали об этом, рассказывали детям, как бог жестоко наказывал детей за неуважение к родителям. В Советском государстве мы детей не обманываем. Наши родители, однако, тоже отвечают за свою семью перед всем советским обществом и советским законом. Поэтому и наши родители имеют большую власть и должны иметь авторитет в своей семье. Хотя каждая семья составляет коллектив равноправных членов общества, все же родители и дети отличаются тем, что первые руководят семьей, а вторые воспитываются в семье.

Обо всем этом каждый родитель должен иметь совершенно ясное представление. Каждый должен понимать, что в семье он — не полный, бесконтрольный хозяин, а только старший ответственный член коллектива. Если эта мысль хорошо будет понята, то правильно пойдет и вся воспитательная работа.

Мы знаем, что эта работа не у всех одинаково успешно протекает. Это зависит от многих причин и прежде всего зависит от применения правильных методов воспитания. Но очень важной причиной является и самое устройство семьи, ее структура. В известной мере эта структура находится в нашей власти. Можно, например, решительно утверждать, что воспитание единственного сына или единственной дочери гораздо более трудное дело, чем воспитание нескольких детей. Даже в том случае, если семья испытывает некоторые материальные затруднения, нельзя ограничиваться одним ребенком. Единственный ребенок очень скоро становится центром семьи. Заботы отца и матери, сосредоточенные на этом ребенке, обыкновенно превышают полезную норму. Любовь родительская в таком случае отличается известной нервозностью. Болезнь этого ребенка или его смерть пере-

носится такой семьей очень тяжело, и страх такого несчастья всегда стоит перед родителями и лишает их необходимого спокойствия. Очень часто единственный ребенок привыкает к своему исключительному положению и становится настоящим деспотом в семье. Для родителей очень трудно бывает затормозить свою любовь к нему и свои заботы, и волей-неволей они воспитывают эгоиста.

Только в семье, где есть несколько детей, родительская забота может иметь нормальный характер. Она равномерно распределяется между всеми. В большой семье ребенок привыкает с самых малых лет к коллективу, приобретает опыт взаимной связи. Если в семье есть старшие и младшие дети, между ними устанавливается опыт любви и дружбы в самых разнообразных формах. Жизнь такой семьи предоставляет ребенку возможность упражняться в различных видах человеческих отношений. Перед ними проходят такие жизненные задачи, которые единственному ребенку недоступны: любовь к старшему брату и любовь к младшему брату—это совершенно различные чувства, умение поделиться с братом или сестрой, привычка посочувствовать им. Мы уже не говорим, что в большой семье на каждом шагу, даже в игре, ребенок привыкает быть в коллективе. Все это очень важно именно для советского воспитания. В буржуазной семье этот вопрос не имеет такого значения, так как там все общество построено на эгоистическом принципе.

Бывают и другие случаи неполной семьи. Очень болезненно отражается на воспитании ребенка, если родители не живут вместе, если они разошлись. Часто дети становятся предметом распри между родителями, которые открыто ненавидят друг друга и не скрывают этого от детей.

Необходимо рекомендовать тем родителям, которые почему-либо оставляют один другого, чтобы в своей ссоре, в своем расхождении они больше думали о детях. Какие угодно несогласия можно разрешить более деликатно. Можно скрыть от детей и свою неприязнь и свою ненависть к бывшему супругу. Трудно, разумеется, мужу, оставившему семью, как-нибудь продолжать воспитание детей. И если он уже не может благотворно влиять на свою старую семью, то уже лучше постараться, чтобы она совсем его забыла, это будет более честно. Хотя,

разумеется, свои материальные обязательства по отношению к покинутым детям он должен нести попрежнему.

Вопрос о структуре семьи — вопрос очень важный, и к нему нужно относиться вполне сознательно.

Если родители по-настоящему любят своих детей и хотят их воспитать как можно лучше, они будут стараться и свои взаимные несогласия не доводить до разрыва и тем не ставить детей в самое трудное положение.

Следующий вопрос, на который можно обратить самое серьёзное внимание,— это вопрос о цели воспитания. В некоторых семьях можно наблюдать полное бездумье в этом вопросе: просто живут рядом родители и дети, и родители надеются на то, что все само собой получится. У родителей нет ни ясной цели, ни определенной программы. Конечно, в таком случае и результаты будут всегда случайны, и часто такие родители потом удивляются, почему это у них выросли плохие дети. Никакое дело нельзя хорошо сделать, если неизвестно, чего хотят достигнуть.

Каждый отец и каждая мать должны хорошо знать, что они хотят воспитать в своем ребенке. Надо отдавать себе ясный отчет относительно своих собственных родительских желаний. Хотите ли вы воспитать настоящего гражданина Советской страны, человека знающего, энергичного, честного, преданного своему народу, делу революции, трудолюбивого, бодрого и вежливого? Или вы хотите, чтобы из вашего ребенка вышел мещанин, жадный, трусливый, какой-нибудь хитренький и мелкий делец? Дайте себе труд, подумайте хорошо над этим вопросом, подумайте хотя бы втайне, и вы сразу увидите и много сделанных вами ошибок и много правильных путей впереди.

И при этом всегда вы должны помнить: вы родили и воспитываете сына или дочь не только для вашей родительской радости. В вашей семье и под вашим руководством растет будущий гражданин, будущий деятель и будущий борец. Если вы напугаете, воспитаете плохого человека, горе от этого будет не только вам, но и многим людям и всей стране. Не отмахивайтесь от этого вопроса, не считайте его надоедливым резонерством. Ведь на вашем заводе, в вашем учреждении вы стыдитесь выпускать брак вместо хорошей продукции. Еще более стыдно должно быть для вас давать обществу плохих или вредных людей.

Этот вопрос имеет очень важное значение. Стоит только вам серьезно над ним задуматься, и многие беседы о воспитании станут для нас лишними — вы и сами увидите, что вам нужно делать. А как раз многие родители не думают над таким вопросом. Они любят своих детей, они наслаждаются их обществом, они даже хвастаются ими, наряжают их и совершенно забывают о том, что на их моральной ответственности лежит рост будущего гражданина.

Может ли задуматься над всем этим такой отец, который сам является плохим гражданином, который совершенно не интересуется ни жизнью страны, ни ее борьбой, ни ее успехами, которого не тревожат вражеские вылазки? Конечно, не может. Но о таких людях и говорить не стоит, их немного в нашей стране.

Но есть иные люди. Они на работе и среди людей чувствуют себя гражданами, а домашние дела проходят независимо от этого: дома они или просто помалкивают, или, напротив, ведут себя так, как не должен вести себя советский гражданин. Раньше, чем вы начнете воспитывать своих детей, проверьте ваше собственное поведение.

Нельзя отделить семейные дела от дел общественных. Ваша активность в обществе или на работе должна иметь отражение и в семье, семья ваша должна видеть ваше политическое и гражданское лицо и не отделять его от лица родителя. Все, что совершается в стране, через вашу душу и вашу мысль должно приходиться к детям. То, что совершается на вашем заводе, что радует или печалит вас, должно интересоваться и ваших детей. Они должны знать, что вы — общественный деятель, и гордиться вами, вашими успехами, вашими заслугами перед обществом. И только в том случае эта гордость будет здоровой гордостью, если ее общественная сущность детям понятна, если они не гордятся просто вашим хорошим костюмом, вашим автомобилем или охотничьим ружьем.

Ваше собственное поведение — самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы

обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету,— все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом — вот первый и самый главный метод воспитания!

А между тем приходится иногда встречать таких родителей, которые считают, что нужно найти какой-то хитрейший рецепт воспитания детей, и дело будет сделано. По их мнению, если этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоке, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека; если его дать мошеннику, рецепт поможет воспитать честного гражданина, в руках вора он тоже сделает чудо, и ребенок вырастет правдивым.

Таких чудес не бывает. Никакие рецепты не помогут, если в самой личности воспитателя есть большие недостатки.

На эти недостатки и нужно обратить первое внимание. А что касается фокусов, то нужно раз навсегда помнить, что педагогических фокусов просто не существует. К сожалению, иногда можно видеть таких людей, верящих в фокусы. Тот придумает особое наказание, другой вводит какие-нибудь премии, третий всеми силами старается паясничать дома и развлекать детей, четвертый подкупает обещаниями.

Воспитание детей требует самого серьезного тона, самого простого и искреннего. В этих трех качествах должна заключаться предельная правда вашей жизни. Самое незначительное прибавление лживости, искусственности, зубоскальства, легкомыслия делает воспитательную работу обреченной на неудачу. Это вовсе не значит, что вы должны быть всегда надуты, напыщены,— будьте просто искренни, пусть ваше настроение соответствует моменту и сущности происходящего в вашей семье.

Фокусы мешают людям видеть настоящие задачи, стоящие перед ними, фокусы в первую очередь забавляют самих родителей, фокусы отнимают время.

А многие родители так любят жаловаться на недостаток времени!

Конечно, лучше, если родители чаще бывают с детьми, очень нехорошо, если родители никогда их не видят. Но все же необходимо сказать, что правильное воспитание вовсе не требует, чтобы родители не спускали с детей глаз. Такое воспитание может принести только вред. Оно развивает пассивность характера, такие дети слишком привыкают к обществу взрослых, и духовный рост их идет слишком быстро. Родители любят этим похвастаться, но потом убеждаются, что допустили ошибку.

Вы должны хорошо знать, что делает, где находится, кем окружен ваш ребенок, но вы должны предоставить ему необходимую свободу, чтобы он находился не только под вашим личным влиянием, а под многими разнообразными влияниями жизни. Не думайте при этом, что вы должны трусливо отгораживать его от влияний отрицательных или даже враждебных. Ведь в жизни все равно ему придется столкнуться с различными соблазнами, с чуждыми и вредными людьми и обстоятельствами. Вы должны выработать у него умение разбираться в них, бороться с ними, узнавать их своевременно. В парниковом воспитании, в изолированном высиживании нельзя этого выработать. Поэтому, совершенно естественно, вы должны допустить самое разнообразное окружение ваших детей, но никогда не теряйте их из виду.

Детям необходимо во-время помочь, во-время остановить их, направить. Таким образом, от вас требуется только постоянный корректив к жизни ребенка, но вовсе не то, что называется вождением за руку. В свое время мы коснемся подробнее этого вопроса, сейчас же мы остановились на нем только потому, что зашел разговор о времени. Для воспитания нужно не большое время, а разумное использование малого времени. И еще раз повторяем: воспитание происходит всегда, даже тогда, когда вас нет дома.

Истинная сущность воспитательной работы, вероятно, вы и сами уже догадались об этом, заключается вовсе не в ваших разговорах с ребенком, не в прямом воздействии на ребенка, а в организации вашей семьи, вашей

личной и общественной жизни и в организации жизни ребенка. Воспитательная работа есть прежде всего работа организатора. В этом деле поэтому нет мелочей. Вы не имеете права ничего назвать мелочью и забыть о ней. Страшной ошибкой будет думать, что в вашей жизни или в жизни вашего ребенка вы что-нибудь выделите крупное и уделите этому крупному все ваше внимание, а все остальное отбросите в сторону. В воспитательной работе нет пустяков. Какой-нибудь бант, который вы завязываете в волосах девочки, та или иная шапочка, какая-нибудь игрушка — все это — такие вещи, которые могут иметь в жизни ребенка самое большое значение. Хорошая организация в том и заключается, что она не выпускает из виду мельчайших подробностей и случаев. Мелочи действуют регулярно, ежедневно, ежечасно, из них и складывается жизнь. Руководить этой жизнью, организовать ее и будет самой ответственной вашей задачей.

В следующих беседах мы рассмотрим отдельные методы воспитательной работы в семье более подробно. Сегодняшняя беседа была вступлением.

Резюмируем кратко сказанное сегодня.

Надо стремиться к правильному воспитанию, чтобы потом не пришлось заниматься перевоспитанием, что гораздо труднее.

Надо помнить, что вы руководите новой, советской семьей. По возможности надо добиваться правильной структуры этой семьи.

Необходимо иметь перед собой точную цель и программу воспитательной работы.

Надо всегда помнить, что ребенок — не только ваша радость, но и будущий гражданин, что вы отвечаете за него перед страной. Надо прежде всего самому быть хорошим гражданином и вносить свое гражданское самочувствие и в семью.

Надо предъявлять самые строгие требования к своему собственному поведению.

Не нужно надеяться ни на какие рецепты и фокусы. Нужно быть серьезным, простым и искренним.

Не нужно рассчитывать на большую трату времени, нужно уметь руководить ребенком, а не оберегать его от жизни.

Главное в воспитательной работе заключается в организации жизни семьи с пристальным учетом мелочей.

О РОДИТЕЛЬСКОМ АВТОРИТЕТЕ

В прошлой беседе мы говорили о том, что советская семья многим отличается от семьи буржуазной. И прежде всего ее отличие заключается в характере родительской власти. Наш отец и наша мать уполномочены обществом воспитать будущего гражданина нашего отечества, они отвечают перед обществом. На этом и основываются их родительская власть и их авторитет в глазах детей.

Однако будет просто неудобно в самой семье перед детьми доказывать родительскую власть постоянной ссылкой на такое общественное полномочие. Воспитание детей начинается с того возраста, когда никакие логические доказательства и предъявление общественных прав вообще невозможны, а между тем без авторитета невозможен воспитатель.

Наконец, самый смысл авторитета в том и заключается, что он не требует никаких доказательств, что он принимается как несомненное достоинство старшего, как его сила и ценность, видимая, так сказать, простым детским глазом.

Отец и мать в глазах ребенка должны иметь этот авторитет. Часто приходится слышать вопрос: что делать с ребенком, если он не слушается? Вот это самое «не слушается» и есть признак того, что родители в его глазах не имеют авторитета.

Откуда берется родительский авторитет, как он организуется?

Те родители, у которых дети «не слушаются», склонны иногда думать, что авторитет дается от природы, что это — особый талант. Если таланта нет, то и поделаться ничего нельзя, остается только позавидовать тому, у кого такой талант есть. Эти родители ошибаются. Авторитет может быть организован в каждой семье, и это даже не очень трудное дело.

К сожалению, встречаются родители, которые организуют такой авторитет на ложных основаниях. Они стремятся к тому, чтобы дети их слушались, это составляет их цель. А на самом деле это ошибка. Авторитет и послушание не могут быть целью. Цель может быть только одна: правильное воспитание. Только к этой одной цели и нужно стремиться. Детское послушание может

быть только одним из путей к этой цели. Как раз те родители, которые о настоящих целях воспитания не думают, добиваются послушания для самого послушания. Если дети послушны, родителям живется спокойнее. Вот это самое спокойствие и является их настоящей целью. На поверку всегда выходит, что ни спокойствие, ни послушание не сохраняются долго. Авторитет, построенный на ложных основаниях, только на очень короткое время помогает, скоро все разрушается, не остается ни авторитета, ни послушания. Бывает и так, что родители добиваются послушания, но зато все остальные цели воспитания в загоне: вырастают, правда, послушные, но слабые дети.

Есть много сортов такого ложного авторитета. Мы рассмотрим здесь более или менее подробно десяток этих сортов. Надеемся, что после такого рассмотрения легче будет выяснить, каким должен быть авторитет настоящий. Приступим.

Авторитет подавления. Это самый страшный сорт авторитета, хотя и не самый вредный. Больше всего таким авторитетом страдают отцы. Если отец дома всегда рычит, всегда сердит, за каждый пустяк раздражается громом, при всяком удобном и неудобном случае хватается за палку или за ремень, на каждый вопрос отвечает грубостью, каждую вину ребенка отмечает наказанием, — то это и есть авторитет подавления. Такой отцовский террор держит в страхе всю семью, не только детей, но и мать. Он приносит вред не только потому, что запугивает детей, но и потому, что делает мать нулевым существом, которое способно быть только прислугой. Не нужно доказывать, как вреден такой авторитет. Он ничего не воспитывает, он только приучает детей подальше держаться от страшного папаши, он вызывает детскую ложь и человеческую трусость и в то же время он воспитывает в ребенке жестокость. Из забитых и безвольных детей выходят потом либо слякотные, никчемные люди, либо самодуры, в течение всей своей жизни мстящие за подавленное детство. Этот самый дикий сорт авторитета бывает только у некультурных родителей и в последнее время, к счастью, вымирает.

Авторитет расстояния. Есть такие отцы, да и матери, которые серьезно убеждены: чтобы дети слушались, нужно поменьше с ними разговаривать, подальше

держаться, изредка только выступать в виде начальства. Особенно любили этот вид в некоторых старых интеллигентских семьях. Здесь сплошь и рядом у отца какой-нибудь отдельный кабинет, из которого он показывается изредка, как первосвященник. Обедает он отдельно, развлекается отдельно, даже свои распоряжения по вверенной ему семье он передает через мать. Бывают и такие матери: у них своя жизнь, свои интересы, свои мысли. Дети находятся в ведении бабушки или даже домработницы.

Нечего и говорить, что такой авторитет не приносит никакой пользы, и такая семья не может быть названа советской семьей.

А в т о р и т е т ч в а н с т в а. Это особый вид авторитета расстояния, но, пожалуй, более вредный. У каждого гражданина Советского государства есть свои заслуги. Но некоторые люди считают, что они — самые заслуженные, самые важные деятели, и показывают эту важность на каждом шагу, показывают и своим детям. Дома они даже больше пыжаты и надуваются, чем на работе, они только и делают, что толкуют о своих достоинствах, они высокомерно относятся к остальным людям. Бывает очень часто, что пораженные таким видом отца, начинают чваниться и дети. Перед товарищами они тоже выступают не иначе, как с хвастливым словом, на каждом шагу повторяя: мой папа — начальник, мой папа — писатель, мой папа — командир, мой папа — знаменитость. В этой атмосфере высокомерия важный папа уже не может разобрать, куда идут его дети и кого он воспитывает. Встречается такой авторитет и у матерей: какое-нибудь особенное платье, важное знакомство, поездка на курорт — все это дает им основание для чванства, для отдаления от остальных людей и от своих собственных детей.

А в т о р и т е т п е д а н т и з м а. В этом случае родители больше обращают внимания на детей, больше работают, но работают, как бюрократы. Они уверены в том, что дети должны каждое родительское слово выслушивать с трепетом, что слово их — это святыня. Свои распоряжения они отдают холодным тоном, и раз оно отдано, то немедленно становится законом. Такие родители больше всего боятся, как бы дети не подумали, что папа ошибся, что папа — человек не твердый. Если такой папа

сказал: «Завтра будет дождь, гулять нельзя», то хотя бы завтра была и хорошая погода, все же считается, что гулять нельзя. Папе не понравилась какая-нибудь кинокартина, он вообще запретил детям ходить в кино, в том числе и на хорошие картины. Папа наказал ребенка, потом обнаружилось, что ребенок не так виноват, как казалось сначала, папа ни за что не отменит своего наказания: раз я сказал, так и должно быть. На каждый день хватает для такого папы дела, в каждом движении ребенка он видит нарушение порядка и законности и пристаёт к нему с новыми законами и распоряжениями. Жизнь ребенка, его интересы, его рост проходят мимо такого папы незаметно; он ничего не видит, кроме своего бюрократического начальствования в семье.

Авторитет резонерства. В этом случае родители буквально заедают детскую жизнь бесконечными поучениями и назидательными разговорами. Вместо того чтобы сказать ребенку несколько слов, может быть, даже в шутовском тоне, родитель усаживает его против себя и начинает скучную и надоедливую речь. Такие родители уверены, что в поучениях заключается главная педагогическая мудрость. В такой семье всегда мало радости и улыбки. Родители изо всех сил стараются быть добродетельными, они хотят в глазах детей быть непогрешимыми. Но они забывают, что дети — это не взрослые, что у детей своя жизнь и что нужно эту жизнь уважать. Ребенок живет более эмоционально, более страстно, чем взрослый, он меньше всего умеет заниматься рассуждениями. Привычка мыслить должна приходиться к нему постепенно и довольно медленно, а постоянные разглагольствования родителей, постоянное их зуденье и болтливость проходят почти бесследно в их сознании. В резонерстве родителей дети не могут увидеть никакого авторитета.

Авторитет любви. Это у нас самый распространенный вид ложного авторитета. Многие родители убеждены: чтобы дети слушались, нужно, чтобы они любили родителей, а чтобы заслужить эту любовь, необходимо на каждом шагу показывать детям свою родительскую любовь. Нежные слова, бесконечные лобзания, ласки, признания сыплются на детей в совершенно избыточном количестве. Если ребенок не слушается, у него немедленно спрашивают: «Значит, ты папу не

любишь?» Родители ревниво следят за выражением детских глаз и требуют нежности и любви. Часто мать при детях рассказывает знакомым: «Он страшно любит папу и страшно любит меня, он такой нежный ребенок...»

Такая семья настолько погружается в море сентиментальности и нежных чувств, что уже ничего другого не замечает. Мимо внимания родителей проходят многие важные мелочи семейного воспитания. Ребенок все должен делать из любви к родителям.

В этой линии много опасных мест. Здесь вырастает семейный эгоизм. У детей, конечно, не хватает сил на такую любовь. Очень скоро они замечают, что папу и маму можно как угодно обмануть, только нужно это делать с нежным выражением. Папу и маму можно даже запугать, стоит только надуться и показать, что любовь начинает проходить. С малых лет ребенок начинает понимать, что к людям можно подыгрываться. А так как он не может любить так же сильно и других людей, то подыгрывается к ним уже без всякой любви, с холодным и циническим расчетом. Иногда бывает, что любовь к родителям сохраняется надолго, но все остальные люди рассматриваются как посторонние и чуждые, к ним нет симпатии, нет чувства товарищества.

Это очень опасный вид авторитета. Он вырашивает неискренних и лживых эгоистов. И очень часто первыми жертвами такого эгоизма становятся сами родители.

Авторитет доброты. Это самый неумный вид авторитета. В этом случае детское послушание также организуется через детскую любовь, но она вызывается не поцелуями и излияниями, а уступчивостью, мягкостью, добротой родителей. Папа или мама выступают перед ребенком в образе доброго ангела. Они все разрешают, им ничего не жаль, они не скупые, они замечательные родители. Они боятся всяких конфликтов, они предпочитают семейный мир, они готовы чем угодно пожертвовать, только бы все было благополучно. Очень скоро в такой семье дети начинают просто командовать родителями, родительское непротивление открывает самый широкий простор для детских желаний, капризов, требований. Иногда родители позволяют себе небольшое сопротивление, но уже поздно, в семье уже образовался вредный опыт.

Ав т о р и т е т д р у ж б ы. Довольно часто еще и дети не родились, а между родителями есть уже договор: наши дети будут нашими друзьями. В общем, это, конечно, хорошо. Отец и сын, мать и дочь могут быть друзьями и должны быть друзьями, но все же родители остаются старшими членами семейного коллектива, и дети все же остаются воспитанниками. Если дружба достигнет крайних пределов, воспитание прекращается, или начинается противоположный процесс: дети начинают воспитывать родителей. Такие семьи приходится иногда наблюдать среди интеллигенции. В этих семьях дети называют родителей Петькой или Маруськой, потешаются над ними, грубо обрывают, поучают на каждом шагу, ни о каком послушании не может быть и речи. Но здесь нет и дружбы, так как никакая дружба невозможна без взаимного уважения.

А в т о р и т е т п о д к у п а — самый безнравственный вид авторитета, когда послушание просто покупается подарками и обещаниями. Родители, не стесняясь, так и говорят: «Будешь слушаться, куплю тебе лошадку, будешь слушаться, пойдем в цирк».

Разумеется, в семье тоже возможно некоторое поощрение, нечто похожее на премирование; но ни в каком случае нельзя детей премировать за послушание, за хорошее отношение к родителям. Можно премировать за хорошую учебу, за выполнение действительно какой-нибудь трудной работы. Но и в этом случае никогда нельзя заранее объявлять ставку и подстегивать детей в их школьной или иной работе соблазнительными обещаниями.

Мы рассмотрели несколько видов ложного авторитета. Кроме них, есть еще много сортов. Есть авторитет веселости, авторитет учености, авторитет «рубахи-парня», авторитет красоты. Но бывает часто и так, что родители вообще не думают ни о каком авторитете, живут как-нибудь, как попало и как-нибудь тянут волюнку воспитания детей. Сегодня родитель нагремел, за пустяк наказал мальчика, завтра он признается ему в любви, послезавтра что-нибудь ему обещает в порядке подкупа, а на следующий день снова наказал, да еще и упрекнул за все свои добрые дела. Такие родители всегда мечутся, как угорелые кошки, в полном бессилии, в полном непонимании того, что они делают. Бывает и так, что отец придер-

живается одного вида авторитета, а мать — другого. Детям в таком случае приходится быть прежде всего дипломатами и научиться лавировать между папой и мамой.

Наконец, бывает и так, что родители просто не обращают внимания на детей и думают только о своем спокойствии. В чем же должен состоять настоящий родительский авторитет в советской семье?

Главным основанием родительского авторитета только и может быть жизнь и работа родителей, их гражданское лицо, их поведение. Семья есть большое и ответственное дело, родители руководят этим делом и отвечают за него перед обществом, перед своим счастьем и перед жизнью детей. Если родители это дело делают честно, разумно, если перед ними поставлены значительные и прекрасные цели, если они сами всегда дают себе полный отчет в своих действиях и поступках, это значит, что у них есть и родительский авторитет и не нужно искать никаких иных оснований и тем более не нужно придумывать ничего искусственного.

Как только дети начинают подрастать, они всегда интересуются, где работает отец или мать, каково их общественное положение. Как можно раньше они должны узнать, чем живут, чем интересуются, с кем рядом стоят их родители. Дело отца или матери должно выступать перед ребенком как серьезное, заслуживающее уважения дело. Заслуги родителей в глазах детей должны быть прежде всего заслугами перед обществом, действительной ценностью, а не только внешностью. Очень важно, если эти заслуги дети видят не изолированно, а на фоне достижений нашей страны. Не чванство, а хорошая советская гордость должна быть у детей, но в то же время необходимо, чтобы дети гордились не только своим отцом или матерью, чтобы они знали имена великих и знатных людей нашего отечества, чтобы отец или мать в их представлении выступали как участники этого большого ряда деятелей.

При этом нужно всегда помнить, что в каждой человеческой деятельности есть свои напряжения и свое достоинство. Ни в коем случае родители не должны представляться детям как рекордсмены в своей области, как ни с чем не сравнимые гении. Дети должны видеть и заслуги других людей, и обязательно заслуги ближайших товарищей отца и матери. Гражданский авторитет роди-

телей только тогда станет на настоящую высоту, если это не авторитет выскочки или хвастуна, а авторитет члена коллектива. Если вам удастся воспитать своего сына так, что он будет гордиться целым заводом, на котором отец работает, если его будут радовать успехи этого завода,— значит, вы воспитали его правильно.

Но родители должны выступать не только как деятели ограниченного фронта своего коллектива. Наша жизнь есть жизнь социалистического общества. Перед своими детьми отец и мать должны выступать как участники этой жизни. События международной жизни, достижения литературы — все должно отражаться в мыслях отца, в его чувствах, в его стремлениях. Только такие родители, живущие полной жизнью,— граждане нашей страны, будут иметь у детей настоящий авторитет. При этом не думайте, пожалуйста, что такой жизнью вы должны жить «нарочно», чтобы дети видели, чтобы поразить их вашими качествами. Это — порочная установка. Вы должны искренне, на самом деле жить такой жизнью, вы не должны стараться особо демонстрировать ее перед детьми. Будьте покойны, они сами все увидят, что нужно.

Но вы — не только гражданин. Вы — еще и отец. И родительское ваше дело вы должны выполнять как можно лучше, и в этом заключаются корни вашего авторитета. И прежде всего вы должны знать, чем живет, интересуется, что любит, чего не любит, чего хочет и чего не хочет ваш ребенок. Вы должны знать, с кем он дружит, с кем играет и во что играет, что читает, как воспринимает прочитанное. Когда он учится в школе, вам должно быть известно, как он относится к школе и к учителям, какие у него затруднения, как он ведет себя в классе. Это все вы должны знать всегда, с самых малых лет вашего ребенка. Вы не должны неожиданно узнавать о разных неприятностях и конфликтах, вы должны их предугадывать и предупреждать.

Все это нужно знать, но это вовсе не значит, что вы можете преследовать вашего сына постоянными и надоедливими расспросами, дешевым и назойливым шпионством. С самого начала вы должны так поставить дело, чтобы дети сами вам рассказывали о своих делах, чтобы им хотелось вам рассказать, чтобы они были заинтересованы в вашем знании. Иногда вы должны пригласить

к себе товарищей сына, даже угостить их чем-нибудь, иногда вы сами должны побывать в той семье, где есть эти товарищи, вы должны при первой возможности познакомиться с этой семьей.

Для всего этого не требуется много времени, для этого нужно только внимание к детям и к их жизни.

И если у вас будет такое знание и такое внимание, это не пройдет незамеченным для ваших детей. Дети любят такое знание и уважают родителей за это.

Авторитет знания необходимо приведет и к авторитету помощи. В жизни каждого ребенка бывает много случаев, когда он не знает, как нужно поступить, когда он нуждается в совете и в помощи. Может быть, он не попросит вас о помощи, потому что не умеет этого сделать, вы сами должны прийти с помощью.

Часто эта помощь может быть оказана в прямом совете, иногда в шутке, иногда в распоряжении, иногда даже в приказе. Если вы знаете жизнь вашего ребенка, вы сами увидите, как поступить наилучшим образом. Часто бывает, что эту помощь нужно оказать особым способом. Нужно бывает либо принять участие в детской игре, либо познакомиться с товарищами детей, либо побывать в школе и поговорить с учителем. Если в вашей семье несколько детей, а это — самый счастливый случай, к делу такой помощи могут быть привлечены старшие братья и сестры.

Родительская помощь не должна быть навязчива, надоедлива, утомительна. В некоторых случаях совершенно необходимо предоставить ребенку самому выбраться из затруднения, нужно, чтобы он привыкал преодолевать препятствия и разрешать более сложные вопросы. Но нужно всегда видеть, как ребенок совершает эту операцию, нельзя допускать, чтобы он запутался и пришел в отчаяние. Иногда даже нужно, чтобы ребенок видел вашу настороженность, внимание и доверие к его силам.

Авторитет помощи, осторожного и внимательного руководства счастливо дополнится авторитетом знания. Ребенок будет чувствовать ваше присутствие рядом с ним, вашу разумную заботу о нем, вашу страховку, но в то же время он будет знать, что вы от него кое-что требуете, что вы и не собираетесь все делать за него, снять с него ответственность.

Вот именно линия ответственности является следую-

щей важной линией родительского авторитета. Ни в каком случае ребенок не должен думать, что ваше руководство семьей и им самим есть ваше удовольствие или развлечение. Он должен знать, что вы отвечаете не только за себя, но и за него перед советским обществом. Не нужно бояться открыто и твердо сказать сыну или дочери, что они воспитываются, что им нужно еще многому учиться; что они должны вырасти хорошими гражданами и хорошими людьми, что родители отвечают за достижение этой цели, что они не боятся этой ответственности. В этой линии ответственности лежат начала не только помощи, но и требования. В некоторых случаях это требование должно быть выражено в самой суровой форме, не допускающей возражений. Между прочим, нужно сказать, что такое требование только и может быть сделано с пользой, если авторитет ответственности уже создан в представлении ребенка. Даже в самом малом возрасте он должен чувствовать, что его родители не живут вместе с ним на необитаемом острове.

Заканчивая нашу беседу, кратко резюмируем сказанное.

Авторитет необходим в семье.

Надо отличать настоящий авторитет от авторитета ложного, основанного на искусственных принципах и стремящегося создать послушание любыми средствами.

Действительный авторитет основывается на вашей гражданской деятельности, на вашем гражданском чувстве, на вашем знании жизни ребенка, на вашей помощи ему и на вашей ответственности за его воспитание.

ДИСЦИПЛИНА

Слово дисциплина имеет несколько значений. Одни под дисциплиной понимают собрание правил поведения. Другие называют дисциплиной уже сложившиеся, воспитанные привычки человека, третьи видят в дисциплине только послушание. Все эти отдельные мнения в большей или меньшей степени приближаются к истине, но для правильной работы воспитателя необходимо иметь более точное представление о самом понятии «дисциплина».

Иногда дисциплинированным называют человека, отличающегося послушанием. Конечно, в подавляющем

большинстве случаев от каждого человека требуется точное и быстрое выполнение приказаний и распоряжений вышестоящих органов и лиц, и все же в советском обществе так называемое послушание является совершенно недостаточным признаком человека дисциплинированного — простое послушание нас удовлетворить не может, тем более не может удовлетворить слепое послушание, которое обыкновенно требовалось в старой, дореволюционной школе.

От советского гражданина мы требуем гораздо более сложной дисциплинированности. Мы требуем, чтобы он не только понимал, для чего и почему нужно выполнить тот или другой приказ, но чтобы он и сам активно стремился выполнить его как можно лучше. Мало этого. Мы требуем от нашего гражданина, чтобы он в каждую минуту своей жизни был готов выполнить свой долг, не ожидая распоряжения или приказания, чтобы он обладал инициативой и творческой волей. Мы надеемся при этом, что он будет делать только то, что действительно полезно и нужно для нашего общества, для нашей страны, что в этом деле он не остановится ни перед какими трудностями и препятствиями. Наоборот, мы требуем от советского человека умения воздержаться от таких поступков или действий, которые принесут пользу или удовольствие только ему одному, а другим людям или всему обществу могут принести вред. Кроме того, мы всегда требуем от нашего гражданина, чтобы он никогда не ограничивался только узким кругом своего дела, своего участка, своего станка, своей семьи, а умел видеть и дела окружающих людей, их жизнь, их поведение, умел прийти им на помощь не только словом, но и делом, даже если для этого нужно пожертвовать частью личного покоя. Но по отношению к нашим общим врагам мы от каждого человека требуем решительного противодействия, постоянной бдительности, несмотря ни на какую неприятность или опасность.

Одним словом, в советском обществе дисциплинированным человеком мы имеем право назвать только такого, который всегда, при всяких условиях сумеет выбрать правильное поведение, наиболее полезное для общества, и найдет в себе твердость продолжать такое поведение до конца, несмотря на какие бы то ни было трудности и неприятности.

Само собой понятно, что нельзя воспитать такого дисциплинированного человека только при помощи одной дисциплины, т. е. упражнений в послушании. Советский дисциплинированный гражданин может быть воспитан только всей суммой правильных влияний, среди которых самое видное место должны занимать: широкое политическое воспитание, общее образование, книга, газета, труд, общественная работа и даже такие, как будто второстепенные вещи, как игра, развлечение, отдых. Только в совместном действии всех этих влияний может быть проведено правильное воспитание и только в результате его может получиться настоящий дисциплинированный гражданин социалистического общества.

Мы в особенности рекомендуем родителям помнить всегда это важное положение: дисциплина создается не отдельными какими-нибудь «дисциплинарными» мерами, а всей системой воспитания, всей обстановкой жизни, всеми влияниями, которым подвергаются дети. В таком понимании дисциплина есть не причина, не метод, не способ правильного воспитания, а результат его. Правильная дисциплина это тот хороший конец, к которому должен стремиться воспитатель всеми своими силами и при помощи всех средств, имеющихся в его распоряжении. Поэтому каждый родитель должен знать, что, давая сыну или дочери книгу для чтения, знакомя его с новым товарищем, беседуя с ребенком о международном положении, о делах на своем заводе или о своих стахановских успехах, он вместе с другими делами добивается и цели большего или меньшего дисциплинирования.

Таким образом, под дисциплиной мы будем понимать широкий общий результат всей воспитательной работы.

Но есть и более узкий отдел воспитательной работы, который ближе всего стоит к воспитанию дисциплины и который часто смешивают с дисциплиной: это режим. Если дисциплина есть результат всей воспитательной работы, то режим есть только средство, только способ воспитания. Отличия режима от дисциплины — очень важные отличия, родители должны в них хорошо разбираться. Дисциплина, например, относится к числу тех явлений, от которых мы всегда требуем совершенства. Мы всегда желаем, чтобы в нашей семье, в нашей работе была самая лучшая, самая строгая дисциплина. И иначе быть не может: дисциплина — это результат, а во всяком

деле мы привыкли бороться за самые лучшие результаты. Трудно представить себе человека, который сказал бы: «У нас дисциплина так себе, но нам лучшей и не надо...»

Такой человек — или глупец, или настоящий враг. Всякий нормальный человек должен добиваться самой высокой дисциплины, т. е. самого лучшего результата.

Совсем другое дело — режим. Режим, как мы уже говорили, это только средство, а мы вообще знаем, что всякое средство, в какой угодно области жизни, нужно употреблять только тогда, когда оно соответствует цели, когда оно уместно. Поэтому можно представить себе самую лучшую дисциплину, и к ней мы всегда стремимся, но нельзя представить себе какой-нибудь идеальный, самый лучший режим. В одних случаях один режим будет самым подходящим, в других случаях — другой.

Семейный режим не может быть и не должен быть одинаковым при различных условиях. Возраст детей, их способности, окружающая обстановка, соседи, величина квартиры, ее удобства, дорога в школу, оживленность улиц и многие другие обстоятельства определяют и изменяют характер режима. Один режим должен быть в большой семье, где много детей, и совершенно иной в такой семье, где один ребенок. Режим, полезный по отношению к малым детям, может принести большой вред, если его применять к более взрослым детям. Точно так же свои особенности имеет режим для девочек, в особенности в старшем возрасте.

Таким образом, под режимом нельзя понимать что-то постоянное, неизменное. В некоторых семьях часто делают такую ошибку, свято верят в целебность раз принятого режима, берегут его неприкосновенность в ущерб интересам детей и своим собственным. Такой неподвижный режим скоро становится мертвым приспособлением, которое не может принести пользы, а приносит только вред.

Режим не может быть постоянным по своему характеру именно потому, что является только средством воспитания. Каждое воспитание преследует определенные цели, причем эти цели всегда изменяются и усложняются. В раннем детстве, например, перед родителями стоит серьезная задача — приучить детей к чистоте. Стремясь к этой цели, родители устанавливают для детей особый режим, т. е. правила умывания, пользования ванной, ду-

шем или баней, правила уборки, правила соблюдения чистоты комнаты, постели, стола. Такой режим должен регулярно поддерживаться, родители никогда не должны забывать о нем, следить за его выполнением, помогать детям в тех случаях, когда они сами не могут что-либо сделать, требовать от детей хорошего качества работы. Если весь этот порядок организован хорошо, он приносит большую пользу, и, наконец, наступает такое время, когда у детей образуются привычки к чистоте, когда сам ребенок уже не может сесть за стол с грязными руками. Значит, можно уже говорить о том, что цель достигнута. Тот режим, который был нужен для достижения этой цели, теперь становится излишним. Конечно, это вовсе не значит, что его можно отменить в течение одного дня. Постепенно этот режим должен заменяться другим режимом, который преследует цель закрепить образовавшуюся привычку к чистоте, а когда эта привычка закреплена, перед родителями возникают новые цели, более сложные и более важные. Продолжать и в это время возиться только с чистотой будет не только излишней тратой родительской энергии, но и вредной тратой: таким именно образом воспитываются бездушные чистюльки, у которых за душой ничего нет, кроме привычки к чистоте, и которые способны иногда кое-как выполнить работу, только бы не запачкать руки.

На этом примере с режимом чистоты мы видим, что правильность режима — явление временное и преходящее; так это бывает и со всяким другим средством, а режим есть только средство.

Следовательно, нельзя рекомендовать родителям какой-нибудь один режим. Режимов есть много, и нужно из них выбрать один, самый подходящий в данной обстановке.

Несмотря на такое разнообразие возможных режимов, нужно все-таки сказать, что режим в советской семье должен всегда отличаться определенными свойствами, обязательными при всякой обстановке. В настоящей лекции мы и должны выяснить эти общие свойства.

Первое, на что мы обращаем внимание родителей, — это следующее: какой бы вы ни выбрали режим для вашей семьи, он должен быть прежде всего целесообразен. Любое правило жизни должно быть введено в семье не потому, что кто-то другой его завел у себя, и не

потому, что с таким правилом жить приятнее, а исключительно потому, что это необходимо для достижения поставленной вами разумной цели. Эту цель вы и сами должны хорошо знать, и в подавляющем большинстве случаев должны знать ее и дети. Во всяком случае и в ваших глазах, и в глазах детей режим должен иметь характер разумного правила. Если вы требуете, чтобы дети в определенный час сходились к обеду и садились за стол вместе с другими, то дети должны понимать, что такой порядок необходим для того, чтобы облегчить работу матери или домашней работницы, а также и для того, чтобы несколько раз в день собраться всей семьей, побыть вместе, поделиться своими мыслями или чувствами. Если вы требуете, чтобы дети не оставляли недоеденных кусков, то дети должны понимать, что это необходимо и из уважения к труду людей, производящих пищевые продукты, и из уважения к труду родителей, и из соображений семейной экономии. Мы знаем и такой случай, когда родители требовали, чтобы дети за столом молчали. Дети, конечно, подчинялись этому требованию, но ни они, ни родители не знали, для чего введено такое правило. Когда родителей спросили об этом, они объяснили, что если за обедом разговаривать, то можно из-за этого подавиться. Такое правило, конечно, бессмысленно: у всех людей принято за столом беседовать, и от этого никаких несчастных случаев не происходит.

Рекомендуя родителям добиваться того, чтобы семейный режим имел разумный и целесообразный характер, мы в то же время должны предостеречь родителей, что вовсе не следует на каждом шагу объяснять детям значение того или другого правила, нельзя надоедать им такими объяснениями и толкованиями. По возможности нужно стараться, чтобы дети сами поняли, для чего это нужно. Только в крайнем случае нужно подсказать им правильную мысль. Вообще нужно стремиться к тому, чтобы у детей как можно крепче складывались хорошие привычки, а для этой цели наиболее важным является постоянное упражнение в правильной поступке. Постоянные же рассуждения и разглагольствования о правильном поведении могут испортить какой угодно хороший опыт.

Вторым важным свойством каждого режима является его определенность. Если сегодня нужно чистить зубы, то

нужно их чистить и завтра; если сегодня нужно убрать после себя постель, то нужно это сделать и завтра. Не должно быть так, что сегодня мать потребовала уборки постели, а завтра не потребовала и сама убрала. Такая неопределенность лишает режим всякого значения и обращает его в набор случайных, не связанных между собой распоряжений. Правильный режим должен отличаться определенностью, точностью и не допускать исключений, кроме таких случаев, когда исключения действительно необходимы и вызываются важными обстоятельствами. Как правило же, в каждой семье должен существовать такой порядок, чтобы малейшее нарушение режима было обязательно отмечено. Это нужно делать с самого малого возраста ребенка, и чем родители строже будут следить за выполнением режима, тем все меньше будет нарушений и тем реже впоследствии придется прибегать к наказаниям.

Мы обращаем особенное внимание родителей на это обстоятельство. Многие ошибочно полагают так: мальчик утром не убрал свою постель, стоит ли из-за этого поднимать скандал? Во-первых, он это сделал первый раз, во-вторых, неубранная постель — вообще пустяк, не стоит из-за нее портить мальчику нервы. Такое рассуждение целиком неправильно. В деле воспитания нет пустяков. Неубранная постель обозначает не только возникающую неряшливость, но и возникающее пренебрежение к установленному режиму, начало такого опыта, который потом может принять формы прямой враждебности по отношению к родителям.

Определенность режима, его точность и обязательность подвергаются большой опасности, если родители сами относятся к режиму неискренне, если они требуют его выполнения от детей, а в то же время сами живут беспорядочно, не подчиняясь никакому режиму. Конечно, вполне естественно, что режим самих родителей будет отличаться от режима детей, но эти отличия не должны быть принципиальными. Если вы требуете, чтобы дети за обедом не читали книгу, то и сами этого не должны делать. Настаивая, чтобы дети мыли руки перед обедом, не забывайте и от себя требовать того же. Старайтесь сами убирать свою постель, это вовсе нетрудная и не позорная работа. Во всех этих пустяках гораздо больше значения, чем обыкновенно думают.

Режим в самой семье, дома, обязательно должен касаться следующих частностей: точно должно быть установлено время вставания и время отхода ко сну — одно и то же как в рабочие дни, так и в дни отдыха; правила аккуратности и соблюдения чистоты, сроки и правила смены белья, одежды, правила их носки, чистки; дети должны приучаться к тому, что все вещи имеют свое место, должны после работы или игры оставлять все в порядке; с самого раннего возраста дети должны уметь пользоваться уборной, умывальником, ванной; должны следить за электрическим светом, включать и выключать его, когда нужно. Особый режим должен быть установлен за столом. Каждый ребенок должен знать свое место за столом, приходить к столу во-время, должен уметь вести себя за столом, пользоваться ножом и вилкой, не пачкать скатерти, не набрасывать кусков на столе, съесть все, положенное на тарелку, и поэтому не просить себе лишнего.

Строгому режиму должно подчиняться распределение рабочего времени ребенка, что особенно важно, когда он начинает ходить в школу. Но уже и раньше желательно точное распределение сроков принятия пищи, игры, прогулки и т. п. Большое внимание нужно оказывать вопросам движения. Некоторые думают, что детям необходимо много бегать, кричать, вообще буйно проявлять свою энергию. Что у детей есть потребность в движении в большей степени, чем у взрослых, — не подлежит сомнению, но нельзя и слепо следовать за этой потребностью. Необходимо воспитывать у детей привычку к целесообразному движению, к умению тормозить его, когда это нужно. Во всяком случае в комнате не нужно допускать ни бега, ни прыжков, для этого более подходит площадка во дворе, сад. Точно так же необходимо приучать детей к умению сдерживать свои голоса: крик, визг, громкий плач — все это явления одного порядка; они свидетельствуют больше о нездоровых нервах ребенка, чем о какой-либо действительной потребности. Родители сами бывают виноваты в такой нервной крикливости детей. Они иногда сами повышают голос до крика, сами нервничают, вместо того чтобы вносить в атмосферу семьи тон уверенного спокойствия.

Режим внутри семьи, в квартире, занимаемой семьей, находится почти в полной власти родителей. Этого нель-

зя сказать о режиме вне дома. Известную часть времени ребенок проводит с товарищами во дворе, а часто вне двора, на прогулках, на площадках, катках, иногда на улице. Чем старше становятся дети, тем товарищеское окружение играет все большую и большую роль. Взять на себя полное руководство этим товарищеским влиянием родители, конечно, не могут, но за ними остается полная возможность наблюдать за этим товарищеским влиянием, а этого в большинстве случаев бывает совершенно достаточно, если в семье уже образовался опыт коллективной связи, доверия, правдивости, если правильно создан родительский авторитет. В таком случае для родителей нужно только одно: более или менее основательно знать, что окружает вашего сына или вашу дочь. Многие случаи дурного поведения детей, а тем более многие явления детской распушенности не имели бы места, если бы родители ближе познакомились с товарищами сына, с родителями этих товарищей, смотрели иногда на игру детей, даже приняли в ней участие, вместе с ними совершили бы прогулку, пошли в кино, в цирк и т. д. Такое активное приближение родителей к жизни детей вовсе не трудное дело и доставляет даже удовольствие. Оно позволяет отцу или матери ближе узнать сущность товарищеских отношений, позволяет родителям помогать друг другу, и, самое главное, оно дает возможность поделиться впечатлениями с детьми и во время такой беседы высказать свое мнение о товарищах, об их поведении, о правильности или неправильности того или иного поступка, о полезности или вредности той или иной детской затеи.

Такова общая методика организации режима в семье. Пользуясь этими общими указаниями, каждый родитель сможет выработать такое устройство семейного быта, которое наиболее соответствует особенностям его семьи. Чрезвычайно важным является вопрос о форме режимных отношений между родителями и детьми. В этой области можно встретить самые разнообразные преувеличения и загибы, приносящие большой вред воспитанию. Некоторые злоупотребляют уговорами, другие разными разъяснительными беседами, третьи злоупотребляют лаской, четвертые — приказом, пятые — поощрениями, шестые — наказаниями, седьмые — уступчивостью, восьмые — твердостью. В течение семейной жизни, конечно,

много бывает случаев, когда уместна и ласка, и беседа, и твердость, и даже уступчивость. Но там, где дело касается режима, все эти формы должны уступить место одной главной, и эта единственная и лучшая форма — распоряжение.

Семья — очень важное, очень ответственное дело человека. Семья приносит полноту жизни, семья приносит счастье, но каждая семья, в особенности в жизни социалистического общества, является прежде всего большим делом, имеющим государственное значение. Семейный режим поэтому должен строиться, развиваться и действовать, прежде всего, как деловое установление. Делового тона родители не должны бояться. Они не должны думать, что деловой тон противоречит любовному чувству отца или матери, что он может привести к сухости отношений, к их холодности. Мы утверждаем, что только настоящий, серьезный деловой тон может создать ту спокойную атмосферу в семье, которая необходима и для правильного воспитания детей, и для развития взаимного уважения и любви между членами семьи.

Родители как можно раньше должны усвоить спокойный, уравновешенный, приветливый, но всегда решительный тон в своем деловом распоряжении, а дети с самого малого возраста должны привыкнуть к такому тону, привыкнуть подчиняться распоряжению и выполнять его охотно. Можно быть как угодно ласковым с ребенком, шутить с ним, играть, но когда возникает надобность, надо уметь распорядиться коротко, один раз, распорядиться с таким видом и в таком тоне, чтобы ни у вас, ни у ребенка не было сомнений в правильности распоряжения, в неизбежности его выполнения.

Родители должны научиться отдавать такие распоряжения очень рано, когда первому ребенку полтора-два года. Дело это совсем нетрудное. Нужно только следить за тем, чтобы ваше распоряжение удовлетворяло следующим требованиям:

1. Оно не должно отдаваться со злостью, с криком, с раздражением, но оно не должно быть похоже и на упрашивание.

2. Оно должно быть посильным для ребенка, не требовать от него слишком трудного напряжения.

3. Оно должно быть разумным, т. е. не должно противоречить здравому смыслу.

4. Оно не должно противоречить другому распоряжению вашему или другого родителя.

Если распоряжение отдано, оно должно быть обязательно выполнено. Очень плохо, если вы распорядились, а потом и сами забыли о своем распоряжении. В семье, как и во всяком другом деле, необходим постоянный, неусыпный контроль и проверка. Конечно, родители должны стараться производить этот контроль большей частью незаметно для ребенка; ребенок вообще не должен сомневаться в том, что распоряжение должно быть выполнено. Но иногда, когда ребенку поручается более сложное дело, в котором большое значение имеет качество выполнения, вполне уместен и открытый контроль.

Как поступить, если ребенок не выполнил распоряжения? Надо прежде всего стараться, чтобы такого случая не было. Но если уж так случилось, что ребенок в первый раз не послушался вас, следует повторить распоряжение, но уже в более официальном, в более холодном тоне, приблизительно так:

— Я тебе сказал сделать так, а ты не сделал. Немедленно сделай, и чтобы больше таких случаев не было.

Давая такое повторное распоряжение и обязательно добиваясь его выполнения, нужно в то же время приглядеться и задуматься, почему в данном случае возникло сопротивление вашему распоряжению. Вы обязательно увидите, что в чем-то вы сами были виноваты, что-то сделали неправильно, что-либо упустили из виду. Постарайтесь избегать таких ошибок.

Самое важное в этой области — следить, чтобы у детей не накапливался опыт непослушания, чтобы не нарушался семейный режим. Очень плохо, если вы допустили такой опыт, если вы позволили детям смотреть на ваши распоряжения как на нечто необязательное.

Если вы этого не допустите с самого начала, вам никогда не придется впоследствии прибегать к наказаниям.

Если режим развивается правильно с самого начала, если родители внимательно следят за его развитием, наказания не будут нужны. В хорошей семье наказаний никогда не бывает, и это — самый правильный путь семейного воспитания.

Но бывают семьи, где воспитание настолько уже запущено, что без наказаний обойтись нельзя. В таком

случае родители прибегают к наказаниям обычно очень неумело и часто больше портят дело, чем поправляют.

Наказание — очень трудная вещь; оно требует от воспитателя огромного такта и осторожности, поэтому мы рекомендуем родителям по возможности избегать применения наказаний, а стараться прежде всего восстановить правильный режим. Для этого, конечно, потребуется много времени, но нужно быть терпеливым и спокойно ожидать результатов.

В самом крайнем случае можно допустить некоторые виды наказаний, а именно: задержка удовольствия или развлечения (если было назначено посещение кино или цирка, отложить его); задержка карманных денег, если они выдаются; запрещение выходов к товарищам.

Еще раз обращаем внимание родителей, что сами по себе наказания не принесут никакой пользы, если нет правильного режима. А если есть правильный режим, свободно можно обойтись без наказаний, нужно только больше терпения. Во всяком случае, в семейном быту гораздо важнее и полезнее наладить правильный опыт, чем исправлять неправильный.

Точно так же нужно быть осторожным и с поощрением. Никогда не нужно объявлять вперед какие-либо премии для награды. Лучше всего ограничиться простой похвалой и одобрением. Детская радость, удовольствие, развлечение должны предоставляться детям не в качестве награды за хорошие поступки, а в естественном порядке удовлетворения правильных потребностей. То, что ребенку необходимо, нужно дать ему при всех условиях, независимо от его заслуг, а то, что для него не нужно или вредно, нельзя давать ему в виде награды.

Резюмируем содержание лекции.

Дисциплину нужно отличать от режима. Дисциплина — это результат воспитания, режим — это средство воспитания. Поэтому режим может иметь различный характер в зависимости от обстоятельств. Каждый режим должен отличаться целесообразностью, определенностью, точностью. Он должен касаться как внутренней жизни семьи, так и внешней. Выражением режима в деловой обстановке семьи должно быть распоряжение и контроль за его выполнением. Главная цель режима — накопление правильного дисциплинарного опыта, и больше всего нужно бояться неправильного опыта. При правильном ре-

жиме не нужны наказания и вообще их нужно избегать, как и излишних поощрений. Лучше во всех случаях надеяться на правильный режим и терпеливо ждать его результатов.

ИГРА

Игра имеет важное значение в жизни ребенка, имеет то же значение, какое у взрослого имеет деятельность, работа, служба. Каков ребенок в игре, таков во многом он будет в работе, когда вырастет. Поэтому воспитание будущего деятеля происходит прежде всего в игре. И вся история отдельного человека как деятеля и работника может быть представлена в развитии игры и в постепенном переходе ее в работу. Этот переход совершается очень медленно. В самом младшем возрасте ребенок преимущественно играет, его рабочие функции очень незначительны и не выходят за пределы самого простого самообслуживания: он начинает самостоятельно есть, укрываться одеялом, надевать штанишки. Но даже и в эту работу он еще вносит много игры. В хорошо организованной семье эти рабочие функции постепенно усложняются, ребенку поручаются все более сложные работы, сначала исключительно в целях самообслуживания, потом и такие работы, которые имеют значение для всей семьи. Но игра в это время составляет главное занятие ребенка, наиболее его увлекает, интересует. В школьном возрасте работа уже занимает очень важное место, она связана с более серьезной ответственностью, она связана и с более определенными и ясными представлениями о будущей жизни ребенка, это уже работа такого сорта, которая близко стоит к общественной деятельности. Но и в это время ребенок еще очень много играет, любит игру, ему даже приходится переживать довольно сложные коллизии, когда игра кажется настолько симпатичнее работы, что хочется отложить работу и поиграть. Если такие коллизии происходят, это значит, что воспитание ребенка в игре и в рабочих функциях происходило неправильно, что родители допустили какие-то перегибы. Отсюда уже видно, какое важное значение имеет руководство игрой ребенка. В жизни мы встречаем много взрослых людей, давно окончивших школу, у которых любовь к игре преобладает над любовью к работе. Сюда нужно отнести

всех людей, которые слишком активно гонятся за удовольствиями, которые забывают о работе ради хорошей, веселой компании. К этому сорту людей нужно отнести и тех, которые позируют, важничают, фиглярничают, лгут без всякой цели. Они принесли из детства в серьезную жизнь игровые установки, у них эти установки не были правильно преобразованы в рабочие установки — это значит, что они плохо воспитаны, и это плохое воспитание происходило преимущественно в неправильно организованной игре.

Все сказанное вовсе не означает, что нужно как можно раньше отвлекать ребенка от игры и переводить на рабочее усилие и на рабочую заботу. Такой перевод не принесет пользы, он явится насилием над ребенком, он вызовет у него отвращение к работе и усилит стремление к игре. Воспитание будущего деятеля должно заключаться не в устранении игры, а в такой организации ее, когда игра остается игрой, но в игре воспитываются качества будущего работника и гражданина.

Для того чтобы руководить игрой ребенка и воспитывать его в игре, родители должны хорошо подумать над вопросом о том, что такое игра и чем она отличается от работы. Если родители не подумают над этим вопросом, не разберутся в нем как следует, они не смогут руководить ребенком и будут теряться в каждом отдельном случае, будут скорее портить ребенка, чем воспитывать.

Нужно, прежде всего, сказать, что между игрой и работой нет такой большой разницы, как многие думают. Хорошая игра похожа на хорошую работу, плохая игра похожа на плохую работу. Это сходство очень велико, можно прямо сказать: плохая работа больше похожа на плохую игру, чем на хорошую работу.

В каждой хорошей игре есть прежде всего рабочее усилие и усилие мысли. Если вы купите ребенку заводную мышку, целый день будете заводите ее и пускать, а ребенок будет целый день смотреть на эту мышку и радоваться — в этой игре не будет ничего хорошего. Ребенок в этой игре остается пассивным, все его участие заключается в том, что он глазеет. Если ваш ребенок будет заниматься только такими играми, из него и вырастет пассивный человек, привыкший глазеть на чужую работу, лишенный почина и не привыкший творить в работе новое, не привыкший преодолевать трудности. Игра без

усилия, игра без активной деятельности — всегда плохая игра. Как видите, в этом пункте игра очень похожа на работу.

Игра доставляет ребенку радость. Это будет или радость творчества, или радость победы, или радость эстетическая — радость качества. Такую же радость приносит и хорошая работа. И здесь полное сходство.

Некоторые думают, что работа отличается от игры тем, что в работе есть ответственность, а в игре ее нет. Это неправильно: в игре есть такая же большая ответственность, как в работе, — конечно, в игре хорошей, правильной, об этом ниже будет сказано подробнее.

Чем же все-таки отличается игра от работы? Это отличие лежит только в одном: работа есть участие человека в общественном производстве, в создании материальных, культурных, иначе говоря, социальных ценностей. Игра не преследует таких целей, к общественным целям она не имеет прямого отношения, но имеет к ним отношение косвенное: она приучает человека к тем физическим и психическим усилиям, которые необходимы для работы.

Теперь уже ясно, что мы должны потребовать от родителей в деле руководства детской игрой. Первое — это следить, чтобы игра не делалась единственным стремлением ребенка, чтобы не отвлекала его целиком от общественных целей. Второе — чтобы в игре воспитывались те психические и физические навыки, которые необходимы для работы.

Первая цель достигается, как уже было сказано, постепенным отвлечением ребенка в область труда, который медленно, но неуклонно приходит на смену игре. Вторая цель достигается правильным руководством самой игрой, выбором игры, помощью ребенку в игре.

В настоящей лекции мы будем говорить только о второй цели, вопросу же о трудовом воспитании будет посвящена отдельная лекция.

Приходится очень часто наблюдать неправильные действия родителей в деле руководства игрой. Эта неправильность бывает трех видов. Некоторые родители просто не интересуются игрой своих детей и думают, что дети и сами знают, как лучше играть. У таких родителей дети играют, как хотят и когда хотят, сами выбирают себе игрушки и сами организуют игру. Другие родители много внимания уделяют игре, даже слишком много, все

время вмешиваются в игру детей, показывают, рассказывают, дают игровые задачи, часто решают их раньше, чем решит ребенок, и радуются. У таких родителей ребенку ничего не остается, как слушаться родителей и подражать им; здесь, в сущности, играют больше родители, чем ребенок. Если у таких родителей ребенок что-нибудь строит и затрудняется в постройке, отец или мать присаживается рядом с ним и говорит: «Ты не так делаешь, смотри, как надо делать».

Если ребенок вырезывает что-нибудь из бумаги, отец или мать некоторое время смотрит на его усилия, а потом отбирает у него ножницы и говорит: «Давай, я тебе вырежу. Видишь, как хорошо вышло?»

Ребенок смотрит и видит, что у отца вышло действительно лучше. Он протягивает отцу второй листок бумаги и просит еще что-нибудь вырезать, и отец охотно это делает, довольный своими успехами.

У таких родителей дети повторяют только то, что делают родители, они не привыкают преодолевать затруднения, самостоятельно добиваться повышения качества и очень рано привыкают к мысли, что только взрослые все умеют делать хорошо. У таких детей развивается неуверенность в своих силах, страх перед неудачей.

Третьи родители считают, что самое главное заключается в количестве игрушек. Они расходуют большие деньги на игрушки, забрасывают детей самыми разнообразными игрушками и гордятся этим. Детский уголок у таких родителей похож на игрушечный магазин. Такие родители как раз очень любят механические хитрые игрушки и заполняют ими жизнь своего ребенка. Дети у таких родителей в лучшем случае становятся коллекционерами игрушек, а в худшем случае, наиболее частом, без всякого интереса переходят от игрушки к игрушке, играют без увлечения, портят и ломают игрушки и требуют новых.

Правильное руководство игрой требует от родителей более вдумчивого и более осторожного отношения к игре детей.

Детская игра проходит несколько стадий развития, и в каждой стадии требуется особый метод руководства. Первая стадия — это время комнатной игры, время игрушки. Она начинает переходить во вторую стадию в возрасте пяти-шести лет. Первая стадия характеризуется

тем, что ребенок предпочитает играть один, редко допускает участие одного-двух товарищей¹. В эти годы ребенок любит играть своими игрушками и неохотно играет игрушками чужими. В этой стадии как раз развиваются личные способности ребенка. Не нужно бояться, что, играя один, ребенок вырастет эгоистом, нужно предоставить ему возможность играть в одиночестве, но нужно следить, чтобы эта первая стадия не затянулась, чтобы она во-время перешла во вторую стадию. В первой стадии ребенок не способен играть в группе, он часто ссорится с товарищами, не умеет найти с ними коллективный интерес. Нужно дать ему свободу в этой индивидуальной игре, не нужно навязывать ему компаньонов, потому что такое навязывание приводит только к разрушению игрового настроения, к привычкам нервничать и скандалить. Можно прямо утверждать: чем лучше ребенок играет в младшем возрасте в одиночку, тем лучшим товарищем он будет в дальнейшем. В этом возрасте ребенок отличается очень большой агрессивностью, он в известном смысле «собственник». Самый лучший метод заключается в том, что не нужно давать ребенку упражняться в этой агрессивности и в развитии «собственнических» побуждений. Если ребенок играет один, он развивает свои способности: воображение, конструктивные навыки, навыки материальной организации. Это — полезно. Если же вы против его воли посадите его играть в группе, то этим самым не избавите его от агрессивности, себялюбия.

У некоторых детей раньше, у других позже это предпочтение одинокой игры начинает перерастать в интерес к товарищам, к групповой игре. Надо помочь ребенку с наибольшей выгодой совершить этот довольно трудный переход. Нужно, чтобы расширение круга товарищей происходило в обстановке наиболее благоприятной. Обычно этот переход происходит в виде повышения интереса ребенка к подвижным играм на свежем воздухе, к играм во дворе. Мы считаем наиболее выгодным такое положение, когда в группе детей во дворе есть один более старший, который пользуется общим авторитетом и выступает как организатор более молодых.

¹ Это деление на стадии игры и утверждение А. С. Макаренко о том, что до 5—6 лет ребенок предпочитает играть в одиночку, не подтверждается действительностью. (Составитель).

Вторая стадия детской игры труднее для руководства, так как в этой стадии дети уже не играют на глазах у родителей, а выходят на более широкую общественную арену. Вторая стадия продолжается до 11—12 лет, захватывая часть школьного времени.

Школа приносит более широкую компанию товарищей, более широкий круг интересов и более трудную арену, в частности, для игровой деятельности, но зато она приносит и готовую, более четкую организацию, определенный и более точный режим и, самое главное, помощь квалифицированных педагогов. Во второй стадии ребенок выступает уже как член общества, но общества еще детского, не обладающего ни строгой дисциплиной, ни общественным контролем. Школа приносит и то и другое, школа и является формой перехода к третьей стадии игры.

На этой третьей стадии ребенок уже выступает как член коллектива, при этом коллектива не только игрового, но и делового, учебного. Поэтому и игра в этом возрасте принимает более строгие коллективные формы и постепенно становится игрой спортивной, т. е. связанной с определенными физкультурными целями, правилами, а самое главное — с понятиями коллективного интереса и коллективной дисциплины.

На всех трех стадиях развития игры влияние родителей имеет огромное значение. Конечно, на первом месте по значению этого влияния нужно поставить первую стадию, когда ребенок не состоит еще членом другого коллектива, кроме семейного, когда, кроме родителей, часто и нет других руководителей. Но и на других стадиях влияние родителей может быть очень велико и полезно.

В первой стадии материальным центром игры является игрушка. Игрушки бывают следующих типов:

Игрушка готовая, механическая или простая. Это — разные автомобили, пароходы, лошадки, куклы, мышки, ваньки-встаньки и пр.

Игрушка полуготовая, требующая от ребенка некоторой доделки: разные картинки с вопросами, картинки разрезные, кубики, ящики-конструкторы, разборные модели.

Игрушка-материал: глина, песок, куски картона, слюды, дерева, бумаги, растения, проволока, гвозди.

У каждого из этих типов есть свои достоинства и недостатки. Готовая игрушка хороша тем, что она знако-

мит ребенка со сложными идеями и вещами, она подводит ребенка к вопросам техники и сложного человеческого хозяйства. Поэтому такая игрушка вызывает более широкую деятельность воображения. Паровоз в руках мальчика настраивает его воображение на определенный транспортный лад, лошадь вызывает представление о жизни животного, заботу о кормлении и использовании. Родители и должны следить, чтобы эти хорошие стороны такой игрушки действительно были заметны для ребенка, чтобы он не увлекался только одной стороной игрушки, ее механичностью и легкостью для игры. И в особенности важно добиваться, чтобы ребенок не гордился тем, что вот папа или мама купили для него такую хитрую игрушку, да еще не одну, а много, а у других детей нет таких хороших игрушек. Вообще эти механические игрушки полезны только тогда, когда ребенок действительно с ними играет, а не только бережет для того, чтобы похвастаться перед соседями, и играет при этом, не просто наблюдая движение игрушки, а организуя это движение в каком-нибудь сложном предприятии. Автомобили должны что-нибудь перевозить, ванька-встанька должен куда-нибудь переезжать или что-нибудь делать, куклы должны и спать и бодрствовать, одеваться и раздеваться, ходить в гости и совершать какую-нибудь полезную работу в игрушечном царстве. Для детской фантазии в этих игрушках заключается большой простор, и чем шире и серьезнее разворачивается эта фантазия с такими игрушками, тем лучше. Если мишка просто перебрасывается с места на место, если его только тормозят и потрошат, это очень плохо. Но если мишка живет в определенном месте, специально для его жизни оборудованном, если он кого-то пугает или с кем-то дружит, это уже хорошо.

Второй тип игрушки хорош тем, что здесь ставится перед ребенком какая-нибудь задача — обыкновенно такая, которую нужно решить с известным напряжением, которую сам ребенок никогда бы поставить не мог. В разрешении этих задач уже требуется заметная дисциплина мышления, требуется логика, понятие о законном отношении частей, а не простая вольная фантазия. А недостаток этих игрушек в том, что задачи эти всегда одни и те же, однообразны и надоедают своими повторениями.

Игрушки третьего сорта — различные материалы — представляют самый дешевый и самый благодарный игровой элемент. Эти игрушки ближе всего стоят к нормальной человеческой деятельности: из материалов человек создает ценности и культуру. Если ребенок умеет играть с такими игрушками, это значит, что у него уже есть высокая культура игры и зарождается высокая культура деятельности. В игрушке-материале есть много хорошего реализма, но в то же время есть простор и для фантазии, не простого воображения, а большой творческой рабочей фантазии. Если есть кусочки стекла или слюды, из них можно сделать окна, а для этого нужно придумать рамы, следовательно, возбуждается вопрос о постройке дома. Если есть глина и стебли растений, возникает вопрос о саде.

Какой тип игрушек самый лучший? Мы считаем, что наилучший способ комбинировать все три типа, но ни в коем случае не в избыточном количестве. Если у мальчика или девочки есть одна-две механические игрушки, не нужно покупать больше. Прибавьте к этому какую-нибудь разборную игрушку и побольше прибавьте всяких материалов, и вот уже игрушечное царство организовано. Не нужно, чтобы в нем было все, чтобы у ребенка разбежались глаза, чтобы он терялся в обилии игрушек. Дайте ему немного, но постарайтесь, чтобы из этого немного он организовал игру. А потом наблюдайте за ним, прислушивайтесь незаметно к его игре, постарайтесь, чтобы он самостоятельно почувствовал какой-либо определенный недостаток и захотел его пополнить. Если вы купили ребенку маленькую лошадку и он увлекся задачей перевозки, естественно, что у него будет ощущаться недостаток в подводе или экипаже. Не спешите покупать ему эту подводу. Постарайтесь, чтобы он сам ее сделал из каких-нибудь коробок, катушек или картона. Если он такую подводу сделает, прекрасно — цель достигнута. Но если ему требуется много подвод и самодельных уже не хватает, не нужно, чтобы он обязательно сделал и вторую подводу, вторую можно и купить.

Самое главное в этой детской игре добиться следующего:

- 1 Чтобы ребенок действительно играл, сочинял, строил, комбинировал.

2. Чтобы не бросался от одной задачи к другой,

не окончив первой, чтобы доводил свою деятельность до конца.

3. Чтобы в каждой игрушке видел определенную, нужную для будущего ценность, хранил ее, берег. В игрушечном царстве всегда должен быть полный порядок, должна производиться уборка. Игрушки не должны ломаться, а в случае поломок должен производиться ремонт; если он труден, то с помощью родителей.

Особенное внимание должны обратить родители на отношение ребенка к игрушке. Ребенок не должен ломать игрушку, должен любить ее, но не должен и бесконечно страдать, если она испортилась или поломалась. Эта цель будет достигнута, если ребенок действительно привык считать себя хорошим хозяином, если он не боится отдельных ущербов и чувствует себя в силах поправить беду.

Задачей отца и матери является всегда прийти на помощь ребенку в подобных случаях, поддержать его в отчаянии, доказать ему, что человеческая находчивость и труд всегда могут поправить положение. Исходя из этого, мы рекомендуем родителям всегда принимать меры к починке поломанной игрушки, никогда не выбрасывать ее раньше времени.

В процессе самой игры родители должны по возможности предоставить ребенку полную свободу действий, но только до той минуты, пока игра идет правильно. Если ребенок затруднился в каком-либо положении, если игра пошла слишком просто, неинтересно, нужно помочь ребенку: подсказать, поставить какой-либо интересный вопрос, добавить какой-либо новый интересный материал, иногда даже и поиграть с ним.

Таковы общие формы метода на первой стадии игры.

На второй стадии от родителей требуется прежде всего внимание. Ваш ребенок вышел во двор, попал в группу мальчиков. Вы должны внимательно изучить, что это за мальчики. Ваша девочка тянется к подругам во дворе, вы должны хорошо знать этих девочек. Вы должны знать, чем увлекаются дети, окружающие вашего ребенка, чего у них не хватает, что плохо в их играх. Бывает очень часто, что внимание и инициатива одного отца или одной матери помогают изменить к лучшему жизнь целой группы детей в том или другом месте. Вы заметили, что дети зимой спускаются, как с горки, с обледеневшей

мусорной кучи. Сговоритесь с другими родителями, а если не сговоритесь, то и одни помогите ребятам насыпать горку. Сделайте своему мальчику простые деревянные санки, и вы увидите, и у других ребят появится что-либо подобное. В этой стадии игры чрезвычайно важным и полезным будет общение родителей между собой, к сожалению, очень незначительное среди родителей. Бывает, что каждый родитель недоволен жизнью детей во дворе, но не поговорит с другим родителем, не придумают они вместе что-нибудь для улучшения этой жизни, а, между тем, это совсем не такое трудное дело, и каждому оно по силам. На этой стадии дети уже организуются в некоторое подобие коллектива; будет очень полезно, если и их родители так же организованно будут руководить ими.

Очень часто бывает на этой стадии, что дети ссорятся, дерутся, жалуются друг на друга. Родители поступают ошибочно, если немедленно принимают сторону своего сына или дочери и сами ввязываются в ссору с отцом или матерью обидчика. Если ваш ребенок пришел в слезах, если он обижен, если он страдает и уже озлоблен, не спешите раздражаться и бросаться в атаку на обидчика и на его родителей. Прежде всего расспросите спокойно вашего сына или вашу девочку, постарайтесь представить себе точную картину события. Редко бывает, что виновата какая-нибудь одна сторона. Наверное, и ваш ребенок в чем-либо погорячился; растолкуйте ему, что в игре не всегда нужно быть неуступчивым, что нужно по возможности искать мирные выходы из конфликтов. Постарайтесь во что бы то ни стало помирить вашего ребенка с противником, пригласите этого противника в гости и с ним тоже поговорите, познакомьтесь с его отцом, выясните положение до конца. В этом деле самое главное заключается в том, что вы не должны уже видеть перед собой только вашего ребенка, но должны видеть перед собой всю группу детей и воспитывать ее вместе с другими родителями. Только в таком случае вы принесете наибольшую пользу и вашему ребенку. Он заметит, что вы не увлекаетесь семейным патриотизмом, что вы совершаете общественную работу, и будет видеть в этом пример для своего поведения. Нет ничего вреднее горячей агрессивности отца или матери по отношению к семье соседей; такая агрессивность как раз и воспитыва-

ет злобность характера у ребенка, подозрительность, дикий и слепой семейный эгоизм.

На третьей стадии руководство игрой уже не находится в руках родителей, оно передано школьной или спортивной организации, но у родителей остаются большие возможности для правильного влияния на характер ребенка. Во-первых, нужно внимательно следить, чтобы увлечение спортом не принимало характера всепоглощающей страсти, нужно указывать ребенку и на другие стороны деятельности. Во-вторых, нужно вызывать у мальчика или девочки гордость не только своим личным успехом, главным же образом гордость успехом команды или организации. Нужно также умерять всякую хвастливость, воспитывать уважение к силе противника, обращать внимание на организованность, тренировку, дисциплину в команде. Нужно, наконец, добиваться спокойного отношения к удачам и неудачам. И на этой стадии будет очень хорошо, если родители ближе познакомятся с товарищами по команде сына или дочери.

И на всех трех стадиях родители должны зорко наблюдать, чтобы игра не поглощала всю духовную жизнь ребенка, чтобы параллельно развивались и трудовые навыки.

В игре на всех трех стадиях вы должны воспитывать стремление к более полному удовлетворению, чем простое глаzenie, простое удовольствие, воспитывать мужественное преодоление трудностей, воспитывать воображение и размах мысли. А на второй и третьей стадиях вы должны всегда иметь в виду, что здесь уже ваш ребенок вступил в общество, что от него уже требуется не только умение играть, но и умение правильно относиться к людям.

Резюмируем то, что сказано в лекции.

Игра имеет важное значение в жизни человека, она является подготовкой к труду и должна постепенно заменяться трудом.

Многие родители не обращают достаточного внимания на дело руководства игрой и либо предоставляют ребенка самому себе, либо окружают его игрой излишней заботой и излишними игрушками.

Родители должны применять различные методы на разных стадиях игры, но всегда должны предоставить ребенку возможность самостоятельности и правильного

развития его способностей, не отказывая в то же время в помощи ему в трудных случаях.

На второй и третьей стадиях нужно уже руководить не столько игрой, сколько отношением ребенка к другим людям и к своему коллективу.

СЕМЕЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Каждая семья имеет свое хозяйство. В отличие от буржуазного общества, наша семья имеет только трудовое хозяйство, которое не может преследовать цели эксплуатации людей. Это хозяйство может расти и увеличиваться, но не потому, что члены семьи получают какие-нибудь прибыли, а исключительно вследствие повышения заработков членов семьи и семейной экономии. Хозяйство нашей семьи состоит только из вещей личного пользования, в его состав не могут входить средства производства, которые в нашей стране принадлежат всему обществу.

В буржуазной семье всегда бывает так: богатая семья обращает часть своего имущества в средства производства, чтобы эксплуатировать наемную рабочую силу и таким способом еще больше богатеть и расширять производство. В нашей семье, семье трудовой, такое богатство невозможно. Значит, если наша семья богатеет, то это обозначает только одно: она лучше и счастливее живет, приобретает больше вещей личного пользования, удовлетворяет большее количество своих потребностей. Совершенно естественно, что каждая семья стремится улучшить свою жизнь при помощи улучшения своего хозяйства, но это она делает не в порядке грабительской эксплуатации других людей, а исключительно в порядке трудового участия членов семьи в общей жизни и общей работе всего советского народа. Богатство нашей семьи не столько зависит от усилий этой семьи, сколько от успехов всей Советской страны, от ее побед и достижений на хозяйственном и культурном фронте.

Каждый ребенок есть член семьи и, следовательно, участник семейного хозяйства, а следовательно, в известной степени и участник всего советского хозяйства. Хозяйственное воспитание наших детей и должно заключаться в воспитании не только хозяйственного члена семьи, но и в воспитании хозяина-гражданина. В бур-

жуазном обществе перед воспитателем такая цель не стоит. Там каждый человек заинтересован только в развитии собственного хозяйства, государственное хозяйство занимает слишком незаметное место в массе хозяйственных частных единиц.

У нас каждому человеку предстоит в жизни обязательно участвовать в общем государственном хозяйстве, и чем лучше он будет подготовлен к этому делу, тем больше он принесет пользы и всему советскому обществу и самому себе.

Все это должны знать и хорошо понимать все родители, должны чаще размышлять над этими вопросами и всегда проверять свои воспитательные методы при помощи ясного политического представления о целях воспитания.

Многие родители думают, что воспитательная работа происходит только во время бесед и разговоров с детьми, во время руководства их игрой или отношением детей к людям. Во всех этих областях действительно много можно сделать педагогически полезного, но эта польза будет незначительна, если ребенок не воспитывается и в хозяйственной области. Ведь из вашего ребенка должен вырасти не только хороший, честный человек, но и хороший, честный советский хозяин.

Семейное хозяйство представляет собой очень удобное поле для воспитания многих очень важных особенностей характера будущего гражданина-хозяина. В настоящей короткой беседе даже невозможно перечислить все эти особенности. Мы коснемся только главных.

При помощи правильного руководства в области семейного хозяйства воспитываются: коллективизм, честность, заботливость, бережливость, ответственность, способность ориентировки, оперативная способность.

Мы рассмотрим в отдельности каждое из этих важных достоинств характера.

К о л л е к т и в и з м. В простейшем определении коллективизм означает солидарность человека с обществом. Противоположностью коллективизма является индивидуализм. В некоторых семьях по причине плохого внимания родителей к этим вопросам воспитываются такие индивидуалисты. Если ребенок до самого юношества не знает, откуда берутся средства семьи, если он привыкает только удовлетворять свои потребности, а не замечает

потребностей других членов семьи, если он не связывает свою семью со всем советским обществом, если он растет жадным потребителем,— это и есть воспитание индивидуалиста, который потом может принести много вреда и всему обществу и самому себе.

Некоторые матери и отцы незаметно для себя воспитывают таких индивидуалистов.

Часто они заботятся только о том, чтобы у ребенка все было, чтобы он был хорошо накормлен, хорошо одет, снабжен игрушками и удовольствиями. Все это они делают по безграничной своей доброте и любви, отказывают себе во многом, даже в самом необходимом, а ребенок даже не знает об этом и постепенно привыкает думать, что он лучше всех, что его желание для родителей закон. В такой семье дети часто ничего не знают о работе отца или матери, не знают, насколько она трудна и насколько она важна и полезна для общества. Тем более они ничего не знают о работе других людей. Они знают только свои желания и их удовлетворение.

Это очень неправильный и вредный путь воспитания, и больше всего и скорее всего от этой неправильности будут страдать родители. Только воспитание коллективиста может быть правильным воспитанием в нашей стране, и родители должны регулярно проводить это воспитание. Для этого мы рекомендуем следующее:

1. Как можно раньше ребенок должен узнать, где работает отец и мать, в чем состоит эта работа, насколько она трудна, какие в ней напряжения, какие достижения. Он должен знать, что производит его отец или мать, какое значение это производство имеет для всего общества. При первом случае родители должны познакомить ребенка с некоторыми коллегами и сотрудниками по работе, рассказать о значении их работы. Если даже отец или мать неодобрительно думают о каком-либо человеке, не нужно надоедать ребенку младшего возраста такими неодобрительными отзывами.

Вообще как можно раньше ребенок должен хорошо понять, что те деньги, которые родители приносят домой, составляют не только удобную вещь, которую можно истратить, но и составляют заработок на основе большого и полезного общественного труда. Родители всегда должны найти время и простые слова, чтобы рассказать ре-

бенку обо всем этом. Когда ребенок подрастет, нужно в таких же простых словах рассказать ему побольше о других подобных же предприятиях по всему Союзу, об их работе и достижениях. Если есть возможность, нужно ребятам показать самый завод, объяснить производственный процесс.

Если мать не работает в учреждении, на производстве, а работает дома по хозяйству, ребенок должен и эту работу знать, относиться к ней с уважением и понимать, что эта работа требует усилий и напряжения.

2. Как можно раньше ребенок должен познакомиться с семейным бюджетом. Он должен знать заработок отца или матери. От него не нужно скрывать финансовый семейный план, а, напротив, постепенно привлекать его к обсуждению семейных финансовых наметок. Он должен знать, в чем нуждается отец или мать, насколько эта нужда велика и неотложна, и должен научиться отказываться от удовлетворения некоторых своих потребностей, чтобы лучше удовлетворить потребности других членов семьи. В особенности он должен привлекаться к обсуждению таких вопросов, которые касаются общих семейных потребностей: приобретения посуды, мебели, радио, книг, газет и т. п.

3. Если семья находится в очень хороших материальных условиях, нельзя допускать, чтобы ребенок гордился этими условиями перед другими семьями, чтобы он привыкал хвастать своим костюмом, своей квартирой. Он должен понять, что в семейном богатстве нет никаких оснований для чванства. В такой семье, где есть несколько избыточный достаток, меньше всего нужно удовлетворять дополнительные потребности самого ребенка, а лучше расходовать деньги на удовлетворение общих семейных потребностей, лучше купить книги, чем лишний костюм.

Но если семья по разным причинам с трудом удовлетворяет свои потребности, нужно добиваться, чтобы ребенок не завидовал другим семьям и не хотел перейти в них. Ребенок должен знать, что в настойчивой борьбе за улучшение жизни больше гордости, чем в лишней копейке. Именно в такой семье нужно воспитывать терпение, стремление к лучшему будущему, осуществимому в нашей стране, взаимную уступчивость и веселую готовность поделиться с товарищем. Родители никогда не должны

ныть и жаловаться в присутствии ребенка, должны по возможности быть бодрыми и веселыми и всегда надеяться на лучшее, стремясь к нему в улучшении семейного хозяйства и повышении своего заработка. Каждое действительное улучшение в такой семье должно быть обязательно отмечено и подчеркнуто.

Честность. Честность не падает с неба, она воспитывается в семье. В семье можно воспитать и бесчестность: все зависит от правильного воспитательного метода родителей. Что такое честность? Честность есть открытое, искреннее отношение. Нечестность есть тайное, скрытое отношение. Если ребенок хочет яблока и открыто это заявляет, это будет честно. Если он это желание оставляет втайне, но не отказывается от яблока, а старается взять его, чтобы никто не видел, это уже будет нечестно. Если мать дает ребенку это яблоко тайно от других детей, допустим, даже чужих, она уже воспитывает в нем тайное отношение к вещи, следовательно, воспитывает нечестность. Тайное отношение к вещам в пределах семейного обихода, хозяйственный личный секрет, кормление по углам, прятание отдельных сладких кусков — все это вызывает зарождение нечестности. Только в более старшем возрасте ребенок должен научиться различать полезный секрет, т. е. то, что нужно скрывать от врагов и недругов, или то, что вообще должно составлять личное переживание каждого человека. В младшем же возрасте чем откровеннее ребенок и чем меньше у него каких бы то ни было секретов, тем лучше для его воспитания.

Родители должны внимательно следить за развитием честности у ребенка. Они ничего не должны нарочито прятать от ребенка, но и должны приучать ребенка ничего не брать без спросу, даже если это лежит на виду, не заперто, не закрыто. Можно специально оставлять на виду всякие соблазнительные вещи и приучать ребенка относиться к ним спокойно, без жадного желания. Эту черту спокойного отношения к тому, что плохо лежит, нужно воспитывать в самом младшем возрасте. В то же время в семье не должно быть такого порядка, когда все лежит плохо, нет никакого учета, никто не помнит, где что положено. В таком беспорядке, конечно, и развивается своевольное отношение ребенка к вещам, и он делает с ними, что хочет, никому об этом не говорит и

таким образом приучается к неоткрытому хозяйничанию. Если ребенку вы дали поручение что-нибудь купить, обязательно проверяйте покупки и сдачу, делайте это до тех пор, пока у ребенка не выработаются твердые правила честности. Такую проверку нужно делать очень деликатно, чтобы ребенок не подумал, что вы его в чем-либо подозреваете.

Еще раз обращаем внимание родителей на то, что честность нужно воспитывать с самого раннего возраста. Если вы к пяти годам это дело запустили, будет очень трудно исправлять запущенное.

З а б о т л и в о с т ь. Вещи, составляющие хозяйство семьи, приходят постепенно в ветхость и должны заменяться новыми вещами. Новые вещи нужно купить, следовательно, истратить некоторое количество заработанных родителями или другими членами семьи денег. Ребенок видит, как постепенно одни вещи ветшают, а другие приобретаются. Нужно, чтобы ребенок с малых лет приучался разумно пользоваться вещами, не допускать, чтобы вещи руководили им. Хороший хозяин должен всегда видеть заранее, что у него начинает стареть, не допускать слишком быстрого обветшания вещей, во-время их отремонтировать, а покупать только те вещи, которые действительно нужны, а не те, которые случайно он увидел на рынке или у другого человека. Все это составляет тот отдел человеческой деятельности, который называется заботливостью. Не всякая заботливость хороша. Бывают люди, которые до краев наполнены заботой, которые за этой заботой забывают все остальное. Такая забота имеет характер страдания. Она не должна быть у советского хозяина. Заботливость нашего гражданина должна отличаться спокойствием, разумным расчетом надолго вперед, умением спокойно выбрать то, что нужно, и отвергнуть то, что не нужно. И самая главная черта советской заботливости: она не похожа на жадность. Надо, чтобы ребенок проявлял эту заботливость скорее по отношению к другим членам семьи, чем по отношению к себе, а в особенности, чтобы он проявлял заботливость по отношению к общим вещам семьи. В заботливости лежит важнейшее начало планирования, предвидения. Этим советская заботливость отличается от накопительской жадности буржуазной семьи. Родители с раннего возраста должны приучать ребенка к такой плановости. Они долж-

ны время от времени обсуждать в семье различные назревшие потребности и намечать пути их удовлетворения. Если ребенок будет знать, что, допустим, такая вещь, как диван, приходит в ветхость, что требуется его ремонт или замена, если эта потребность для всех очевидна, ребенок уже и свои личные потребности будет заранее соотносить с этой общей потребностью и даже сам напоминать о ней родителям. Важно при этом воспитать у ребенка внимание к важным мелочам, к их взаимной зависимости. Бывает, что какая-нибудь ценная вещь только потому портится, что не хватает какого-нибудь пустяка для ее сохранения, на этот пустяк и должно быть обращено внимание хозяина.

Бережливость. Бережливость есть особая сторона заботливости, только заботливость проявляется больше в мыслях, в соображениях человека, а бережливость проявляется в привычках. Можно быть очень заботливым хозяином и в то же время совершенно не иметь привычек бережливости. Эти привычки должны воспитываться как можно раньше. С самого малого возраста ребенок должен уметь есть, не пачкая скатерти или костюма, он должен уметь пользоваться вещами, не пачкая их и не ломая. Эти привычки даются с некоторым трудом, и все же нужно стараться во что бы то ни стало, чтобы эти привычки образовались. Никакие поучения не помогут в этом деле, если нет привычки. Привычка образуется благодаря многократному упражнению. Поэтому нужно заботиться о правильном упражнении. Если мальчик, пробегая по комнате, повалил стул, не нужно говорить ему целую речь о бережливом отношении к стулу, а нужно ему сказать:

— Может быть, ты сможешь так пройти, чтобы стул не упал? А ну, попробуй. Прекрасно! Ты это хорошо умеешь делать.

Если, допустим, семилетний ребенок испачкал или изорвал костюм, нужно дать ему целый костюм и сказать:

— Вот тебе костюм. Он чистый. Даю тебе неделю срока и посмотрю, какой он будет.

Нужно возбуждать у ребенка постоянное желание упражняться в бережливости, нужно, чтобы он так привык к чистым ботинкам, чтобы грязные ботинки он уже не мог надеть.

Бережливость должна распространяться не только на вещи своей семьи, но и на вещи других людей и в осо-

бенности на предметы общественного пользования. Поэтому никогда не позволяйте ребенку небрежно относиться к вещам на улице, в парке, в театре.

Ответственность. Ответственность заключается не только в том, что человек боится наказания, а в том еще, что человек и без наказания чувствует себя неловко, если по его вине испортилась или уничтожена вещь. Именно такую ответственность нужно воспитывать у советского гражданина, и именно поэтому не нужно наказывать за порчу вещей или грозить наказанием, а нужно, чтобы ребенок сам увидел тот вред, который он принес небрежным обращением с вещью, и пожалел о своей небрежности. Об этом ребенку нужно, конечно, сказать, нужно объяснить ему все результаты небрежности, но еще полезнее будет, если ребенок на собственном опыте почувствует эти результаты. Если ребенок, к примеру, поломал игрушку, не нужно спешить покупать новую, не нужно и выбрасывать ее, а необходимо, чтобы некоторое время эта игрушка была на глазах у ребенка и требовала ремонта. Нужно, чтобы отец или мать говорили и советовались о ремонте этой игрушки, чтобы ребенок видел, что он причинил лишнюю заботу родителям, что они относятся к игрушке более внимательно и заботливо, чем он. А когда игрушка будет отремонтирована, полезно будет, если отец или мать шутя скажут:

— Она теперь хороша, только, что ж, давать ли ее тебе или не давать? Ведь ты небрежно будешь с ней обращаться и снова поломаешь?

В таких случаях ребенок начинает понимать, что его поступки приводят к некоторым неприятным последствиям, у него появится ощущение естественной ответственности. Но чем ребенок старше, тем эта естественная ответственность должна быть для него обязательнее и привычнее. Если и теперь он проявляет недопустимую небрежность, уже не нужно шутить с ним и вызывать чувство ответственности, а нужно самым серьезным тоном потребовать большего порядка, допуская даже и такое выражение:

— Это безобразие. Постарайся, чтобы таких случаев больше не было.

В особенности важно воспитывать ответственность в тех случаях, когда затрагиваются интересы других членов семьи или даже интересы общественные. Если в семье

есть правильный коллективный тон, это воспитание проводить очень нетрудно.

Способность ориентировки. Это та важнейшая способность, без которой не может быть хорошего хозяйственника. В чем она заключается? Она заключается в умении видеть и понимать все подробности, окружающие данный случай. Если человек что-то делает, он не должен забывать и о том, что сзади него и сбоку тоже находятся люди и тоже чем-то заняты. Ориентировка невозможна, если человек привык видеть только то, что перед глазами, а что совершается вокруг, не видит и не чувствует. В хозяйственной деятельности способность ориентировки имеет громадное значение. Делая одно дело, ребенок не должен забывать и все другие свои дела и дела окружающих людей. Играя в какую-нибудь игру, ребенок не должен забывать, что он окружен вещами, о которых тоже должен заботиться. Исполняя поручение родителей по покупке чего-нибудь в магазине, ребенок должен помнить, что он должен возвратиться домой во-время, что должен после этого поручения сделать что-либо для себя или для семьи.

Для выработки такой способности полезно давать ребенку не одно поручение, а два или три, давать условное поручение или комбинированное. Вот самые простые примеры таких поручений.

— Убери в книжном шкафу, а кстати и подбери книги по авторам. Купи сельдей, но если будет в магазине хорошая вобла, то не покупай сельдей, а купи воблу.

Способность ориентировки воспитывается постоянными упражнениями в хозяйственной заботе, в знании всех подробностей и частных хозяйства.

Оперативная способность. Такая способность необходима для выполнения более длительных хозяйственных работ, выходящих за пределы одного короткого поручения. Уже с семи-восьми лет, а часто и раньше, нужно давать ребенку такие более длительные задачи, например: поливать цветы, держать в порядке книги, кормить кошку, следить за младшим братом. В особенности важной является область денежных расходов. Здесь мы настойчиво рекомендуем каждой семье предоставить ребенку некоторую самостоятельность в расходовании денег для удовлетворения его личных, а в некоторых случаях и общих семейных потребностей. Для этого нужно один

раз или несколько раз в месяц выдавать ему определенную сумму денег с точным обозначением, на что эти деньги должны расходоваться. Список таких расходов может быть различным в зависимости от возраста ребенка, от достатков семьи. Например, для мальчика 14 лет можно составить такой список: покупка тетрадей, расходы на трамвай, покупка мыла и зубного порошка для всей семьи, расходы на кино для него и младшего брата. Чем старше ребенок, тем ответственнее и сложнее должен быть такой список.

Необходимо при этом следить за тем, как выполняет мальчик или девочка порученные ему задачи, не злоупотребляет ли он свободой расходования, не преобладают ли в его тратах расходы на удовольствия, а не на дело. Иногда такие ошибки происходят от неправильно назначенной суммы, но бывает и так, что мальчик просто недостаточно серьезно относится к своему праву и своим возможностям. В таком случае достаточно просто поговорить с ним, обратить внимание на его ошибки и посоветовать исправить их. Во всяком случае, не нужно надоедать ребенку постоянными проверками, а тем более постоянным недоверием. Нужно просто уметь видеть его поведение в порученной ему области.

Мы закончили рассмотрение главных особенностей семейного хозяйства. Сами родители найдут в своем опыте много разнообразных упражнений для правильного хозяйственного воспитания детей. Они при этом должны помнить, что, воспитывая хорошего и честного хозяина, они тем самым воспитывают и хорошего гражданина. Важно, чтобы семейное хозяйство было организовано в коллективном, спокойном и в то же время в дисциплинированном порядке, чтобы в нем не было излишней нервности, нытья, а чтобы больше было бодрости и дружного стремления улучшить жизнь семьи.

Резюмируем содержание сегодняшней лекции.

Хозяйственная деятельность семьи представляет собой важнейшую арену для воспитательной работы. Именно в семейном хозяйстве воспитываются:

Коллективизм, т. е. реальная солидарность человека с работой и интересами других людей, с интересами всего общества. Коллективизм воспитывается методом приближения ребенка к условиям деятельности родителей, методом участия ребенка в семейном бюджете, скром-

ностью во время избытка и достоинством во время недостатка в семье.

Честность, т. е. открытое, искреннее отношение к людям и вещам.

Заботливость, т. е. постоянное внимание к семейным нуждам и плану их удовлетворения.

Бережливость, т. е. привычка сохранять вещи.

Ответственность, т. е. чувство вины и неловкости в случае порчи или уничтожения вещи.

Способность ориентировки, иначе говоря, умение охватить вниманием целую группу вещей и вопросов.

Оперативная способность, т. е. умение распорядиться временем и работой.

Все семейное хозяйство должно быть хозяйством коллектива и вестись в спокойных тонах, без нервности.

ВОСПИТАНИЕ В ТРУДЕ

Правильное советское воспитание невозможно себе представить как воспитание нетрудовое. Труд всегда был основанием для человеческой жизни, для создания благополучия человеческой жизни и культуры. В нашей стране труд перестал быть предметом эксплуатации, он сделался делом чести, славы, доблести и геройства. Наше государство есть государство трудящихся, в нашей Конституции написано: «Кто не работает, тот не ест».

Поэтому и в воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов.

Попробуем подробнее проанализировать смысл и значение трудового воспитания в семье.

Первое, о чем в особенности должны помнить родители, это следующее. Ваш ребенок будет членом трудового общества, следовательно, его значение в этом обществе, ценность его как гражданина будут зависеть исключительно от того, насколько он в состоянии будет принимать участие в общественном труде, насколько он к этому труду будет подготовлен. Но от этого будет зависеть и его благосостояние, материальный уровень его жизни, ибо в нашей Конституции также сказано: «От каждого по способностям, каждому по труду». Мы хорошо знаем, что от природы все люди обладают приблизительно одинаковыми трудовыми данными, но в жизни

одни люди умеют работать лучше, другие хуже, одни способны только к самому простому труду, другие — к труду более сложному и, следовательно, более ценному. Эти различные трудовые качества не даются человеку от природы, они воспитываются в нем в течение его жизни и в особенности в молодости.

Следовательно, трудовая подготовка, воспитание трудового качества человека — это подготовке и воспитание не только будущего хорошего или плохого гражданина, но и воспитание его будущего жизненного уровня, его благосостояния.

Второе: трудиться можно из нужды, из жизненной необходимости. В человеческой истории в большинстве случаев труд всегда имел такой характер принудительного тяжелого действия, необходимого для того, чтобы не умереть с голода. Но уже и в старое время люди старались быть не только рабочей силой, но и творческой силой. Только им не всегда удавалось достигнуть этого в условиях классового неравенства и эксплуатации. В Советской стране каждый труд должен быть творческим трудом, ибо он целиком идет на создание общественного богатства и культуры страны трудящихся. Научить творческому труду — особая задача воспитателя.

Творческий труд возможен только тогда, когда человек относится к работе с любовью, когда он сознательно видит в ней радость, понимает пользу и необходимость труда, когда труд делается для него основной формой проявления личности и таланта. Такое отношение к труду возможно только тогда, когда образовалась глубокая привычка к трудовому усилию, когда никакая работа не кажется неприятной, если в ней есть какой-нибудь смысл.

Творческий труд совершенно невозможен у тех людей, которые к работе подходят со страхом, которые боятся ощущения усилия, боятся, так сказать, трудового пота, которые на каждом шагу только и делают, что соображают, как бы поскорее отделаться от работы и начать что-нибудь другое. Это другое кажется им симпатичным до тех пор, пока они за него не взялись.

Третье: в трудовом усилии воспитывается не только рабочая подготовка человека, но и подготовка товарища, т. е. воспитывается правильное отношение к другим людям, — это уже будет нравственная подготовка. Человек, который старается на каждом шагу от работы увильнуть,

который спокойно смотрит, как другие рабстают, пользуется плодами их трудов, такой человек — самый безнравственный человек в советском обществе. И наоборот, совместное трудовое усилие, работа в коллективе, трудовая помощь людей и постоянная их взаимная трудовая зависимость только и могут создать правильное отношение человека друг к другу. Это правильное отношение состоит не только в том, что каждый человек отдает свои силы обществу, но и в том, что он и от других требует того же, что он не хочет рядом с собой переносить жизнь дармоеда. Только участие в коллективном труде позволяет человеку выработать правильное, нравственное отношение к другим людям — родственную любовь и дружбу по отношению ко всякому трудящемуся, возмущение и осуждение по отношению к лентяю, к человеку, уклоняющемуся от труда.

Четвертое: неправильно думать, что в трудовом воспитании развиваются только мускулы или внешние качества — зрение, осязание, развиваются пальцы и т. д. Физическое развитие в труде, конечно, тоже имеет большое значение, являясь важным и совершенно необходимым элементом физической культуры. Но главная польза труда сказывается в психическом, духовном развитии человека. Это духовное развитие, порождаемое гармоничным трудом, и должно составить ту особенность человека, которая отличает гражданина бесклассового общества от гражданина классового общества.

Пятое: необходимо указать еще на одно обстоятельство, которому у нас придают, к сожалению, небольшое значение. Труд имеет не только значение общественно-производственное, но имеет большое значение и в личной жизни. Мы хорошо знаем, насколько веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать, у которых все удается и спорится, которые не потеряются ни при каких обстоятельствах, которые умеют владеть вещами и командовать ими. И наоборот, всегда вызывают нашу жалость те люди, которые перед каждым пустяком становятся в тупик, которые не умеют обслуживать сами себя, а всегда нуждаются то в няньках, то в дружеской услуге, то в помощи, а если им никто не поможет, живут в неудобной обстановке, неряшливо, грязно, растерянно.

Родители должны хорошо подумать над каждым из указанных обстоятельств. В своей жизни и в жизни своих

знакомых они на каждом шагу увидят подтверждение важнейшего значения трудового воспитания. И в работе по воспитанию своих детей родители никогда не должны забывать о трудовом принципе.

Конечно, в границах семьи трудно дать ребенку такое трудовое воспитание, которое обычно называется квалификацией. Для образования хорошей специальной квалификации семья не приспособлена; квалификацию мальчик или девочка получают в какой-либо общественной организации: в школе, на заводе, в учреждении, на курсах. Семья ни в коем случае и не должна гоняться за квалификацией в той или другой специальности. Это в старое время бывало обычно так, что если отец сапожник, то он и сына учил своему ремеслу; если он столяр, то и сын «приучался» к столярному делу. А девочки, как известно, всегда получали квалификацию домашней хозяйки, на большее они и не рассчитывали. В советское время о квалификации будущих граждан заботится государство, которое имеет в своем распоряжении много мощных и хорошо оборудованных институтов.

Но родители вовсе не должны думать, что семейное воспитание не имеет никакого отношения к получению квалификации. Именно семейная трудовая подготовка имеет самое важное значение для будущей квалификации человека. Тот ребенок, который получил в семье правильное трудовое воспитание, тот в дальнейшем с большим успехом будет проходить и свою специальную подготовку. А те дети, которые не прошли в семье никакого трудового опыта, те и квалификации не могут получить хорошей, их постигают различные неудачи, они выходят плохими работниками, несмотря на все усилия государственных учреждений.

Точно так же родители не должны думать, что под трудом мы понимаем только физический труд, мускульную работу. С развитием машинного производства физический труд постепенно теряет свое былое значение в человеческой общественной жизни. Советское государство старается совершенно уничтожить тяжелый физический труд. Мы уже видим, что на постройках домов кирпичи подаются машинами, носилки имеют все меньшее и меньшее значение в нашем строительстве. На наших заводах, в особенности на тех, которые построены после революции, совершенно уничтожен тяжелый физический труд. Чел-

век становится все больше и больше владельцем больших, организованных механических сил, от него теперь все больше и больше требуются не физические, а умственные силы: распорядительность, внимание, расчет, изобретательность, находчивость, хватка. Наше стахановское движение, одно из замечательных явлений нашей страны, вовсе не представляет собой мобилизацию физических сил рабочего класса, а как раз творческую мобилизацию его духовных сил, освобожденных от насилия Великой социалистической революцией. Настоящий стахановец меньше всего надеется на свои мускулы, он организует свой успех, применяя новые методы расстановки материала, инструмента, новые приспособления, новые приемы работы. Об этом родители также всегда должны помнить. В своей семье они должны воспитывать не ломовую рабочую силу, а стахановцев, людей социалистического труда и социалистических успехов.

Поэтому мы не должны думать, что в советском воспитании есть какая-либо существенная разница между трудом физическим и трудом умственным. В том и в другом труде важной стороной является прежде всего организация трудового усилия, его настоящая человеческая сторона.

Если мы будем поручать мальчику или девочке всегда одно и то же дело, одну и ту же физическую работу, требующую от него только расхода мускульной энергии, воспитательное значение такого труда будет весьма ограничено, хотя и нельзя сказать, что такой труд совершенно бесполезен. Ребенок будет приучаться к трудовому усилию, будет принимать участие в общественном труде, будет нравственно воспитываться в трудовом равенстве с другими людьми, но все же это не будет настоящее трудовое стахановское воспитание, если мы не прибавим к трудовому упражнению интересных организационных задач.

В трудовом воспитании важным является следующая сторона метода. Перед ребенком должна быть поставлена некоторая задача, которую он может разрешить, применяя то или другое трудовое средство. Эта задача не обязательно должна стоять на короткий отрезок времени, на один или на два дня. Она может иметь длительный характер, даже продолжаться месяцами и годами. Важно то, что ребенку должна быть предоставлена некоторая

свобода в выборе средств, и он должен нести некоторую ответственность за выполнение работы и за ее качество. Меньше будет пользы, если вы скажете ребенку:

— Вот тебе веник, подмети эту комнату, сделай это так или так.

Лучше будет, если вы на долгое время поручите ребенку поддержание чистоты в определенной комнате, а как он будет это делать — предоставьте решать и отвечать за решение ему самому. В первом случае вы поставили перед ребенком только мускульную задачу, во втором случае вы поставили перед ним задачу организационную; последняя гораздо выше и полезнее. Следовательно, чем сложнее и самостоятельнее будет трудовая задача, тем лучше она будет в педагогическом отношении. Многие родители не учитывают этого обстоятельства. Они поручают детям сделать то или другое дело, но разбрасываются в слишком мелких трудовых задачах. Они посылают мальчика или девочку в магазин купить какой-нибудь предмет, а гораздо лучше будет, если они возложат на него постоянную определенную заботу, например всегда заботиться о том, чтобы в семье было мыло или зубной порошок.

Трудовое участие детей в жизни семьи должно начинаться очень рано. Начинаться оно должно в игре. Ребенку должно быть указано, что он отвечает за целостность игрушек, за чистоту и порядок в том месте, где стоят игрушки и где он играет. И эту работу нужно поставить перед ним в самых общих чертах: должно быть чисто, не должно быть набросано, налито, на игрушках не должно быть пыли. Конечно, некоторые приемы уборки можно ему и показать, но вообще хорошо, если он сам догадается, что для вытирания пыли нужно иметь чистую тряпку, если эту тряпку он сам выпросит у матери, если он к этой тряпке предъявит определенные санитарные требования, если он потребует лучшую тряпку и т. д. Точно так же и починка изломанных игрушек должна быть предоставлена ему самому в той мере, в какой это ему по силам, разумеется, с предоставлением в его распоряжение определенных материалов.

С возрастом трудовые поручения должны быть усложнены и отделены от игры. Мы перечислим несколько видов детской работы, рассчитывая, что каждая семья в зави-

симости от условий своей жизни и возраста детей сможет исправить и дополнить этот список.

1. Поливать цветы в комнате или во всей квартире.
2. Вытирать пыль на подоконниках.
3. Накрывать на стол перед обедом.
4. Следить за солонками, горчичницами.
5. Следить за письменным столом отца.
6. Отвечать за книжную полку или за книжный шкаф и держать их в порядке.
7. Получать газеты и складывать их в определенном месте, отделяя новые от прочитанных.
8. Кормить котенка или щенка.
9. Держать в порядке умывальник, покупать мыло, зубной порошок, бритвенные ножи для отца.
10. Производить полную уборку в отдельной комнате или отдельной части комнаты.
11. Пришивать на своем платье оторвавшиеся пуговицы, иметь всегда в полном порядке приспособления для этого.
12. Отвечать за порядок в буфетном шкафу.
13. Чистить платье свое или младшего брата, или одного из родителей.
14. Заботиться об украшении комнаты портретами, открытками, репродукциями.
15. Если в семье есть огород или цветник, отвечать за определенный его участок как в плане посева, так и ухода за ним и сбора плодов.
16. Заботиться о том, чтобы в квартире были цветы, для этого иногда поехать и за город (это для более старшего возраста).
17. Если в квартире есть телефон, первому подходить на звонок, вести домашний телефонный справочник.
18. Вести справочник трамвайных маршрутов с учетом тех мест, куда членам семьи приходится наиболее часто ездить.
19. В более старшем возрасте самостоятельно планировать и обслуживать посещение семьей театров и кино, узнавать программу, доставать билеты, хранить их и т. д.
20. Вести в полном порядке домашнюю аптеку и отвечать за своевременное ее пополнение.
21. Следить за тем, чтобы в квартире не появлялись паразиты: клопы, блохи и т. д., принимать энергичные меры к их уничтожению.

22. Помогать матери или сестре в определенных хозяйственных функциях.

Каждая семья найдет у себя очень много подобных работ, более или менее интересных и посильных. Конечно, нельзя ребенка загружать чрезмерным количеством работы, но во всяком случае необходимо, чтобы не бросалась в глаза разница в трудовой нагрузке родителей и в трудовых нагрузках детей. Если отцу или матери приходится очень трудно в домашнем хозяйстве, дети должны привлекаться к помощи им. Бывает и иначе: если в семье есть домашняя работница, дети сплошь и рядом привыкают надеяться на ее труд в таких случаях, когда они и сами могли бы себя обслужить. Родители должны хорошенько проверить эту область и добиться такого положения, чтобы по возможности домработница не делала таких работ, которые могут и должны сделать дети.

Нужно при этом всегда помнить: когда дети учатся в школе, последняя довольно сильно нагружает их домашней работой. Разумеется, эта работа должна считаться самой главной и первоочередной. Дети должны хорошо понимать, что в школьной работе они выполняют функцию не только личную, но и общественную, что за успех школьной работы отвечают они не только перед родителями, но и перед государством. С другой стороны, неправильно, если только школьная работа пользуется уважением, а все остальные трудовые задачи отбрасываются. Такое обособление школьной работы очень опасно, так как вызывает у детей полное пренебрежение к жизни и работе своего семейного коллектива. В семье должна всегда чувствоваться атмосфера коллективизма, как можно чаще проявляться помощь одних членов семьи по отношению к другим.

Спрашивается, какими мерами можно и должно вызывать у ребенка то или другое трудовое усилие. Меры эти могут быть самые разнообразные. В раннем детстве, конечно, многое ребенку нужно и подсказать и показать, но вообще необходимо считать идеальной формой, когда ребенок сам замечает необходимость той или другой работы, видит, что матери или отцу некогда ее сделать, когда он по собственной инициативе приходит на помощь своему семейному коллективу. Воспитать такую готовность к труду, такую внимательность к нуждам своего

коллектива — значит воспитать настоящего советского гражданина.

Очень часто бывает, что ребенок по своей неопытности, по слабости ориентировки не может самостоятельно заметить потребности в той или другой работе. Родители должны в таких случаях осторожно подсказать, помочь ребенку выяснить свое отношение к этой задаче и принять участие в ее разрешении. Это часто лучше всего делать, вызывая простой технический интерес к работе, но и злоупотреблять этим способом нельзя. Ребенок должен уметь выполнять и такие работы, которые не вызывают у него особого интереса, которые кажутся в первый момент работами скучными. Вообще он должен воспитываться так, чтобы решающим моментом в трудовом усилии была не его занимательность, а его польза, его необходимость. Родители должны воспитывать у ребенка способность терпеливо и без хныканья выполнять работы неприятные. Потом, по мере развития ребенка, даже самая неприятная работа будет приносить ему радость, если общественная ценность работы будет для него очевидна.

В том случае, если необходимость или интерес недостаточны, чтобы вызвать у ребенка желание потрудиться, можно применить способ просьбы. Просьба тем отличается от других видов обращения, что она предоставляет ребенку полную свободу выбора. Просьба и должна быть такова. Ее так нужно произнести, чтобы ребенку казалось, что он исполняет просьбу по собственному доброму желанию, не побуждаемый к этому никакими принуждениями. Нужно говорить:

— У меня к тебе просьба. Хоть это и трудно, и у тебя всякие другие дела...

Просьба — самый лучший и мягкий способ обращения, но и злоупотреблять просьбой не следует. Форму просьбы лучше всего употреблять в тех случаях, когда вы хорошо знаете, что ребенок с удовольствием просьбу вашу выполнит.

Если же у вас есть какое-нибудь сомнение в этом, применяйте форму обыкновенного поручения, спокойного, уверенного, делового. Если с самого малого возраста вашего ребенка вы будете правильно чередовать просьбу и поручение и, в особенности, если вы будете возбуждать личную инициативу ребенка, будете учить его видеть не-

обходимость работы самому и по собственному почину выполнять ее, в вашем поручении не будет уже никаких прорывов. Только если вы запустили дело воспитания, вам придется иногда прибегнуть к принуждению.

Принуждение может быть различное — от простого повторения поручения до повторения резкого и требовательного. Во всяком случае никогда не нужно прибегать к физическому принуждению, так как оно меньше всего приносит пользы и вызывает у ребенка отвращение к трудовой задаче.

Больше всего затрудняет родителей вопрос, как нужно обращаться с так называемыми ленивыми детьми. Нужно при этом сказать, что лень, т. е. отвращение к трудовому усилию, только в очень редких случаях объясняется плохим состоянием здоровья, физической слабостью, вялостью духа. В этом случае, конечно, лучше всего обратиться к врачу. Большой же частью лень у ребенка развивается благодаря неправильному воспитанию, когда с самого малого возраста родители не воспитывают у ребенка энергии, не приучают его преодолевать препятствия, не возбуждают у него интереса к семейному хозяйству, не воспитывают у него привычки к труду и привычки к тем удовольствиям, которые труд всегда доставляет.

Способ борьбы с ленью единственный: постепенное втягивание ребенка в область труда, медленное возбуждение у него трудового интереса.

Но борясь с ленью, нужно бороться и с другим недостатком. Есть дети, которые схотно выполняют любую работу, но делают ее без увлечения, без интереса, без мысли, без радости. Они работают только потому, что хотят избежать неприятностей, чтобы отделаться от упреков и т. д. Такая работа часто очень напоминает усилия рабочей лошади. Такие работники могут совершенно потерять контроль над своим трудом, приучаются относиться к нему некритически. Из них вырастают люди, которые очень легко поддаются эксплуатации, которые всегда, всю жизнь только и знают, что всех обслуживают, всем помогают, даже тем, которые сами ничего не делают. В Советском государстве нельзя воспитывать такую лошадиную покорность, ибо у этих людей нет нравственного требования ни к своей работе, ни к работе других людей.

Правда, в нашем государстве невозможна эксплуатация человека человеком на производстве, но есть еще

очень много охотников, которые могут пользоваться чужим трудом в домашней обстановке, в быту, в семье.

Воспитание наших детей должно проходить таким образом, чтобы в нашем обществе не было готовых объектов для эксплуатации, чтобы никакие эксплуататорские аппетиты у нас не могли развиваться даже в домашней обстановке.

Поэтому родители в особенности должны внимательно следить, чтобы старшие братья не пользовались трудом младших иначе, как в порядке взаимной помощи, чтобы в семье не было никакого трудового неравенства.

Нам остается сказать несколько слов о качестве труда. Качество труда должно иметь самое решающее значение: высокого качества нужно требовать всегда, требовать серьезно. Конечно, ребенок еще неопытен, часто он физически неспособен выполнить работу во всех отношениях идеально. От него и нужно требовать такого качества, которое для него совершенно посильно, которое доступно и его силам и его пониманию.

Не нужно при этом поносить ребенка за плохую работу, стыдить его, упрекать. Нужно просто и спокойно сказать, что работа сделана неудовлетворительно, что она должна быть переделана, или исправлена, или сделана заново. При этом никогда не нужно производить работу за ребенка силами самих родителей, только в редких случаях можно проделать такую часть работы, которая явно не по силам ребенку, поправляя в этом случае допущенную нами ошибку в самом назначении работы.

Мы решительно не рекомендуем применять в области труда какие-либо поощрения или наказания. Трудовая задача и ее решение должны сами по себе доставлять ребенку такое удовлетворение, чтобы он испытывал радость. Признание его работы хорошей работой должно быть лучшей наградой за его труды. Такой же наградой будет для него ваше одобрение его изобретательности, его находчивости, его способов работы. Но даже и таким словесным одобрением никогда не нужно злоупотреблять, в особенности не следует хвалить ребенка за произведенную работу в присутствии знакомых ваших и друзей.

Тем более не нужно ребенка наказывать за плохую работу или за работу не произведенную. Самое важное в этом случае — добиться того, чтобы работа была все-таки выполнена.

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Вопрос о половом воспитании считается одним из самых трудных педагогических вопросов. И действительно, ни в каком вопросе не было столько напутано и столько высказано неправильных мнений. А между тем практически этот вопрос вовсе не так труден, и во многих семьях он разрешается очень просто и без мучительных колебаний. Он становится трудным только тогда, когда его рассматривают отдельно и когда ему придают слишком большое значение, выделяя из общей массы других воспитательных вопросов.

Вопрос о половом воспитании в семье может быть разрешен правильно только тогда, когда родители хорошо себе представляют самую цель, которую они должны преследовать в половом воспитании своих детей. Если эта цель будет для родителей ясна, ясными станут и пути к ее достижению.

Каждый человек по достижении известного возраста живет половой жизнью, но половой жизнью живет не только человек, она составляет необходимый отдел жизни большинства живых существ.

Половая жизнь человека должна существенно отличаться от половой жизни животного, в этом отличии и заключаются цели полового воспитания. Но бывает, что половая жизнь человека отличается от половой жизни животного не в лучшую, а в худшую сторону. Животное имеет потребность в половой жизни постольку, поскольку оно стремится иметь потомство, у животных почти не бывает разврата. Человек сплошь и рядом стремится к половому наслаждению независимо от желания иметь детей, и это стремление иногда приобретает такие беспорядочные и нравственно неоправданные формы, что приносит несчастье и ему самому и другим людям. Человек прошел длинную историю развития, и развивался он не только как зоологический вид, но и как общественное существо. В истории этого развития давно выработаны человеческие идеалы для многих сторон нравственности, и в том числе выработаны идеалы половых отношений человека. В классовом обществе эти идеалы сплошь и рядом нарушаются в угоду интересам правящих классов. Такие нарушения мы знаем и в форме семьи, и в положении женщины, и в деспотической власти мужчины. Мы

хорошо знаем, что в некоторых странах происходит настояшая продажа и покупка женщин; знаем многие исторические формы многоженства, когда женщина рассматривается только как предмет наслаждения мужчины; знаем о существовании такого безобразного явления, как проституция, когда мужчина просто на короткое время покупал ласку женщины; знаем, наконец, принудительные рамки семьи, когда мужчина и женщина принуждаемы были жить вместе, независимо от того, хотят они этого или не хотят.

Октябрьская социалистическая революция уничтожила все эти безобразные пережитки классового общества. Она освободила семью от сходства с цепями, она освободила женщину от многих видов оскорбительного отношения к ней со стороны мужчины. Только после Октябрьской революции половая жизнь людей вплотную приблизилась к тем идеалам, о которых давно мечтало человечество. Но некоторые люди неправильно поняли эту новую свободу, они решили, что половая жизнь человека может проходить в беспорядочной смене супружеских пар, в так называемой «свободной любви». В строго организованном человеческом обществе, в социалистическом обществе, такая практика половой жизни обязательно приводит к недостойной человека простоте отношений, к их вульгаризации, к тяжелым переживаниям личности, к несчастьям, к разрушению семьи, к сиротству детей.

Как и во всей своей жизни, так и в жизни половой человек не может забыть о том, что он есть член общества, что он — гражданин своей страны, что он — участник нашего социалистического строительства. Поэтому и в своем отношении к женщине или в своем отношении к мужчине советский человек не может игнорировать требования общественной нравственности, которая всегда стоит на страже интересов всего общества. И в половой сфере эта общественная нравственность предъявляет каждому гражданину определенные требования. Родители должны воспитывать своих детей так, чтобы из них не вышли люди, в своем поведении идущие против общественной нравственности.

Что требует общественная нравственность в вопросах половой жизни? Она требует, чтобы половая жизнь человека, каждого мужчины и каждой женщины, находилась в постоянном гармоническом отношении к двум обла-

стям жизни: к семье и к любви. Она признает нормальной и оправданной нравственно только такую половую жизнь, которая основывается на взаимной любви и которая проявляется в семье, т. е. в открытом гражданском союзе мужчины и женщины, союзе, который преследует две цели: человеческое счастье и рождение и воспитание детей.

Отсюда ясны и цели полового воспитания. Мы должны так воспитать наших детей, чтобы они только по любви могли наслаждаться половой жизнью и чтобы свое наслаждение, свою любовь и свое счастье они реализовали в семье.

Говоря о воспитании будущего полового чувства нашего ребенка, мы должны, собственно, говорить о воспитании его будущей любви и о воспитании его как будущего семьянина. Всякое иное половое воспитание будет обязательно вредным и противообщественным. Каждый родитель, каждый отец и каждая мать должны поставить перед собой такую цель, чтобы будущий гражданин или будущая гражданка, которых они воспитывают, могли быть счастливы только в семейной любви и чтобы только в этой форме они могли искать и радостей половой жизни. Если родители такой цели перед собой не поставят, если они ее не достигнут, их дети будут жить беспорядочной жизнью пола, следовательно, будут жить жизнью, полной всяких драм, несчастья, всякой грязи и общественного вреда.

Поставив перед собой такую цель, родители должны подумать о средствах к ее достижению. Относительно этих средств они могут и в литературе специальной и в литературе художественной встретить самые разнообразные мнения и рецепты, самые противоречивые точки зрения и советы. Родители должны научиться хорошо разбираться в этих мнениях и считать правильными только такие, которые помогут им в ответственной работе воспитания и в достижении поставленных ими целей.

Правильное половое воспитание, как и всякое воспитание человеческого характера, достигается, конечно, на каждом шагу, если вообще правильно организована жизнь семьи, если под руководством родителей растет настоящий советский человек.

В вопросах любви и семейной жизни решающими всегда будут общие способности человека, его политиче-

ское и нравственное лицо, его развитие, его работоспособность, его честность, его преданность своей стране, его любовь к обществу. Поэтому совершенно правильным является утверждение, что половая жизнь будущего человека воспитывается всегда, на каждом шагу, когда родители или воспитатели даже и не думают о половом воспитании. Старая поговорка «лень — мать всех пороков» очень правильно отражает этот общий закон, но у пороков — не одна мать. Не только лень, а всякое уклонение человека от правильного общественного поведения обязательно приводит к порочному поведению его в обществе, в том числе приводит и к беспорядочной половой жизни.

Поэтому, разумеется, в вопросах полового воспитания решающими являются не какие-либо отдельные способы, специально предназначенные для полового воспитания, а весь общий вид воспитательной работы, вся его картина в целом.

Поэтому воспитывая в ребенке честность, работоспособность, искренность, прямоту, привычку к чистоте, привычку говорить правду, уважение к другому человеку, к его переживаниям и интересам, любовь к своей родине, преданность идеям социалистической революции, мы тем самым воспитываем его и в половом отношении. Среди этих общих методов воспитания есть такие, которые к половому воспитанию имеют большее отношение, есть такие, которые имеют меньшее отношение, но все они, вместе взятые, в значительной мере определяют и наш успех в воспитании будущего семьянина, будущего мужа или будущей жены.

Но есть и отдельные воспитательные методы и приемы, которые специально как будто назначены, чтобы быть полезными именно в вопросах полового воспитания. И есть люди, которые на эти отдельные приемы и методы возлагают особенные надежды и считают их наиболее мудрым выражением педагогического творчества.

Необходимо указать, что как раз в этих особых специальных советах и заложены наиболее вредные пути полового воспитания и к ним нужно относиться с исключительной осторожностью.

Очень много внимания половому воспитанию было уделено в старое время. Тогда многие думали, что половая сфера есть самая главная, решающая сфера в физи-

ческой и психической конституции человека, что все человеческое поведение зависит от половой сферы. Сторонники таких «теоретических» положений старались доказать, что все воспитание юноши или девушки есть в сущности половое воспитание.

Многие из этих «теорий» так и остались погребенными в книгах, даже не дойдя до широкого читателя, но многие просочились в широкое общество и породили самые вредные и самые опасные мнения.

Больше всего беспокоились о том, чтобы ребенок был как-то по-особенному разумно подготовлен к половой жизни, чтобы он не видел в ней ничего «стыдного», ничего тайного. Стремясь к этому, старались как можно раньше посвятить ребенка во все тайны половой жизни, объяснить ему тайну деторождения. Конечно, с настоящим «ужасом» показывали на тех «простаков», которые обманывали детей и рассказывали им сказки об аистах и других фиктивных виновниках деторождения. Полагали при этом, что если ребенку все разъяснить и растолковать, если в его представлении о половой любви не останется ничего стыдного, то этим будет достигнуто и правильное половое воспитание.

Надо с очень большой осторожностью относиться к таким советам. К вопросам полового воспитания надо относиться с гораздо большим спокойствием и не делать из него непоправимых фокусов. Правда, ребенок часто спрашивает о том, откуда берутся дети, но из того, что ребенок заинтересован этим вопросом, не вытекает, что в раннем возрасте ему все нужно до конца объяснить. Ведь ребенок не только в половом вопросе кое-чего не знает. Многого он не знает и в других вопросах жизни, однако мы не спешим нагружать его непосильными знаниями раньше времени.

Мы ведь не объясняем ребенку в три года, отчего бывает тепло или холодно, отчего увеличивается или уменьшается день. Так же точно мы не объясняем ему в семь лет устройства аэропланного мотора, хотя и этим вопросом он может заинтересоваться. Для всякого знания приходит свое время, и нет никакой опасности в том, если вы ответите ему:

— Ты еще мал, подрастешь, узнаешь.

Нужно при этом отметить, что никакого особенно настойчивого интереса к половым вопросам у ребенка нет

и не может быть. Такой интерес наступает только в период полового созревания, но к этому времени обыкновенно ничего таинственного в половой жизни для ребенка уже нет.

Поэтому нет никакой срочной надобности торопиться с открыванием «тайны деторождения», пользуясь для этого случайным вопросом ребенка. В этих вопросах не содержится еще никакого особенного полового любопытства, сокрытие тайны никаких переживаний и страданий ребенку не приносит. Если вы более или менее тактично отведете вопрос ребенка, отделаетесь шуткой или улыбкой, ребенок забудет о своем вопросе и займется чем-либо другим. Но если вы начнете с ним толковать о самых секретных подробностях в отношениях между мужчиной и женщиной, вы обязательно поддержите в нем любопытство к половой сфере, а потом поддержите и слишком рано взбудораженное воображение. То знание, которое вы ему сообщите, для него совершенно не нужно и бесполезно, но та игра воображения, которую вы у него возбудите, может положить начало половым переживаниям, для которых еще не наступило время.

Совершенно не нужно бояться того, что ребенок узнает о тайне деторождения от своих товарищей и подруг и будет держать свое знание в секрете. Секрет в этом случае вовсе не страшен. Ребенок должен приучаться к тому, что многие стороны жизни человека составляют интимную, секретную область, о которой не нужно делиться со всеми, которую не нужно выставлять на показ всему обществу. И только тогда, когда у ребенка уже воспитано это отношение к интимной жизни людей, когда у него есть большая привычка к целомудренному умолчанию о некоторых вещах, только тогда, следовательно в более позднем возрасте, можно говорить с ребенком о половой жизни. Эти беседы должны происходить строго по секрету между отцом и сыном или между матерью и дочерью. Они будут оправданы действительной и прямой пользой, так как будут соответствовать естественному пробуждению половой жизни у юноши или девушки. В это время такие беседы уже не могут принести вреда, так как и родители и дети уже понимают, что они касаются важной и секретной темы, что обсуждение этой темы необходимо по соображениям пользы, что эта польза, оставаясь интимной, будет в то же время и реальной. Такие беседы должны

касаться как вопросов половой гигиены, так и, в особенности, вопросов половой нравственности.

Признавая необходимость таких бесед в период полового созревания, не нужно все же преувеличивать их значения. Собственно говоря, будет гораздо лучше, если эти беседы проведет врач, если они будут организованы в школе.

Между родителями и детьми желательна всегда атмосфера доверия и деликатности, атмосфера целомудрия, которая иногда нарушается слишком откровенными разговорами на такие трудные темы.

Против слишком ранних обсуждений полового вопроса с детьми нужно возражать и по другим соображениям: открытое и слишком преждевременное обсуждение половых вопросов приводит ребенка к грубо рационалистическому взгляду на половую сферу, кладет начало тому цинизму, с которым иногда взрослый человек так легко делится с другими самыми сокровенными своими половыми переживаниями.

Такие беседы с детьми ставят перед ребенком половую тему в узком физиологическом оформлении. Половые темы в этом случае не будут облагорожены темами любви, т. е. более высокого и общественно ценного отношения к женщине.

В каких словах можно малому ребенку сказать, что половые отношения оправдываются любовью, если и о любви ребенок не имеет еще никакого представления. Волей-неволей такие беседы будут беседами узко физиологическими.

Говоря с сыном или дочерью в более позднем их возрасте о половой жизни, вы уже имеете возможность ставить ее в зависимость от любви и воспитывать у юноши или у девушки глубокое уважение ко всем этим вопросам, уважение гражданское, эстетическое и человеческое. С темами любви наши юноши и девушки знакомятся открыто по литературе, из окружающего опыта людей, из общественных наблюдений. Родители и должны опираться на эти уже имеющиеся у молодых людей знания и представления.

Половое воспитание и должно быть воспитанием именно любви, т. е. большого и глубокого чувства, чувства, украшенного единством жизни, стремлений и надежд. Но такое половое воспитание должно проводиться без

слишком открытого и в сущности циничного разбора узко физиологических вопросов.

Как проводить такое половое воспитание? В этом деле самое главное место имеет пример. Настоящая любовь между отцом и матерью, их уважение друг к другу, помощь и забота, открыто допустимые проявления нежности и ласки, если все это происходит на глазах у детей с первого года их жизни, являются самым могучим воспитательным фактором, необходимо возбуждает у детей внимание к таким серьезным и красивым отношениям между мужчиной и женщиной.

Вторым важнейшим фактором является вообще воспитание чувства любви у ребенка. Если, вырастая, ребенок не научился любить родителей, братьев и сестер, свою школу, свою родину, если в его характере воспитаны начала грубого эгоизма, очень трудно рассчитывать, что он способен глубоко полюбить избранную им женщину. Такие люди проявляют очень часто самые сильные половые чувства, но всегда склонны не уважать ту, которая их привлекает, не дорожить ее духовной жизнью и даже не интересоваться ею. Они поэтому легко меняют привязанности и очень недалеко стоят от обыкновенного разврата. Конечно, это бывает не только с мужчинами, но и с женщинами.

Любовь неполковая — дружба, опыт этой любви-дружбы, переживаемый в детстве, опыт длительных привязанностей к отдельным людям, любовь к родине, воспитанная с детства, — все это самый лучший метод и воспитания будущего высокообщественного отношения к женщине-другу. А без такого отношения дисциплинировать и обуздать половую сферу вообще очень трудно.

И поэтому мы советуем родителям чрезвычайно внимательно относиться к вопросу о чувствах ребенка к людям и к обществу. Необходимо заботиться, чтобы у ребенка были друзья (родители, братья, товарищи), чтобы его отношение к этим друзьям не было случайным и эгоистичным, чтобы интересы друзей занимали ребенка. Как можно раньше нужно пробуждать интерес у ребенка к своему селу или городу, к заводу, на котором работает отец, а потом и ко всей нашей стране, к ее истории, к ее выдающимся деятелям. Конечно, для такой цели мало одних разговоров. Надо, чтобы ребенок много видел, о многом думал, чтобы он переживал художественное впе-

чатление. Этим целям замечательно хорошо соответствует художественная литература, кино, театр.

Вот такое воспитание будет уже положительным воспитанием и в половом отношении. Оно будет создавать те черты личности и характера, которые необходимы человеку-коллективисту, а такой человек и в половой сфере будет вести себя нравственно.

В том же направлении будет полезно действовать и правильный режим, установленный в семье. Мальчик или девочка, с детства привыкшие к порядку, не имеющие опыта беспорядочной и безответственной жизни, эту свою привычку потом перенесут и на отношение к мужчине или к женщине.

Правильный режим имеет и другое более частное значение. Беспорядочный опыт половой жизни очень часто начинается в условиях случайных, беспорядочных встреч мальчиков и девочек, безделья, скуки, бесконтрольного пустого времяпровождения. Родители должны хорошо знать, с кем встречается ребенок и какие интересы преследуют эти встречи. Наконец, правильный режим способствует просто правильному физическому самочувствию ребенка, при котором никогда не возникнет никакое слишком раннее половое переживание. Во-время лечь спать и во-время встать, не валяться в постели без нужды — это уже хорошая нравственная, а следовательно, и половая закалка.

Следующим важным условием полового воспитания является нормальная загруженность ребенка заботой и работой. Об этом говорилось в других беседах, но этот вопрос имеет большое значение и в половом воспитании. Некоторая нормальная приятная усталость к вечеру, представление об обязанностях и работах в течение дня, по утрам — все это создает очень важные предпосылки для правильного развития воображения, для равномерного распределения сил ребенка в течение дня. При таком условии у ребенка не остается ни психического, ни физического стремления к пустому, ленивому бродяжничеству, к излишней игре воображения, к случайным встречам и впечатлениям. Те дети, которые провели свое первое детство в условиях правильного и точного режима, обыкновенно и вырастают с симпатией к такому режиму, с привычкой к нему, у них и отношения к людям создаются более упорядоченные.

В таком же значении правильного общего воспитания, отражающегося обязательно и на половой сфере, выступает и спорт. Правильно организованные спортивные упражнения, в особенности коньки, лыжи, лодка, регулярная комнатная гимнастика, приносят очень большую пользу, настолько очевидную и известную, что доказывать эту пользу не нужно.

Все указанные выше воспитательные мероприятия и начала как будто не направлены непосредственно к цели полового воспитания, но они неуклонно ведут к этой цели, так как наилучшим образом содействуют воспитанию характера, организуют психический и физический опыт молодежи. Они и являются самыми могучими средствами полового воспитания.

Только в том случае, если эти начала и методы применяются в семье, становится более облегченным и эффективным и прямое воздействие родителей на детей и юношей при помощи бесед. Если же указанные нами выше условия не соблюдены, если не воспитывается чувство ребенка к отдельным людям и коллективу, если не организован режим и спорт, никакие разговоры, даже самые остроумные и своевременные, не могут принести пользы.

Беседы эти должны возникать обязательно по случаю. Никогда не нужно вести беседы авансом, поучая ребенка вперед, ничего не предъявляя к нему в его поведении. Но в то же время необходимо в этом поведении подмечать мельчайшие случаи уклонений от нормы, чтобы ничего не запустить и не становиться потом перед совершившимся фактом.

Поводом для таких бесед должны быть: свободные циничные разговоры и словечки, повышенный интерес к чужим семейным скандалам, подозрительное и не вполне чистоплотное отношение к любовным парам, легкомысленная дружба с девушками, явно не свободная от простого полового интереса, неуважение к женщине, излишнее увлечение нарядами, ранняя кокетливость, интерес к книгам, которые слишком открыто изображают половые отношения.

В более старшем возрасте беседы эти могут иметь характер убеждения, раскрытия и анализа явления, показа более положительных решений вопроса, указания на пример других юношей и девушек.

В более молодом возрасте эти беседы должны быть короче и иногда не лишены тонов прямого запрещения и укора, простого требования более чистоплотного поведения.

Гораздо лучше бесед влияют высказывания родителей, направленные по адресу посторонних лиц, если в их поведении выдвинуты проблемы полового характера. В таких высказываниях родители совершенно свободно могут выразить и чувство резкого осуждения и даже отвращения, могут при этом показать, что от своего сына или дочери они ждут других образцов поведения и настолько уверены в этом, что даже не говорят о своих детях. В таком случае никогда не нужно говорить: «Никогда так не делайте, это нехорошо», а лучше сказать так: «Я знаю, что ты так не сделаешь,— ты не такой».

ВОСПИТАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ НАВЫКОВ

Сильно ошибаются те родители, которые думают, что настоящее культурное воспитание составляет обязанность школы и общества, а семья в этой области ничего сделать не может. Приходится иногда наблюдать такие семьи, которые большое внимание уделяют питанию ребенка, его одежде, играм и в то же время уверены, что до школы ребенок должен нагуляться, набрать сил и здоровья, а в школе он уже прикоснется к культуре.

На самом деле семья не только обязана как можно раньше начать культурное воспитание, но имеет для этого в своем распоряжении большие возможности, которые и обязана использовать как можно лучше.

Культурное воспитание в семье — дело очень непростое, но это справедливо только в том случае, если родители не думают, что культура нужна только для ребенка, что воспитание культурных навыков составляет только педагогическую их обязанность. В той семье, где сами родители не читают газет, книг, не бывают в театре или кино, не интересуются выставками, музеями, разумеется, очень трудно культурно воспитывать ребенка. В этом случае, как бы родители ни старались, в их стараниях будет много неискренного и искусственного, ребенок сразу это увидит и сразу поймет, что это не такое уж важное дело.

И, наоборот, в той семье, в которой сами родители живут активной культурной жизнью, где газета и книга составляют необходимую принадлежность быта, где вопросы театра и кино задевают всех за живое, там культурное воспитание будет иметь место даже тогда, когда родители как будто и не думают о нем. Отсюда, конечно, не нужно делать вывода, что воспитание культурных привычек может идти самотеком, что это — самая лучшая форма работы. Самотек и в этом деле, как и во всяком другом, может принести большой вред, понизит качество воспитания, оставит много неясностей и ошибок. Именно самотек бывает причиной таких положений, когда родители начинают разводить руками и спрашивать себя: откуда это взялось? Откуда у мальчика или у девочки такие мысли, такие привычки?

Культурное воспитание будет только в том случае полезно, когда оно организовано сознательно, сопровождается некоторым планом, правильным методом и контролем. Культурное воспитание ребенка должно начинаться очень рано, когда ребенку еще очень далеко до грамотности, когда он только что научился хорошо видеть, слышать и кое-как говорить.

Хорошо рассказанная сказка — это уже начало культурного воспитания. Было бы весьма желательно, если бы на книжной полке каждой семьи был сборник сказок. В последнее время вышло много хороших сборников. Для рассказывания малым детям многие сказки нужно, конечно, сокращать, изменять язык, доводить сказку до полного понимания. Может быть, и родители знают сказки, слышанные ими еще в молодости.

Выбор сказки имеет большое значение. Прежде всего нужно отбросить те сказки, в которых говорится о нечистой силе, о черте, о бабе-яге, о лешем, водяном, русалке. Такие сказки можно предложить детям только в старшем возрасте, когда они уже хорошо вооружены против древней темной выдумки. Это вооружение позволит им увидеть в сказке только художественную выдумку, скрывающую за образами разных чудовищ вообще нечто враждебное и злое по отношению к человеку. В младшем же возрасте образы представителей нечистой силы могут быть восприняты ребенком как реальные образы, могут направить воображение ребенка в сторону мрачной и пугающей мистики.

Лучшими сказками для малышей всегда будут сказки о животных. В русском сказочном богатстве этих сказок очень много, и они очень хороши. Точно так же и у других народов СССР имеется богатый запас сказок. По мере роста ребенка можно переходить к сказкам о человеческих отношениях. Много есть интересных повестей об Иванушке-дурачке, но из них нужно выбирать такие, где не выпячивается человеческая глупость, а Иванушка называется дурачком иронически. К этой серии нужно отнести прекрасную сказку Ершова «Конек-горбунок». Более серьезным сказочным отделом является тот, где в сказке уже изображается борьба между богатыми и бедными, где уже отражена классовая борьба. По отношению к этим сказкам мы рекомендуем родителям также некоторую осторожность: не нужно рассказывать сказок мрачных, описывающих гибель хороших людей или детей. Вообще нужно сказать, что предпочитать нужно такую сказку, которая возбуждает энергию, уверенность в своих силах, оптимистический взгляд на жизнь, надежду на победу. Симпатия к угнетенным не должна сопровождаться представлением об их обреченности, последнем отчаянии. Картины печальные, говорящие о кошмарных формах насилия и эксплуатации, могут быть показаны детям только в старшем возрасте.

Очень важное значение для развития детского воображения и широких представлений о жизни имеет рассмотрение иллюстраций. Для этого не обязательно выбирать детские журналы, можно воспользоваться любым воспроизведением картины, или гравюры, или фотографии, если они по своему содержанию подходят. Обычно, рассматривая такие картинки, дети много спрашивают, интересуются подробностями, зависимостями, причинами. На эти вопросы всегда необходимо отвечать в такой форме, которая доступна пониманию ребенка. Если при этом задается вопрос, на который действительно нельзя ответить, то нужно так и сказать: ты еще не поймешь, подрастешь — узнаешь. Подобные ответы нисколько не вредны, они приучают ребенка даже в постановке вопросов соразмерять свои силы и обещают ему более интересное и серьезное будущее. Картинки для такого рассматривания можно найти в любом журнале-двухнедельнике и в таких журналах, как «Смена», «Огонек» и др.

В младшем возрасте можно допустить посещение детьми театра и кино только в исключительных случаях и на специальные пьесы, для таких детей предназначенные. Вообще же говоря, лучше в это время воздержаться от театра и кино, так как количество подходящих пьес очень незначительно. Например, пьеса символиста Метерлинка «Синяя птица» не нужна для малых детей. Очевидно, родители считают: раз написано, что «Синяя птица» — сказка, нужно показать ее детям. На самом деле эта пьеса совершенно недоступна для детей младшего возраста, а в некоторых местах и для детей среднего возраста. В пьесе — сложная и напряженная символика, усложненные характеры вещей и животных, много надуманных и натянутых образов («Ужасы»).

Значительный переломный момент в работе семьи по воспитанию культурных навыков наступает во время обучения грамоте. Обычно этот перелом происходит уже в обстановке детского коллектива, в школе. Этот момент имеет большое значение в жизни ребенка. Ребенок вступает в область книги и печатного слова, иногда вступает неохотно, с трудом преодолевая те технические затруднения, которые ставит перед ним буква и самый процесс чтения. Не нужно насиловать детей в этой первой работе по грамотности, но не следует поощрять и некоторую лень, возникающую в борьбе с трудностями.

Книги нужно приобретать самые доступные, напечатанные крупным шрифтом, с большим количеством иллюстраций. Если даже ребенок еще не может прочитать их, то они во всяком случае возбуждают у него интерес к чтению и желание преодолеть трудности грамоты.

С обучения грамоте начинается второй отдел детства — отдел, посвященный учебе и приобретению знаний. В это время школа приобретает в жизни ребенка виднейшее место, но это вовсе не значит, что родители могут забыть о своих обязанностях и положиться только на школу. Как раз родительская культурная работа и общий культурный тон в семье имеют громадное значение для школьной работы ребенка, для качества и энергии его учебы, для установления правильных отношений с учителями, товарищами и всей школьной организацией. Именно в это время приобретают большое значение газета, книга, театр, кино, музей, выставки и другие формы культурного

воспитания. Перейдем к рассмотрению каждого из этих установлений в отдельности.

Газета. Когда ребенок еще неграмотен, когда он может только слушать прочитанное, газета уже должна занять прочное место среди его впечатлений. Семья должна выписывать одну из газет. Чтение газеты не должно происходить в отдалении от ребенка, родители не должны просматривать газету каждый для себя. В каждой газете найдется материал, который можно прочитать вслух и поговорить о нем, если не специально для ребенка, то обязательно в его присутствии. Будет даже лучше, если вы по поводу прочитанного будете говорить с таким видом, как будто не думаете специально о ребенке. Он все равно будет вас слушать и тем внимательнее, чем безыскусственнее будете вы держаться. В каждой газете вы найдете такой материал: международные события, демонстрация трудящихся в праздник, пограничные эпизоды, стахановские достижения, героические и мужественные поступки отдельных людей, строительство и украшение городов, новые законы.

В дальнейшем, с развитием ребенка и в особенности с того времени, когда он уже и сам научится читать, газета должна приобретать все большее и большее значение. Конечно, хорошо, если можно выписать для ребенка пионерскую газету, но если этого почему-либо нельзя сделать, тоже небольшая беда: советские газеты пишутся языком, доступным для всякого грамотного человека, и в них всегда можно найти материал, интересный и для ребенка. Надо при этом стараться, чтобы он и сам читал газету, чтобы она сделалась необходимым элементом его быта. Но обязательно и семейное обсуждение прочитанного или, по крайней мере, разговор по поводу его. Никогда это обсуждение не нужно делать формальностью, посвящать ему определенные часы, тем более не нужно посвящать ему много времени. Во время такого разговора не нужно родителям употреблять специальный поучительный тон. Обсуждение прочитанного должно иметь характер свободной беседы, и будет лучше, если такая беседа возникает как будто нечаянно по поводу того или иного домашнего дела или сказанного кем-нибудь слова. Если таких хороших поводов не найдется, можно просто спросить, что сегодня интересного в газетах.

В старшем возрасте газета должна быть уже совершенно привычным и необходимым признаком советской культуры, активного и живого, близкого и горячего интереса мальчика или девочки к жизни его родины.

Книга. Знакомство с книгой также должно начинаться с чтения вслух. И в дальнейшем, как бы хорошо ни был грамотен ребенок, чтение вслух должно составлять одно из самых широких мероприятий семьи. Чрезвычайно желательно, чтобы такое чтение сделалось привычным и постоянным праздником среди рабочих будней. При этом, если сначала чтецами выступают родители, то в дальнейшем эта работа должна быть передана ребятам. Но как вначале, так и потом очень полезно, если такое чтение происходит не специально для слушателя-ребенка, а в кругу семьи, с расчетом на то, что оно вызовет и коллективный отзыв и обмен мнениями. Только при помощи такого коллективного чтения можно направить читательские вкусы ребенка и выработать в нем привычку критически относиться к прочитанному.

Независимо от чтения вслух, необходимо постепенно прививать ребенку и охоту самому посидеть за книжкой. Самостоятельное чтение ребенка направляется преимущественно школой, особенно в старшем возрасте, но и родители могут принести много пользы, если не оставят это чтение без своего внимания. Это внимание должно выражаться в следующем:

а) должен контролироваться самый подбор литературы, так как еще и теперь приходится наблюдать, как наши дети держат в руках книги, неизвестно откуда пришедшие;

б) родители должны знать, как ребенок читает книгу; в особенности нужно бояться бессмысленного проглатывания страницы за страницей, безвольного следования только за внешней интересностью книги, за тем, что называется фабулой;

в) наконец, необходимо приучать ребенка к бережливому отношению к книге.

Многие родители слишком скромны в своем отношении к книге. Они считают, что для этого нужно специально учиться, быть специалистом-книжником. Это неверно. Как показал опыт изучения нашего советского читателя, наши люди умеют прекрасно разбираться в книге, очень часто несколько не хуже записных критиков. Во всяком случае по всем вопросам, относящимся к книгам, можно полу-

чить консультацию учителя или библиотекаря, и в такой консультации никто никогда не откажет.

К и н о. В наше время кино является самым могучим воспитательным фактором не только по отношению к детям, но и по отношению к взрослым. В Советском Союзе каждый кинофильм создается исключительно в государственных киностудиях и даже в случае самой большой художественной неудачи не может принести большого вреда для слушателя-ребенка. В подавляющем числе наши кинофильмы являются прекрасным и высокохудожественным воспитательным средством.

Тем не менее, это вовсе не значит, что кино можно предложить детям в неограниченном количестве и без контроля.

Прежде всего, родители должны обратить внимание на самое отношение ребенка к кино. Приходится иногда видеть, как кино делается главным содержанием жизни ребенка, когда он из-за кино забывает о своих других обязанностях и о школьной работе, не пропускает ни одной картины, на кино тратит все свои карманные деньги и даже деньги, которые украдкой берет в семье.

Обычно в таком случае можно наблюдать и другие не-симпатичные стороны такого увлечения. Ребенок привыкает к пассивному удовольствию, которое часто не идет дальше простого безвольного зрительного впечатления; он «глазеет» и только; художественные впечатления у него пробегают поверхностно, не задевая личности, не вызывая мысли, не ставя перед ним никаких вопросов. Польза такого посещения кино чрезвычайно незначительна, а иногда она обращается в большой вред. Поэтому от родителей и по отношению к кино требуется направляющее внимание, требуется постоянное руководство ребенком.

Мы рекомендуем позволять ребенку бывать в кино не больше двух раз в месяц. До 14—15 лет желательно, чтобы посещение кинотеатра происходило вместе с родителями или со старшими братьями или сестрами. Это нужно не столько для контроля поведения, а для того же, для чего мы советовали совместное чтение. Каждый кинофильм должен хотя бы на несколько минут сделаться предметом обсуждения и высказывания в семье, родители должны добиваться, чтобы и ребенок высказал о нем свое мнение, рассказал, что ему понравилось, что не понравилось, что произвело сильное впечатление. Если при этом

родители увидят, что ребенка увлекают только внешние события, занимательность сюжета, история приключений того или другого героя, они должны при помощи одного, двух вопросов навести его на более глубокие и важные стороны кинофильма. Иногда даже не нужно задавать ребенку никаких вопросов, а нужно только в его присутствии высказать свое мнение. В известной мере родители должны и выбирать, на какой кинофильм более желательно направить ребенка. Почти всегда можно встретить человека, который уже посмотрел картину и кое-что может о ней рассказать. Некоторых картин уже потому нужно избегать, что они трудны по теме, ребенок в них не разберется, в других будет предложена такая тема, которая может вызвать неправильные реакции, в третьих, слишком рано для ребенка предлагается тема любви или тема медицины. Разумеется, при выборе картины нужно принимать во внимание и состояние ребенка, его работу в школе, его поведение. В очень редких случаях можно отложить посещение кино, если ребенок вел себя плохо или регулярно не выполняет школьных работ. Но очень часто бывает, что как раз просмотр хорошего кинофильма помогает ребенку восстановить правильное отношение к школе и к работе.

Т е а т р. Все, что относится к кино, может быть отнесено и к театру. Но театр гораздо чаще предлагает темы, непосильные и для интеллекта и для чувства ребенка. Такие спектакли, как «Отелло» или «Анна Каренина», должны быть признаны абсолютно противопоказанными для среднего возраста. С большой осторожностью нужно рекомендовать и посещение детьми некоторых балетов. В нашем обществе это достигается прежде всего запрещением входа в театры на вечерние спектакли до определенного возраста.

Вопросы выбора театральной пьесы не представляют труда, так как у нас во многих городах есть специальные театры для детей и специальный репертуар. Посещение этих театров представляет собой весьма желательное явление. Пьеса в театре требует от ребенка более серьезного и длительного напряжения внимания, в этом отношении театр гораздо сложнее кино. Уже то, что он подает пьесу с перерывами (антрактами), вызывает и более внимательное отношение зрителя к частностям темы, поддерживает в нем более активный анализ. Посещение театра

требует целого вечера, в известной мере он организует событие в жизни ребенка. Этим обстоятельством родители в особенности должны воспользоваться.

Еще больше, чем кинофильм, театральная пьеса должна сопровождаться обсуждением и обменом мнений в семье.

Музеи и выставки. Почти в каждом городе у нас есть какой-нибудь музей или галерея. В некоторых городах очень много музеев, но родители редко пользуются ими. А между тем музей, выставка, галерея представляют собой очень важное воспитательное средство. Они требуют от ребенка серьезного внимания, развлекательный момент в них очень незначителен, они организуют работу детского интеллекта и вызывают большие и глубокие чувства. Нужно только стараться, чтобы осмотр музея не превратился в такое же «глазенье», относительно которого мы предупреждали, когда говорили о кино. Поэтому никогда не нужно большие музеи осматривать за один раз. Третьяковской галерее нужно обязательно посвятить несколько дней. Музей революции также нужно осматривать в течение двух-трех дней.

Другие формы культурного воспитания. Мы коснулись только главных форм культурного воспитания, при этом тех, которые организуются Советским государством. Родителям не нужно ничего придумывать в этих областях, они должны только как можно лучше использовать все культурные блага нашей страны.

Если родители полностью используют газету, книгу, кино, театр и музей, то они очень много дадут своим детям и в области знания и в деле воспитания характера.

Но многое родители могут и прибавить. Формы культурного воспитания в семье гораздо разнообразнее, чем кажется с первого взгляда. Возьмите обыкновенный выходной день, зимний или летний. Прогулка за город, знакомство с природой, с городом, с селом, с людьми, с такими великолепными темами, как реконструкция городов, как жилищное строительство, как проведение дорог, как строительство заводов,— все это замечательные темы для наполнения ими дня отдыха. Разумеется, не нужно обращать эти темы в специальные лекции или доклады. Прогулка так и должна остаться прогулкой, она должна быть отдыхом прежде всего, не нужно насильно привлекать внимание ребенка и заставлять его выслушивать ваши поучения.

Но во время таких прогулок внимание ребенка останавливается невольно на том, что он видит, и несколько ваших слов, подкрепляющих его впечатления, даже шуточных, какой-нибудь рассказ, представляющий параллель с прошлым, даже рассказ смешной сделают незаметно свое большое дело.

Всеми мерами семья должна поощрять интерес к спорту. Нужно, однако, следить за тем, чтобы этот интерес не сделался интересом наблюдателя-болельщика. Если ваш сын с горячей страстью рвется на все футбольные матчи, знает имена всех рекордсменов и цифровые выражения всех рекордов, но сам не принимает участия ни в одном физкультурном кружке, не катается на коньках, не бегает на лыжах, не знает, что такое волейбол,— польза от такого интереса к спорту очень невелика и часто равняется вреду. Точно так же мало смысла в интересе, проявляемом к шахматам, если ваш ребенок в шахматы не играет. Каждая семья должна стремиться к тому, чтобы ее дети были спортсменами не только по интересу, но и в своем собственном опыте. Конечно, в этом случае всего лучше, если и сами родители принимают участие в спорте. По отношению к пожилым родителям это требование, может быть, уже запоздало, но родители молодые имеют полную возможность втянуться в тот или иной вид спорта, и в таком случае спортивная дорога их детей будет гораздо лучше оборудована. Здесь уместно несколько слов сказать о том, что если наши отцы отдают известную дань спорту, то наши матери очень редко имеют к нему отношение, а между тем для молодых матерей спорт — очень полезное дело. Точно так же и наши девушки гораздо меньше втянуты в спорт, чем мальчики.

Кроме прогулок и спорта, в семье возможны такие формы культурного воспитания: устройство домашних спектаклей, выпуск стенгазеты, ведение дневников, организация переписки с друзьями, участие детей в политических кампаниях, участие детей в благоустройстве дома, организация детей во дворе, встреч, игр, прогулок и т. д.

Во всех видах домашнего культурного воспитания нужно отличать не только содержание его, но и формы. В каждой работе нужно добиваться наибольшей активности детей, необходимо воспитывать не только умение смотреть и слушать, но и умение желать, хотеть, добиваться, стремиться к победе, преодолевать препятствия, втягивать то-

варищей и младших детей. В то же время такой активный метод должен отличаться вниманием к товарищам, отсутствием какого бы то ни было чванства, хвастовства.

Очень часто бывает, что первый успех в той или другой работе вызывает у ребенка преувеличенное представление о своих силах, пренебрежение к другим, привычку к быстрым победам. В дальнейшем это может отозваться неумением преодолевать длительные препятствия. Поэтому всегда хорошо, если родители нарисуют перед ребенком план на ближайшее будущее, если они заинтересуют его этим планом и будут следить за его выполнением. В такой план может быть введено и чтение книг и газет, и посещение кино, театров и музеев и т. п.

Во всяком случае родители должны следить внимательно за тем, чтобы в практике культурного воспитания не начинали преобладать только интересы развлечения, убивания времени. Конечно, каждое культурное начинание должно доставлять и радость. Умение соединить эту радость с большой воспитательной пользой и должно составить главное умение родителей. В этом деле от родителей требуется некоторая изобретательность, по своим качествам вовсе не затруднительная. Даже в читку газет можно внести много нового и занятного для ребенка. Можно, например, побудить его делать вырезки по определенным вопросам, можно его научить, как сделать домашнюю карту Испании с обозначением фронта. В более старшем возрасте можно заняться составлением альбомов с монтажом газетных вырезок и рисунков из журналов по тому или иному вопросу.

При помощи самых разнообразных методов культурную работу в семье можно сделать очень интересной и важной, имеющей большое значение для воспитания. Но решительно и всегда необходимо, чтобы за любой культурной темой, за любым делом и родители и ребенок видели советский народ и наше социалистическое строительство. Вся эта работа должна иметь постоянное направление от активности культурной к активности политической. Ребенок все больше и больше должен чувствовать себя гражданином нашей страны, должен видеть героические подвиги наших людей, должен видеть ее врагов, должен знать, кому он вместе с другими обязан своей сознательной культурной жизнью.

ВОТ У ВАС РОДИЛСЯ РЕБЕНОК...¹

Вот у вас родился ребенок, допустим, девочка. Назвали вы ее Наташей. Пережили первые восторги и беспокойства: «младенческое», зубки, первые шаги и первые слова. Наигрались с Наташей, нарадовались, походили по магазинам, повозились с игрушками и бантиками. Вот Наташе пять лет, семь, десять, двенадцать...

В течение всего этого времени задумались ли вы хотя бы один раз над вопросом: какого человека вы хотите воспитать из вашей Наташи? Задумались? И не один раз?

В таком случае скажите, какого?

Почему же вы затрудняетесь ответом, больше помалкиваете и переглядываетесь с женой? Ведь оба вы коммунисты, казалось бы...

Да, вы хотите, чтобы ваша дочь выросла новым человеком, коммунистом, чтобы она была преданным большевиком... Чтобы она ненавидела эксплуатацию, была человеком образованным, знающим, квалифицированным...

Вы действительно хотите многого для вашей дочери. Какие же меры принимаются вами для того, чтобы все это было?

Нет, я не удовлетворен вашим ответом: я не склонен преувеличивать ваши заслуги...

Образование Наташе даст школа. Школа даст ей и квалификацию. Та же школа, комсомольская и пионерская организация дадут ей марксистское мирозерцание. Вы говорите, что Наташа активная пионерка. Прекрасно: ваша Наташа — уже счастливый человек, все приносят ей, как новорожденной принцессе, богатые подарки: и школа, и комсомол, и пионеры. Кстати, а что вы подарили принцессе?

Нет, питание, одежду и игрушки пока отложим. Это тоже существенно, но все-таки отложим. Подумали ли вы хотя бы однажды о ее характере, о ее привычках, о ее натуре. Я уверен, что натуру можно воспитать, а это чрезвычайно важно. И характер, и привычки. Нет, вы ошибаетесь. Иногда так называемое мирозерцание и миро-

¹ Отрывок из материалов ко второму тому «Книги для родителей». Впервые был опубликован в «Учительской газете» от 27 марта 1946 г. под заглавием «Беседа с родителями».

понимание может быть только словесное, а натура, характер, привычки будут старые. Не может быть.

Бывает. Вот обратите внимание: ваша дочь Наташа за обедом позвала:

— Даша!

Вошла Даша, ваша домработница, почти старушка, которой вы очень довольны и которая у вас живет и работает тринадцать лет. Вот этому самому человеку, вашему другу, как вы говорили, Наташа сказала несколько расслабленным и уставшим голосом:

— Даша, дайте соль, вы всегда забываете поставить соль...

Вы обратили внимание, как это капризно было сказано, сколько еще барского высокомерия в лице и голосе вашей девчонки, из которой вы собираетесь воспитать коммунистку?

Вы не обратили на это внимания? А если бы в вашей столовой очутилось какое-нибудь такое «тургеневское» существо, нежное, голубокровное, позвонило бы в колокольчик и попросило бы горничную поднять носовой платок, вы обратили бы внимание?

Никакой нет разницы. Вы только потому не заметили ничего, что это ваша дочь. Ведь вы не заметили того, что Даша, не сходя с места, одной рукой отворила дверцу шкафа и через полсекунды другой рукой подала вашей барышне солонку.

И хотя ваша Наташа пионерка и, как вы говорите, будущая коммунистка, сегодня она вызвала у меня отвращение.

* * *

Наташа и ее родители живут в большом приволжском городе. Я иногда бываю там и у них останавливаюсь. Это очень хорошая большевистская семья, пользующаяся заслуженным уважением в городе. Родители уделяют Наташе много любви и заботы, они с замиранием сердца следят за ее ростом и уверены, что из нее вырастет новый человек, полезный член общества.

И они не ошибаются: Наташа уже выросла, она в девятом классе, много читает, много знает, прекрасно разбирается в явлениях политической и общественной жизни.

Но я наблюдал Наташу в домашней обстановке и был ошеломлен и опечален тем тонким и глубоким цинизмом,

который каким-то чудом родители воспитали в своей дочери.

Даже и по внешнему виду Наташа производит впечатление двойственной: у нее живые умные карие глазки, но они уже заплыли жидковатым жирком и иногда принимают то интеллектуально-сытое, чуточку умищенное выражение, которое бывало раньше у знаменитых присяжных поверенных. Лицо у Наташи настоящее юное, румяное, но и в румянце просвечивает непрочная розоватая излишне акварельная легкость, что-то такое комнатное или даже парниковое.

Наташа глубоко уверена, что она будет юристом.

Во время прогулки я спросил у Наташи.

— Все-таки... Почему вы допускаете, чтобы Даша чистила ваши ботинки, убирала утром вашу постель, даже мыла вашу зубную щетку? И я ни разу не слышал, чтобы вы ее поблагодарили.

Наташа удивленно подняла тонкие брови, глянула на меня уверенно иронически и засмеялась:

— Ой, какой вы старомодный, ужас! Для чего мне чистить ботинки, ну, скажите?

Я действительно потерялся: старая и новая «моды» вдруг закружились в такой стремительной паре, что и в самом деле трудно различить, где старая мода, а где новая. Я все же постарался оправиться:

— Как для чего чистить ботинки? Для того, чтобы они были чистые, надеюсь...

— Вот чудак,— сказала Наташа.— Так для этого же и есть домработница. А для чего домработница, по-вашему?

Я начинал нервничать:

— Собственно говоря, какое вы имеете отношение к домработнице? Какое? Какое право вы имеете на ее труд?

— Как «какое»? Она получает жалованье. За что же она получает жалованье, по-вашему?

— Ваши родители очень заняты, они много работают на большой общественной работе. Вполне заслуженно им помогает Даша. А вы причем? Чем вы заслужили эту помощь?

Наташа даже остановилась в изумлении и сказала мне целую речь:

— А я не работаю? Вы думаете, это легко учиться на

«отлично» в девятом классе, и потом всякие нагрузки? И читать сколько нужно! Думаете, мало нужно читать? Если я хочу быть юристом, так я не должна читать, а должна чистить ботинки, да? А разве мне в жизни придется чистить ботинки или там застилать постели? Если бы я ничего не делала, другое дело, а то я целый день работаю и так устаю, вы же не знаете! А что, мои родители не заслужили, чтобы их дочь была юристом, что ли? По-вашему, все вместе: и учиться, и ботинки чистить! А где разделение труда? Вот вы учитель, а другой для вас обед готовит. А почему вы сами не готовите себе обед, почему?

Правду нужно сказать, я даже опешил: в самом деле, почему я себе не готовлю обед? Железная логика!

Вечером Наташа лежала на широком диване и читала книжку. Мать вошла в комнату с чайным прибором.

— Наташа, я тебе принесла чаю.

Не отрываясь от книжки и даже не повернув головы к матери, Наташа сказала:

— Поставьте там.

— Тебе два или три куска? — спросила мать.

— Три, — ответила Наташа, перелистывая страницу и поднимая глаза к первой строчке.

Мать положила в стакан три куска и ушла. По дороге она поймала мой улыбающийся взгляд и отвернулась.

Я отвлекся от размышлений и сказал Наташе:

— Вы даже не поблагодарили мать. Даже не посмотрели на нее. Тоже разделение труда?

Наташа оторвалась от книжки и иронически прищурилась:

— Конечно, разделение: она — мать, а я — «ребенок». Она и должна обо мне заботиться. Что ж тут такого... Ей даже нравится.

— А я, после такого вашего... хамства, вылил бы чай в умывальник.

Наташа снова обратилась к книжке и сказала спокойно:

— Ну, что ж, подумаешь? Это было бы обыкновенное насилие... Это даже хуже хамства!

Еще полсекундочки она смотрела в книгу и прибавила:

— И хорошо, ... что я не ваша дочь.

На другой день утром я напал на родителей. И ботин-

ки вспомнил, и зубную щетку, и чай. Отец спешил на работу, совал в портфель какие-то папки, искал какое-то письмо. Он пробурчал:

— Черт его знает! У нас с этим действительно... что-то такое... не так. Некогда все, черт его знает, из одного дня десять сделал бы. Побриться некогда!

Уже в дверях он обернулся к жене:

— А все-таки, Женя, с этим... действительно, подумай... черт знает что! Нельзя же... понимаешь... барышня, понимаешь! Ох, опаздываю, черт его знает!

Мать послала ему вдогонку сочувственную улыбку, потом посмотрела на меня внимательно, склонила на бок голову, поджала губы:

— Вы преувеличиваете. Это не так страшно. Наташа много работает, устает страшно. И потом... везде ведь так. Раз есть домработница, что ж...

Я вскочил в гневе:

— Как везде?! Везде вот такое открытое циничное барство? Рассказать вам, как в настоящей советской семье? Вы разве не видели?

* * *

О, нет, вопрос о домработнице, конечно, не отдельный вопрос. Этот вопрос бьет прежде всего по родителям и в особенности по матери. Именно матери убеждены, что это не так страшно, и матери потом горько расплачиваются за свою смелость. Это происходит потому, что в своей мысли родители не сильно шагают за горизонты сегодняшнего дня, что они не хотят ближе рассмотреть печальные уроки прошлого и сияющие перспективы будущего.

Великий здравый смысл нашей жизни должен быть здоровым смыслом не житейского обихода, не здоровым смыслом сегодняшнего дня, а регулятором и мерилем большой жизненной философии. «Довлеет дневи злоба его» — не наш лозунг. Все злобы, над чем бы они ни «довлели», над судьбой ли забитых детей, или над страдой матери, — одинаково нам противны. Работа и жизнь наших матерей должна направляться большим устремленным вперед чувством советского гражданина. И такие матери дадут нам счастливых прекрасных людей, и сами будут счастливы до конца.

СЕМЬЯ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ¹

Товарищи, я не совсем понимаю, как можно по этому важнейшему вопросу — воспитание детей, уложившись в какой-нибудь час, затронуть все самое главное. Люди работают над этим вопросом века, и каждый из вас этому вопросу посвящает в известной мере свою жизнь, и я посвятил жизнь этому вопросу. Мне нужно написать книгу для родителей, она задумана в 4-х томах; я один том написал, а второй все пишу, пишу. Вы знаете — очень трудная задача — разработка педагогических проблем. А мне, вот, говорят — в течение одного часа все принципы изложить, подсчитать, подчеркнуть, подвести итоги, и все будет хорошо: «Вы, тов. Макаренко прочтете лекцию, а родители пойдут домой и начнут правильно воспитывать».

Как видите, даже в самой организации лекций по этим вопросам много еще всяких недоумений, потому что если перечислить только название тем, касающихся воспитания детей в семье, и то я в час едва ли уложусь. Поэтому мне хотелось в этой короткой беседе поговорить о главнейших вопросах, какие нас всех беспокоят, и в этом смысле, в смысле постановки некоторых основных вопросов воспитания, наша беседа может принести пользу в определении отправных позиций для ваших размышлений в этой важнейшей области. Почему? А вот почему. После того как вышла «Педагогическая поэма», ко мне стали ходить: педагоги, молодые люди и люди постарше, различного общественного положения, которые ищут новых советских моральных норм, хотят следовать им в своей жизни и спрашивают меня, как нужно поступить.

Представьте себе, пришел ко мне однажды молодой ученый-геолог и говорит:

«Меня командируют для научной работы на Кавказ или в Сибирь,— что мне выбрать?» Я ему ответил: «Поезжайте туда, где наиболее трудная работа». Он уехал на Памир, и недавно я получил от него письмо, в котором он благодарил меня за совет.

Но после «Книги для родителей» стали ходить роди-

¹ Лекция, прочитанная 22 июля 1938 г. в редакции журнала «Общественница» на собрании актива читателей журнала.

тели-неудачники. Зачем ко мне пойдет родитель, у которого хорошие дети? А приходят вот какие родители, приходят отец и мать:

— Мы оба члены партии, общественники, я — инженер, она — педагог, и у нас был хороший сын, а теперь ничего с ним сделать не можем. И мать ругает, и из дому уходит, и вещи пропадают. Что нам делать? И воспитываем его хорошо, внимание оказываем, и комната у него отдельная, игрушек всегда было сколько хочешь, и одевали, и обували, и всякие развлечения предоставляли. А теперь (ему 15 лет): хочешь в кино, театр — иди, хочешь велосипед — вот велосипед. Посмотрите на нас: нормальные люди, никакой плохой наследственности быть не может. Почему такой плохой сын?

— Вы после ребенка постель убираете? — спрашиваю у матери. — Всегда?

— Всегда.

— Ни разу не пришло вам в голову предложить ему самому убрать постель?

Пробую отцу задать вопрос:

— А вы ботинки вашему сыну чистите?

— Чищу.

И я говорю:

— До свиданья, и больше не ходите ни к кому. Сядьте на бульваре, на какой-нибудь тихой скамеечке, вспомните, что вы делали с сыном, и спросите, кто виноват, что сын вышел такой, и вы найдете ответ и пути исправления вашего сына.

Действительно, ботинки сыну чистят, каждое утро мать убирает постель. Какой сын может получиться?

Второй том «Книги для родителей» я посвящу этому вопросу, почему люди здравомыслящие, которые могут хорошо работать, учиться, даже получившие высшее образование, значит, с нормальным разумом и способностями, общественники, которые могут руководить целым учреждением, ведомством, фабрикой или каким-нибудь другим предприятием, которые умеют с очень разнообразными людьми поддерживать нормальные отношения и товарищеские, и дружеские, и какие угодно, — почему эти люди, столкнувшись со своим собственным сыном, делаются людьми, неспособными разобраться в простых вещах? Потому что они в этом случае теряют тот здравый смысл, тот жизненный опыт, тот самый разум, ту

самую мудрость, которую они накопили за свою жизнь. Перед своими детьми они останавливаются как люди «ненормальные», неспособные разобраться даже в пустячных вопросах. Почему? Оказывается, единственная причина — любовь к собственному ребенку. Любовь — это самое великое чувство, которое вообще творит чудеса, которое творит новых людей, создает величайшие человеческие ценности.

Если точно обозначить наш вывод, то придется просто и прямо сказать: любовь требует какой-то дозировки, как хинин, как пища. Никто не может съесть 10 килограммов хлеба и гордиться тем, что он так хорошо поел. И любовь требует дозировки, требует меры.

За что бы мы ни ухватились в деле воспитания, мы везде придем к этому вопросу — к вопросу меры, а если сказать точнее — к середине. Это слово для нас неприятно звучит. Что такое середина, что такое средний человек? Многие педагоги, которые всегда так «восхищенно» живут и мыслят, указывали мне на это, как на мою ошибку: если вы рекомендуете середину, то будете воспитывать среднего человека, ни злого, ни доброго, ни талантливого, ни бесталанного, ни то ни се.

Такие возражения меня не смущали. Я начинал проверять, не ошибаюсь ли я, не воспитаю ли я таких средних людей, и если я говорю, что в моем педагогическом методе должна быть середина, то не выйдут ли из-под моей воспитательной руки люди средние, люди неинтересные, скучные, могущие благополучно жить, но не способные ни создать великое, ни пережить настоящие высокие человеческие душевные переживания? Я проверил это на деле, и за мои 32 года учительской и педагогической деятельности и последние 8 лет в Трудовой коммуне им. Дзержинского я пришел к выводу, что этот метод правилен и приложим к семейному воспитанию.

Слово «середина» может быть заменено другим словом, но как принцип это необходимо иметь в виду при воспитании детей. Мы должны создать настоящего человека, способного на великий подвиг, на великие дела и великие чувства, способного, с одной стороны, стать героем нашей эпохи, с другой стороны, вовсе не «шляпу», и не человека, который все может раздать, без всего остаться и хвалиться, — вот я какой добрый человек. Даже в нашем идеале, против которого никто не может

спорить, присутствует принцип какой-то середины, какой-то меры, какой-то дозы. И я понял, почему слово «середина» меня не смущает. Конечно, если сказать, что «середина» — это смесь белого и черного, тогда — правильно, смешайте черную краску с белой, и получится краска серая. Такая середина как будто бы и убийственна. Но если вы не будете гнаться за словами, а просто подумаете о человеке, то вы сразу увидите, какого человека мы считаем самым лучшим, самым идеальным человеком, таким, каким должны быть и наши дети, и если мы не будем ни в какую сторону уклоняться, если мы не будем увлекаться никакой излишней словесной «философией», мы всегда скажем, какими должны быть наши дети. Каждый скажет: я хочу, чтобы сын был способен на подвиг, чтобы это был настоящий человек с большой душой, с большими страстями, желаниями, стремлениями, и в то же время я хочу, чтобы это не был раззява, который может все раздать, потому что, видите ли, добрый очень, остаться нищим и в нищете оставить жену и детей и растерять от такой доброты даже духовное богатство.

То человеческое счастье, которое завоевала наша Великая пролетарская революция и которое будет увеличиваться с каждым годом,— это счастье должно принадлежать всем, и я — отдельный человек — на это счастье имею право. Я хочу быть героем и совершать подвиги, как можно больше дать государству и обществу, и в то же время я хочу быть счастливым человеком. Такими должны быть наши дети. Они должны отдать себя, когда это нужно, не оглядываясь, не подсчитывая, не имея никакой бухгалтерии действий, или счастья, горя, а, с другой стороны, они должны быть счастливыми.

Я, к сожалению, не вполне проверил, но вот что я вижу: самые лучшие дети бывают у счастливых родителей. Причем счастливые родители — это не значит, что квартира с газом, и ванна, и все удобства. Вовсе нет. Я вижу много людей, у которых квартира в пять комнат и с газом, и с горячей водой, и холодной водой, и две домашние работницы, но неудачные дети. То жена бросила, то муж бросил, то на службе не так, то хочется шестой комнаты или дачи отдельной. И я много вижу счастливых людей, у которых многого не хватает. Это я вижу и в моей собственной жизни, а я очень счастливый

человек, и мое счастье не зависело ни от каких материальных благ. Вспомните свои самые прекрасные времена, когда и того, казалось, недостает, и другого еще нет, а есть духовное единение силы в душе, и влечет вперед.

Полная возможность такого чистого счастья, необходимость его, обязательность завоевана нашей революцией и обеспечена советским строем. В единстве нашего народа, в верности партии и великому Сталину — счастье наших людей. Надо быть честным, партийным в своих мыслях и действиях человеком, потому что необходимый аксессуар счастья — это уверенность, что живешь правильно, что за спиной не стоит ни подлость, ни жульничество, ни хитрость, ни подсиживание, ни какая-нибудь другая скверна. Счастье такого открытого, честного человека дает большой процент не только этому человеку, а прежде всего его детям. Поэтому позвольте сказать вам: хотите, чтобы были хорошие дети — будьте счастливы. Разорвитесь на части, используйте все свои таланты, ваши способности, привлечите ваших друзей, знакомых, но будьте счастливы настоящим человеческим счастьем. А бывает так, что человеку хочется счастья и он хватает какие-то камни, из которых потом счастье будет строиться. Я и сам одно время так ошибался. Мне казалось, что вот, если я возьму ту штуку, это еще не счастье, а на этой штуке потом счастье построится. Ничего подобного. Эти камни для фундамента, для того, чтобы потом на этих камнях построить дворец счастья, — эти камни потом очень часто обрушиваются на голову и оказываются просто несчастьем.

Нетрудно представить себе, что у счастливых родителей, которые счастливы своей общественной деятельностью, своей культурой, своей жизнью, которые умеют этим счастьем распоряжаться, — у таких родителей всегда будут хорошие дети, и они всегда их правильно воспитают.

В этом корень той формулировки, о которой я сказал с самого начала: и в нашем педагогическом действии должна быть середина. Середина лежит между нашей большой, отдающей себя обществу работой и нашим счастьем, тем, что мы берем от общества. Какой бы метод семейного воспитания вы ни взяли, нужно найти меру, и поэтому нужно воспитывать в себе чувство меры.

Возьмем самый трудный вопрос (я так вижу, что у людей это считается самым трудным) — это вопрос о дисциплине. Строгость и ласка — это самый проклятый вопрос.

Но в большинстве случаев люди не умеют нормировать ласку и строгость, а это умение в воспитании совершенно необходимо. Очень часто наблюдается, что люди разбираются в этих вопросах, но думают: это правильно, строгости должна быть норма, ласке должна быть норма, но это нужно тогда, когда ребенку шесть-семь лет, а вот до шести лет можно без нормы. На самом деле главные основы воспитания закладываются до пяти лет, и то, что вы сделали до пяти лет, — это 90% всего воспитательного процесса¹, а затем воспитание человека продолжается, обработка человека продолжается, но в общем вы начинаете вкушать ягодки, а цветы, за которыми вы ухаживали, были до пяти лет. И поэтому до пяти лет вопрос о мере строгости и ласки — самый важный вопрос. Часто ребенку много позволяют капризничать, и он кричит целый день, то совсем не позволяют плакать. Другой ребенок суетится, хватается все, пристаёт с вопросами, покоя от него нет. Третий должен в полном послушании ходить, как кукла, но у нас это очень редко бывает.

Во всех этих трех случаях вы можете наблюдать отсутствие нормы строгости и ласки. Конечно, и в пять, и в шесть, и в семь лет эта норма, эта золотая середина, какая-то гармония в распределении строгости и ласки должна быть всегда.

Мне на это возражали: вы говорите о мере строгости, а можно воспитать ребенка без всякой строгости. Если вы будете все делать разумно и ласково, так и жизнь проживете и никогда не будете строги с ребенком.

Я под строгостью не понимаю какой-нибудь гнев или какой-нибудь истерический крик. Вовсе нет. Строгость хороша только тогда, когда она не имеет никаких признаков истерики.

¹ Это положение А. С. Макаренко не следует понимать буквально. В данном случае автор, чтобы подчеркнуть как можно сильнее значимость применяемых методов и приемов воспитательного воздействия на ребенка до пяти лет для всего последующего процесса воспитания, допускает известное преувеличение. (Составитель.)

И в своей практике я научился быть строгим при очень ласковом тоне. Я мог сказать совершенно вежливо, ласково и спокойно слова, от которых бледнели люди — мои колонисты. Строгость не предполагает обязательно крик или визг. Это лишнее. А вот ваше спокойствие, ваша уверенность, ваше твердое решение, если вы его ласково выразите, оно производит еще большее впечатление. «Пошел вон!» — это производит впечатление, а сказать «Будьте добры уйти» — тоже производит впечатление, может быть, даже гораздо большее.

Первое правило — это правило какой-то нормы, особенно в вопросе о степени вашего вмешательства в жизнь ребенка. Это чрезвычайно важный вопрос, который в семье часто решается неправильно. Какую долю самостоятельности, свободы нужно предоставить ребенку, в какой мере нужно «водить его за ручку», в какой мере и что можно ему разрешать, и что запрещать, и что предоставить собственной воле?

Мальчик вышел на улицу. Вы кричите: «Не бегай туда, не ходи сюда». В какой степени это правильно? Если представить себе безмерную свободу для ребенка, это пагубно. Но если ребенок должен обо всем спрашивать, всегда к вам приходить, всегда получать ваше разрешение и поступать, как вы сказали, то у ребенка не останется никакого простора для своей инициативы, для собственной находчивости и собственного риска. Это тоже плохо.

Я сказал слово «риск». Ребенок в семь-восемь лет должен уже в своем поведении иногда и рисковать, и вы должны видеть риск, и вы должны допускать известную долю риска, чтобы ребенок был смелым, чтобы он не приучился все под вашу ответственность складывать: мама сказала, папа сказал, они все знают, им и книги в руки, а я буду поступать так, как они скажут. При такой предельной степени вашего вмешательства сын не вырастет настоящим человеком. Иногда из него вырастет безвольный, не способный ни на какое решение, не способный ни на какой риск и дерзания человек, а иногда бывает наоборот, он подчиняется, подчиняется вашему давлению до какого-то предела, но силы, бурлящие и требующие исхода, иногда взрываются, и дело кончается домашним скандалом: «Был хороший мальчик, а потом что-то с ним сделалось». А на самом деле с ним делалось

это все время, когда он подчинялся и слушался, но сила, заложенная в нем природой и развивающаяся по мере роста и учебы, производила свое действие, и сначала он тайно начинает сопротивляться, а потом явно.

Бывает и другая крайность, тоже часто встречающаяся, когда считают, что ребенок должен проявлять полную инициативу и поступать, как хочет, и совсем не обращают внимания на то, как дети живут и что они делают, и они приучаются к бесконтрольной жизни, мышлению и решениям. Многие думают, что в таком случае у ребенка развивается большая воля. Как раз нет. Никакой воли не развивается в таком случае потому, что настоящая большая воля — это вовсе не умение чего-то пожелать и добиться. Большая воля — это не только умение чего-то пожелать и добиться, но и умение заставить себя отказаться от чего-то, когда это нужно. Воля — это не просто желание и его удовлетворение, а это и желание и остановка, и желание и отказ одновременно. Если ваш ребенок упражняется только в том, что он свои желания приводит в исполнение, и не упражняется в тормозе, у него не будет большой воли. Без тормоза не может быть машины, и без тормоза не может быть никакой воли.

Мои коммунары очень хорошо были знакомы с этим вопросом: «Почему ты не затормозил себя, ты знал, что здесь нужно остановиться?», — спрашивал я у них. И требовал в то же время: «Почему ты успокоился, почему ты не решился, ждал, пока я скажу?» Также виноват.

В детях нужно вырабатывать умение остановить, задержать себя. Конечно, это не так просто. В своей книге я подробно об этом напишу.

Наряду с этим нужно вырабатывать чрезвычайно важную способность, которую не так трудно выработать: это способность ориентировки. Она проявляется сплошь и рядом в пустяках, в мельчайших деталях. В раннем детстве обращайтесь внимание вашего ребенка, как нужно ориентироваться. Он что-нибудь говорит. В это время кто-то пришел чужой, или, может быть, не совсем чужой, но дополнительный элемент вашего общества, вашей семьи: посетитель, гость, тетя или бабушка. Дети должны знать, что нужно и чего не нужно сейчас говорить (например, не нужно говорить при пожилых людях о старости, так как им это неприятно. Сперва выслушать

человека, а потом разговаривать самому и пр.). Умение детей чувствовать, в какой они обстановке, и чувствовать моментально — это умение чрезвычайно важно воспитывать и не трудно воспитать. Достаточно остановить внимание на двух-трех случаях и поговорить с сыном или с дочерью, как ваш толчок произведет полезное действие. Способность ориентировки очень полезна и приятна и для окружающих и для того, кто ею обладает и владеет.

Для меня в коммуне это было более трудное дело, чем в семье. В коммуне было много детей, и обстановка была гораздо сложнее. Всегда на людях: проходили и свои, и посторонние, инженеры, рабочие, строители; коммуну постоянно посещали гости, экскурсии и т. д. И то я добивался в этом деле довольно хороших результатов, а в семье таких результатов можно добиться еще быстрее. Это — умение ощущать вокруг себя изменяющуюся обстановку — проявляется везде: мальчик перебегает улицу, он должен видеть, где кто идет или едет; и на работе он должен видеть, где самые опасные и благополучные места. Такая способность ориентировки помогает ему выбрать, где нужно пустить в ход свою смелость и волю, а где нужно пустить тормоз.

Возьмите такой пример. Ваши дети вас любят, и им хочется эту любовь выразить. И вот тут то же: выражение любви — это тот же закон о действии и тормозе. Как неприятно видеть девочек (это у них большей частью бывает) — подруг: одна в VIII классе одной школы, а другая — в VIII классе другой школы, они виделись два раза в жизни, на даче, а при встрече они уже целуются, они уже стонут от любви друг к другу. Вы думаете, что они на самом деле любят друг друга? Очень часто это воображаемое чувство, игра в чувство, а иногда это уже делается привычной формой такого любовного цинизма, неискреннего выражения чувств.

У вас есть знакомые семьи, где есть дети, вы знаете, как выражают дети любовь к родителям. В некоторых семьях это постоянные лобзания и нежные слова, постоянное проявление чувства, постоянное настолько, что возникает подозрение, что есть ли за внешними проявлениями какая-нибудь любовь или это привычная игра.

В других семьях какой-то сдержанный холодноватый тон, как будто бы все живут отдельно. Мальчик пришел, довольно холодно обратился к отцу или к матери, ушел

по своим делам, как будто нет никакой любви. И только в редких приятных случаях вы можете видеть, как при внешне сдержанных отношениях мелькнет любовный взгляд и скроется. Это настоящий сын, который любит отца и мать. Умение воспитывать, с одной стороны, чувство любви откровенное, искреннее, от души, а с другой стороны — сдержанность в проявлении любви, чтобы любовь не подменялась внешней формой, не подменялась лобзаниями — это чрезвычайно важная способность. На этой способности можно горячо и глубоко любить отца и мать, на проявлении этой любви можно воспитать прекрасную человеческую душу.

Коммунары любили меня так, как можно любить отца, и в то же время я добивался того, чтобы никаких нежных слов, нежных прикосновений не было. Любовь вовсе не страдала от этого. Они учились проявлять свою любовь в естественной, простой и сдержанной форме. Это важно и не только потому, что воспитывает человека внешним образом. Это важно и потому, что сохраняет силу искреннего движения, закладывает тормозы, которые пригодятся в каком угодно деле.

Здесь мы опять подходим к основному принципу: это — норма, чувство меры.

Это же чувство меры проявляется и в такой сложной, трудной области, как вопросы деловых, материальных отношений. Недавно ко мне пришла группа женщин из одного дома. В доме произошла драма. Две семьи дружили, и в той и в другой семье были дети. Мальчика Юру (он учился в VII классе) подозревали, что он взял что-то у себя дома без спроса, какую-то вещь или деньги. Друзьям этот случай был известен.

И вот, у этих друзей пропала дорогая готовальня. Юра был частым гостем и своим человеком в этой семье. Никого чужого, кто мог бы взять готовальню, в доме не было, кроме этого мальчика. Подозрение пало на него. И эти две семьи, очень культурные, вполне отвечающие за свои поступки люди, как-то вдруг, неожиданно для себя, увлеклись процессом следствия. Им нужно было во что бы то ни стало установить: украл Юра готовальню или не украл. Они три месяца занимались этим делом. Правда, они не вызвали собаку, не вызвали никакой посторонней помощи, но они проверяли, допрашивали, подсылали и находили каких-то свидетелей, вели тайные раз-

говоры и довели Юру до болезни. Наконец они стали требовать:

— Скажи, мы тебя не будем наказывать.

Отец бил себя кулаком в грудь.

— Пожалей меня, я хочу знать, вор у меня сын или не вор!

Про мальчика забыли. Отец стал главным объектом, его нужно было спасти от страданий.

Пришли ко мне:

— Что дальше делать? Мы так не можем жить!

Я попросил привести мальчика ко мне. Я не всегда по глазам вижу, украл он или не украл, но я сказал ему:

— Ты ничего не украл. Готовальни ты не брал и не позволяй больше задавать себе вопросов о готовальне.

А с родителями я поговорил особо:

— Бросьте об этом разговаривать. Готовальни нет, исчезла, кто бы ее ни украл. Вас мучит вопрос, вор у вас сын или не вор. Вы как будто читаете детективный роман, и вам хочется знать, чем кончилось, кто — вор. Отбросьте это любопытство. Дело идет о жизни вашего ребенка. И раньше мальчик что-то крал, и теперь, может быть, он украл. Эта склонность есть у него, воспитывайте его. Но этот случай забудьте и не мучайте себя и мальчика.

В некоторых случаях как раз чрезвычайно важно, если вы проследите, что ребенок что-то украл, и если вы можете доказать это и чувствуется, что нужно поговорить,— поговорите. Но если у вас ничего нет, кроме подозрения, когда вы не уверены, что он украл, защищайте его от всех посторонних подозрений. Но сами будьте бдительны и усильте внимание к вашему ребенку.

Так воспитать детей, чтобы они не крали,— это наиболее легкое дело. Гораздо труднее воспитать характер: смелость, тормоз, умение руководить своими чувствами, умение преодолевать препятствия. А воспитать уважение к вещам (не брать) — это легче всего. Если у вас в семье постоянный порядок и отец и мать знают, где что лежит, никогда в вашем доме воровства не будет. А когда вы сами не знаете, где что положили, бросили деньги на шкаф или буфет или положили кошелек под подушку и забыли, у вас дети могут начать красть. Раз в семье вы держите в беспорядке ваши вещи, то ясно, что и ребенок этот беспорядок видит. Он видит, что вся

система вещей не находится в центре вашего внимания, и он уверен, что если он какой-нибудь пустяк из этой беспорядочной системы возьмет,— вы не заметите.

Первый случай детского воровства это не воровство,— это «взял без спросу». А потом это делается привычкой — воровством. Если ваш ребенок точно знает, что он может взять без спроса, а о чем должен предварительно спросить, то это значит, что ребенок никогда не будет красть. Простая штука, какое-нибудь пирожное, оставшееся от обеда или после приема гостей, которое стоит в буфете и не заперто, и никто не запрещает его взять. Но если ребенок взял его тайно, взял без спросу, это уже воровство. И если поставлено в доме так, что дети этого пирожного без спроса не возьмут, это хорошо. Хорошо, если они не будут выпрашивать у вас, а просто поставят вас в известность. В таком случае не разовьется и воровство.

Если же вы все запрещаете, и пирожное ребенок будет просить с самочувствием человека, которому могут дать, а могут и не дать, и от этого иногда развивается воровство. Если вы позволяете все брать и выносить или если он ничего не может взять в доме, когда у него никакой воли нет, на все должно быть дано разрешение, и в том и в другом случае может развиваться воровство.

Кроме того, очень важно, чтобы в доме были порядок и чистота, отсутствие пыли, отсутствие лишних, изломанных, разбросанных вещей. Это все чрезвычайно важно, гораздо более важно, чем кажется. Если в доме много вещей, которые мешают жить, но которые жалко выбросить, либо потому, что они чего-то стоят, либо потому, что они что-то напоминают, и поэтому торчат и обрывки старых платьев, и ковер, который только потому лежит, что куда вы его денете,— то в таких случаях воспитываются беспорядочность, отсутствие ответственности за вещи. Если в вашем доме только необходимые вещи, которые нужны действительно, которые чем-нибудь полезны и приятны, если не торчат старые, истрепанные, изношенные края, тогда воровство развивается с большим трудом. Эта ответственность, выражающаяся в вашем внимании к вещи, которую вы поставили или выбросили, когда она не нужна,— эта ответственность за вещь воспитывается и у ребенка и принимает форму уважения к вещи и служит иммунитетом воровства.

Я сказал о самом главном, что я считаю важным в нашей воспитательной работе: это чувство меры в любви и строгости, в ласке и в суровости, в вашем отношении к вещам и к хозяйству. Это один из главных принципов, на которых я настаиваю.

Я подчеркиваю, что именно при таком воспитании можно вырастить людей, способных и к большому терпению, без жалоб и без слез, и к большому подвигу, потому что таким воспитанием вы будете вырабатывать волю.

Ответы на вопросы

Вопрос. У всех нас есть наболевшие вопросы, и нам всем интересно поговорить с А. С. Макаренко.

У меня два мальчика. Условия воспитания одинаковые, а ребята разные. Одного не интересуют деньги, а другой не может видеть денег, чтобы не взять. Никакие замки не помогают. Трудовая обстановка в семье, родители живут дружно. Но если оставить варенье, он обязательно съест. Если оставишь кошелек с 30—40 рублями, возьмет последние.

Парень хороший. У чужих не возьмет, свое отдаст. Не знаешь, как к нему подойти. Отец возмущается, когда об этом говоришь. Мальчику 16 лет, а физически развит, как в 18. Старший — комсомолец, а этого комсомол не интересуется. Очень красив собой. Девочки нравятся ему. Учиться не хочет и учился плохо с первого класса. Переходит из класса в класс на «посредственно». Труд ему ненавистен, но он за все хватается.

— Что, ты хочешь учиться?

— Да.

— Почему же не учишься?

Молчит.

— Не хочешь учиться — иди работать. Чего ты вообще хочешь в жизни?

— Не знаю.

Футбол любит. Приходит домой в три часа ночи.

— Где ты был?

— Где был — там нет.

Чужим не грубит, — в семье грубит. И вот это воровство.

Как быть с ним? Отец говорит — он не брал, а я говорю — брал. Отец играет на этом доверии, но никакого толку от этого нет.

Сейчас перешел в IX класс.

О т в е т. Почему вас постигли неудачи в воспитании младшего сына?

На ваш вопрос невозможно дать ответ заглазно. Если бы я познакомился с мальчиком, я мог бы поговорить и дать совет, но не зная вашей обстановки, не зная ваших ошибок, ошибок в тоне и других, не зная ваших знакомств и быта, не могу взять на себя ответственности дать какой-либо совет.

Но вообще должен сказать — неутешительные факты. В «Книге для родителей» я стараюсь говорить на одну тему, — как нужно правильно воспитывать, а как нужно перевоспитывать, я ни в «Книге», ни сегодня не пытался говорить. Для семьи это чрезвычайно трудная вещь. Чтобы перевоспитывать, необходимо изменить весь тон коллектива, в котором он живет; ваш сын в коммуне был бы самым легким мальчиком, поскольку он и грамотный, и нормальный, и красивый, а вы в семье действительно растерялись, что можно с ним сделать. Вы бросаетесь из стороны в сторону, вы то одно попробуете, то другое попробуете. Но я уверен, что если вы позовете меня к себе в гости и если мы с вами побеседуем, то мы придем к какому-нибудь результату. У меня много таких домов, где я бываю в качестве педагога-консультанта. Это и для меня важно: я расширяю сферу наблюдений. Причем прошу не стесняться, вы обращаетесь ко мне, а я оказываю вам какое-то содействие, вы мне помогаете, а я вам помогу.

В о п р о с. У меня девочка, ей 6 лет. Я хотела бы воспитать из нее смелую, хорошую девочку, но, несмотря на все мои усилия, а я избегала запугивания ребенка, все-таки у меня ребенок несмелый, боязливый. Когда ложится спать, всегда спрашивает: «Какие мне будут сниться сны?» Как будто бы она боится снов. Она просыпается, когда видит сны.

Каким образом воспитать смелость в ребенке? Я много старалась, но результатов нет.

О т в е т. Вы спрашиваете, как бороться с несмелостью девочки?

Здесь вам нечего бояться. У девочек в шесть лет сплошь и рядом бывает повышенная восприимчивость, нервность. Девочка в шесть-семь лет несмелая, а в 11 станет таким буяном, что не удержите.

Нет ли у вас в семье или по соседству людей, которые рассказывают всякие страхи? Чего она боится?

Я не представляю себе, что это за тип страха. А может быть, это воображение? Иногда это очень сильно развитое воображение.

Здесь врач больше поможет. Вы никаких данных для определения поведения девочки не даете. Не познакомившись с девочкой, было бы несерьезно с моей стороны говорить о ней.

Вы разрешите зайти к вам, а сами лучше поговорите с врачом по нервным болезням.

В о п р о с. Как быть в таком случае. Дома с мальчиком беседуешь, что можно, чего нельзя. Прививаешь ему хорошие навыки. И отпускаешь его к ребятам, т. е. не ограничиваешь его в том, чтобы он был среди ребят. Хотя знаешь, с какими разными детьми он общается, знаешь, что он может научиться ругаться, знаешь, что ребята разговаривают и о воровских делах. Не отпускать ребенка тоже нельзя, тогда его нужно посадить дома, смотреть за ним и лишить его всяких удовольствий. Отпускать его опасно потому, что от детей в нашем дворе можно ожидать много всяких неприятностей.

О т в е т. Вопрос трудный, как оградить ребенка от посторонних вредных влияний. Как-то к нам в Союз приезжал один видный французский политический деятель, побывал он и в нашей коммуне. Коммуна ему очень понравилась. Он плакал, пока оркестр коммунаров играл Бетховена. Он не мог себе представить, что бывшие «уличные мальчишки» играют ему Бетховена. Решил познакомиться ближе.

— Все бы хорошо,— сказал он,— но с одним я не согласен: как вы допускаете, что нормальные, хорошие дети воспитываются вместе с бывшими воришками и маленькими бродягами?

Ему я коротко ответил:

— А в жизни как хорошие люди живут рядом с плохими? Особенно в капиталистическом обществе темные дельцы, мошенники среди честных людей?

Вам я скажу по-другому. Готовить детей, чтобы они могли жить только в обществе идеальных людей, мы не можем. Такого мальчика воспитаете — он скиснет, как только попадет в общество. Ваш мальчик должен приучаться к обществу самых различных людей. Он должен

уметь и ладить с людьми и сопротивляться, и чем он больше окружен всеми условиями жизни, тем лучше. Изолировать его, не пускать — это может принести большой вред. Он так приучится к семейному инкубатору, что каждый его сможет обмануть и провести. Нужно воспитывать сопротивление. Для этого есть прекрасный способ: это тон вашей семьи. Если в вашей семье настоящий хороший тон, если вы имеете авторитет, если мальчик верит, что его мать — самая красивая, самая справедливая, самая аккуратная, самая веселая и в то же время самая серьезная, то не нужно его убеждать потому, что вы для него то высшее существо, авторитет которого — самое главное. А раз вы начинаете уговаривать и убеждать, он думает: ты, значит, не такое высшее существо, раз ты меня убеждаешь. Говорите совершенно просто: «Ты должен знать, что этого делать нельзя». Если он все-таки поступил дурно, потребуйте у него: «Объясни». Пусть он вам объясняет свое поведение, а не вы ему. Этот момент распоряжения, не подлежащего сомнению: «Нельзя», — уже будет первым шагом вашего сына к умению сопротивляться.

Если мальчик, с которым ваш сын играет, плохой — вы не запрещайте сыну с ним играть, но подойдите поближе к этому мальчику, узнайте, чем он нехорош, и узнайте, в чем, когда проявляется это дурное. Сделайте так, чтобы не убеждать этого мальчика, а произведите на него впечатление вашей уверенностью, вашим спокойствием, чтобы сын видел, что вы не трепещете, что и он таким же дурным сделается. Здесь дело не только разума и души, но и глаза, умения помочь своему сыну и чужим детям, если это нужно. И сын уверенно пойдет за вашей силой, тогда вредные явления не страшны, он будет легко преодолевать их.

В о п р о с. У меня мальчик учится в IV классе. К родителям относится идеально. Если он заболевает, то не разрешит себе ночью позвать мать:

— Ты устала, я сам встану.

Ребенок дисциплинированный. В школе педагог периодически подсаживает к нему детей недисциплинированных. Я не имела ничего против этого. Но у ребенка развивается какая-то неприятная черта. Он приходит домой и говорит:

— Знаешь, а сегодня мой «п и т о м е ц» получил уже

«отлично». Так его, вероятно, пересадят, а ко мне Петрова или Иванова подсадят. Надо будет и его вытягивать.

Я не знаю, насколько это полезно для него или вредно и как ему объяснить, что все-таки он не педагог еще, а такой же мальчик.

Другой случай. В семье, которую мне пришлось наблюдать, рос мальчик. Я знаю его с полутора лет. Рос хороший мальчик. Задатки были хорошие. Отец был артистом. Мать — домашняя хозяйка. Отец умирает, мальчику 12 лет. Он остается некоторое время таким же хорошим. Сестра — очень хорошенькая девочка; когда она была маленькой, брат ее очень жалел. Сейчас он не жалеет ни мать, ни сестру. Почему так получилось, что после смерти отца из хорошего мальчика вдруг получился грубый, дерзкий 16-летний парень? А ведь мать очень любила детей и последнее им отдавала, она и сейчас сама не съест, а сына накормит.

Ответ. Если мать отказывает себе во всем, отдает сыну даже свою пищу, это наибольшее преступление. Сын должен матери отдавать пищу, сын должен отказывать себе для матери. А в этой семье, о которой вы рассказали, пусть мать начинает борьбу. Это трудная борьба.

Я сторонник того, чтобы в трамваях дети уступали место взрослым. Это правильно, но по этому вопросу приходится часто спорить с родителями. А я убежденный сторонник того, чтобы в семье все лучшее было прежде всего родителям. Если у вас есть шелк, надо шить платье матери. Если у вас есть сто рублей и стоит вопрос, кому поехать прокатиться по каналу «Волга—Москва» — родителям или детям, то самое лучшее решение — в первую очередь родителям, а потом уже детям. Это вовсе не значит, что вы о детях перестанете беспокоиться. Вы можете о них заботиться, но так, чтобы они были убеждены, что в первую очередь должна быть забота о родителях.

Мне приходилось слышать такие рассуждения. Комсомолка, да еще отличница, говорит матери, когда решается вопрос, кому шить новое платье:

— Да что тебе нужно? Тебе 38 лет, сколько тебе осталось жить, а я молода, мне нужно жить!

У меня дочери нет, но племянница у меня жила и воспитывалась. Если у жены 4 платья, а у племянницы 2,

я настаиваю, чтобы жена сшила себе пятое платье, а девочка пусть подождет третьего. Я предложил бы девочкам до 16 лет делать только ситцевые платья. А окончит десятилетку — получай простенькое шелковое. Имей два-три ситцевых платья, а еще сама их зашивай и гладь, и перешивай, если нравится, и это норма. А если подруге сшили шикарное платье, так и мне нужно — это не годится. Так нужно сделать, чтобы дочь гордилась ситцевым платьем и гордилась тем, что матери уступила.

Что же касается вашего сына, мальчика-«педагога», то раз здесь вмешались школа и учитель, что я могу сделать? Там ведь понимают, что делают, люди ученые.

Я сам поручал своим коммунарам наблюдение за более слабыми. Но это нужно инструментировать иначе. Другая инструментовка должна быть. То есть я не говорил, что ты лучше, а тот хуже, а я говорил:

— Ты того-то не сделал, так я тебе даю нагрузку — повозись с этим отсталым человеком. И непременно добейся хороших результатов, а если не добьешься, будешь отвечать.

При такой постановке вопроса, оказывая помощь товарищу, он не чувствует себя педагогом, он исполняет данное ему поручение.

В вашем случае плохо то, что и другим мальчикам в классе не поручают того же, что и вашему сыну. Если одни другим помогают, то никто не будет воображать себя педагогом. Все это зависит от стиля учительской работы. Общего закона здесь придумать нельзя. Вредно, если ваш сын зазнается, очень вредно. Ему нужно сказать: «Учитель немножко ошибся, тебя самого нужно еще подтягивать».

Выступления по докладу

Тов. Л. Сегодня я с большим нетерпением сюда шла — послушать т. Макаренко о воспитании детей, и все то, что сказал т. Макаренко, полностью совпадает с воспитанием моих ребят. Это очевидно потому, что у меня не один ребенок, а трое.

Как понимать родительское счастье? Конечно, оно заключается не только в любви к детям и какой-то особой комфортабельности быта, а в том, чтобы родители работали и дети видели и ценили эту работу.

Мой муж работает, я тоже работаю — общественной работой занимаюсь. Я нахожу моральное удовлетворение в этой работе. Я счастлива, что мне ясна цель воспитания моих ребят.

Как я начала их воспитывать? Почему такое сходство с тем, что сказал т. Макаренко? Действительно, с пеленок, все трое ребят у меня с рождения никогда не были на руках. Ребенок лежит в коляске, его нужно кормить — беру, кормлю. Спать с собой никогда не кладу. Сажусь обедать или пить чай, ребенка не беру, в гости с собой никогда не брала. Проснулся ребенок, играет в кроватке. Если заплачет, я выясню причину и устраняю ее. И дети до года совершенно на руках не были. И этот режим строго соблюдался.

Сейчас старшему 11, второму 8 и третьему 4 года, три мальчика. Своих детей я очень люблю, все для них делаю: хорошо одеваю, кормлю, стараюсь доставить им приятное, хожу с ними в театр, в кино, в лес. А наказание заключается в том, что я лишаю ребенка какого-нибудь удовольствия, если он провинился.

Режим дня у меня точный.

Мы — родители — должны прежде всего воспитывать своих детей, а у нас зачастую бывает так: сегодня режим нарушили, а завтра уже новый распорядок. Это очень отражается на детях. Мне трудно бывает, но я не отклоняюсь от режима дня.

Если я куда-нибудь уйду, я даю детям указания, что они будут делать без меня, а когда прихожу, то я премирую тех, кто лучше себя вел. Премирую хорошей конфеткой или игрушкой.

Родители должны иметь авторитет. А для этого мы должны свое слово всегда честно, правдиво приводить в исполнение.

Я очень рада, что в воспитании моих ребят есть частица того, что сказал т. Макаренко. Но мне кажется, я бываю строга. Нужно ли эту строгость продолжать?

Макаренко. У меня впечатление, что к своим вы очень строги, а к чужим, вероятно, ласковы.

т. Л. Иногда ребенку чего-нибудь хочется, я отказываю, или ему хочется пойти, а я говорю: без меня не можешь пойти, не можешь самовольно уходить и т. д. Может быть, я не предоставляю такого широкого права. Ему 11 лет.

С места. Ваш муж вам помогает или подрывает вашу дисциплину?

т. Л. Мой муж большой авторитет для детей. В длинные беседы он с ними не пускается, когда они провинятся. Недавно был такой случай. В выходной день утром он говорит:

— Ребята, одевайтесь, поедем на лыжах.

А старшему (он провинился):

— Ты на лыжах не поедешь с нами.

Больше ничего не было сказано. Мы собираемся выходить. Сын подходит ко мне:

— Мама, я с вами пойду.

— Я ничего не знаю, спрашивай папу.

Отец сказал — нет. Сын просил и плакал, но мы его так и не взяли кататься на лыжах, несмотря на то, что это ему полезно. Мы считаем, что свое слово нужно всегда приводить в исполнение.

Макаренко. Это чрезвычайно интересно.

С места. Многие матери, в том числе и я, к чужим детям более ласковы, чем к своим, т. е. к своим строже. И сын делает мне замечание:

— Ты как будто бы того больше любишь.

Я отвечаю:

— У него нет папы и мамы (на этот раз это было так), а у тебя есть мама. Хоть я тебя и поругаю, все-таки я твоя мама.

Макаренко. Потому, что я тебя больше люблю, поэтому я строже.

С места. А у меня девочка 14 лет. Она растет замкнутой. У ней нет подруг. Второй год она работает в кружке собаководов, она дрессирует собак. А мы с отцом смотрим на это так: ну, что девочка с собаками возится. Когда начинаешь говорить девочке: «Когда ты кончишь гонять собак?» Она отвечает: «Или я собак буду дрессировать, или по задворкам буду гулять». Но отец и я смотрим, что это пустяковое занятие. Мы это очень переживаем.

На туалеты не обращает внимания, лишь бы было чистое. Перешла в VII класс, «посредственно» имеет только по-русскому письменному. Она хочет быть собаководом, работать по биологии.

Макаренко. Я удивляюсь вашему беспокойству. Такой замечательный случай. До чего неприятна та мо-

лодежь, которая ничем не интересуется, лишь бы только вечер провести. Это действительно самый несчастный случай. А если девочка увлекается собаками и заинтересовалась биологией, это шикарно, и пусть увлекается. Собаки — это прекрасные существа, их общество нисколько не вредно.

С места. Одна из товарищей, говоря о воспитании своих детей, сказала, что она премирует ребят за хорошие поступки. Правильно ли это?

Макаренко. Я это записал. Что касается премирования шоколадкой, я против этого. В семье одно премирование должно быть: «Ты поступил правильно». Вы можете дать шоколадку независимо от поступков.

Мои коммунары жили богаче, чем многие дети в семье. Они делали фотоаппараты. Мы построили прекрасное здание; паркет, зеркала, прекрасные картины. Вы можете прочитать «Флаги на башнях», печатается в «Красной нови». Этот вопрос о премировании меня всегда занимал. Как это просто — подкупить ребенка: сделаешь это — получишь премию. Я всегда сопротивлялся. Никакой премии. Самая большая премия: «Правильно поступил». Еще бóльшая премия: благодарность в приказе. Это высшая награда, и никто из коммунаров никакой другой награды не получал.

Если какой-нибудь мальчик поступил безобразно, некрасиво, я его наказывал. Как я мог наказывать? Под арест или в наряд, но лишить его пищи или сладкого, не дать чего-нибудь — этого я себе не позволял. Шоколад всем полагается, и ты получи, как бы ты ни был плох. Ни премирование, ни наказание при помощи сладостей недопустимы.

Это небольшая опасность, но это приучает к бухгалтерии, расчету. До 11 лет эти «бухгалтера» себя не проявляют, а когда им будет 18—20 лет, вы увидите неприятные последствия. У вас прекрасная норма строгости и ласки, но в шоколадках что-то есть, что надо пересмотреть.

т. Л. Я не премирую их каждый день. Мне нужно идти на собрание, они остаются одни. Я им говорю:

— Ребята, будете вести себя хорошо, я вам вкусных вещей принесу.

Макаренко. В этом случае вы поступаете, как старомодная мамаша. Вы такая сильная мать, вы можете

без этого обойтись. У вас это, может, вреда не приносит потому, что у вас и без того хорошо, а у кого слабовато, это может быть и вредно.

т. Л. Ведь лучших стахановцев на заводе премируют, и дети знают, что и папу премируют. Вот папа получил премию, а почему мне нельзя?

Макаренко. Если вы дадите длительное задание детям на год вперед,— за перевыполнение плана — премия. Но при этом должна быть не конфетка, не шоколадка, не велосипед, а что-нибудь такое, что ему нужно для работы: инструмент или молоток. Тут выбирать не так легко. А это — «будешь хорошо вести — дам конфетку» — я никогда не применял бы.

И часто вы хвалите. А если редко хвалишь, то похвала действует очень сильно. Иногда я приглашал того или другого коммунара официальной запиской: «Прошу прибыть в 11 часов». Когда он приходил, я вставал и говорил в таких случаях: «Ты поступил правильно», и это для всей коммуны было событием. Я признал его поступок правильным.

И в семье это легко.

Я остановлюсь вот еще на каком вопросе. Муж и жена. Семья состоит не всегда из двух одинаковых компонентов: иногда жена мягче, муж строже, а иногда наоборот: муж такой сахарный, ласковый, что никакого спасения, а жена зато все в руках держит. Я прихожу к такому заключению: это как-то нужно упорядочить — в семье должны быть две инстанции — низшая и высшая. Кто больше в этой семье уделяет внимания детям? Если жена, то муж должен быть в запасе. Он должен посматривать и по поводу незначительных конфликтов с детьми говорить очень редко. Такой разговор в «высшей инстанции» должен иметь вид маленького «скандала». Когда ребенок немного провинился, лучше отцу не вмешиваться — мать одна разберется. А когда мальчик «перебрал» в своем поведении, тогда можно позвать на помощь «тяжелую артиллерию» — папу. Это необходимо.

А когда одновременно «набрасываются» и отец и мать, это непосильная нагрузка детям. И здесь нужно распределить, кто будет апелляционной инстанцией, кто кассационной, а кто — постоянно действующей.

С места. Вы сказали, что очень большое значение в воспитании ребят имеет и домашняя обстановка. Что

много вещей не нужно, а все они должны лежать в строго определенном месте. Каждый из нас старается это делать, потому что непорядок в доме — это значит непорядочно воспитывать ребят.

Не скажу, чтобы у меня была скучная обстановка. Я сама художница, и у меня висят картины. Завесить всю комнату картинами — это, может быть, негигиенично, и не лучше ли будет, если бы я сняла картины?

Но мой сын попал на квартиру к преподавателю математики. В классе этот преподаватель детям кажется сухим педантом, придирчивым, бездушным человеком. И какое же впечатление произвела на сына (мальчику 18 лет) домашняя обстановка этого преподавателя.

— Я думал, что он сухой, неинтересный человек, а когда я к нему зашел, мне стало так приятно сидеть у него. У него висят хорошие картины, стоят старинные диваны, старинный стол, все это ласкает глаз — не хотелось уходить, а в классе ждешь — не дождешься, когда он уйдет.

Другой случай. У меня для мальчиков ширмами выделена комната. Я старалась, чтобы в их комнате не было картин. А недавно, в пушкинский юбилей, один художник подарил нам портрет Пушкина. Я вставила его в раму и повесила у мальчиков в комнате.

— Как приятно — Пушкин! — сказали они. — Нельзя ли еще что-нибудь повесить?

Хорошая обстановка, хорошие вещи облагораживают ребят, а вы сказали — лишних вещей не нужно. Я боюсь, что я не так поняла. Что считать лишними вещами?

Макаренко. На этот вопрос вы сами как художник можете ответить. Лишние вещи — это вещи, которые лишние. Портрет Пушкина нравится, производит впечатление — это не лишняя вещь. Лишняя вещь это та вещь, которая не нужна, никакого впечатления ни на кого не производит, торчит в комнате. Разве вы не знаете квартир, которые похожи на мебельный магазин. Иным это кажется — роскошь, а на самом деле мебельный склад. Если вы просто завесите вашу комнату картинами, то из них половина будет лишними.

Не должно быть вещей, пришедших в изношенность. Не должно быть книг, которых никто не читает, не должны лежать прошлогодние журналы, не должны стоять диваны, на которых никто не сидит и которые только

загромождают комнату. Лишнего, пыльного, истрепанного быть не должно, а вообще, красивая богатая обстановка — почему же? Это не так плохо. То, что вы повесили мальчикам портрет Пушкина, это прекрасно.

С места. Я педагог. Мне приходится сталкиваться с детьми по линии учебной. Вызываешь родителей, говоришь, что ребенок несистематически готовит уроки. Родитель рвет и мечет. Но добиться, чтобы родители следили за дневником ребенка, усаживали регулярно за уроки, не удается. Один из важнейших принципов — не действовать наскоками на ребят, а проводить определенный метод воспитания, предъявлять к ребенку требования и постоянно соблюдать их.

У т. Макаренко именно этот принцип. Я была у него в колонии, когда еще была студенткой, и на всю жизнь вынесла яркое впечатление. Я видела, что ребята отлично знают, что они могут делать, чего не могут. Такой образцовый порядок, дающий возможность воспитывать ребят, должен быть в семье. Больше всего мешает эта несистематичность, когда мать то кричит на ребенка, то бьет его, то позволяет ему делать что угодно. То, что обещания не выполняются, это тоже чрезвычайно вредно влияет.

Макаренко. Я заключительного слова говорить не буду. Этот вопрос закончить никогда нельзя, и мы долго можем об этом разговаривать.

На один только вопрос мне хочется ответить: это насчет материальной обеспеченности и необеспеченности семьи. Насчет карманных денег. Это корректив чрезвычайно важный в семье, когда вы не сами покупаете, а даете детям смету, и в эту смету они должны укладываться. Конечно, деньги нужно давать не в излишнем количестве.

Иногда говорят, что трудно воспитывать детей, когда нет материальной обеспеченности. Я не скажу, чтобы в семьях со скромным материальным достатком было худшее воспитание, чем в богатых. Процент брака в воспитании детей в тех и других семьях примерно одинаковый. Все это зависит от родительской заботы и родительского внимания. Мой коллега правильно заявила, что нужно систематически воспитывать детей, а не то, что раз в месяц воспитывать. Систематическое воспитание очень важно.

Что же касается школы и семьи, то я никогда не вызывал родителей. Я педагог. 16 лет учительствовал и считал, что если дети у меня воспитываются, я квалифицированный воспитатель, так я детей заставлю вносить положительное влияние в семью.

Попробуйте стать на эту точку зрения, и вы увидите, как будет легко, когда вы научите детей чувствовать ответственность за семью. Нужно детей в школе так воспитывать, чтобы они вносили в семью какую-то дополнительную здоровую струю, не то, чтобы перевоспитывали семью, а чтобы они шли в семью как представители государственной школы и несли эти идеи в жизнь.

Вопрос, конечно, еще дискуссионный. До следующего раза. Спасибо вам за внимание.

ВОСПИТАНИЕ В СЕМЬЕ И ШКОЛЕ ¹

Воспитание детей в семье и школе — это тема такая огромная, что о ней можно говорить не один вечер, и, пожалуй, всего не скажешь. За один вечер мы сможем коснуться только кое-каких главных вопросов. А вот в главном-то я, может быть, и не специалист. Вы спросите, почему? Да вот вы сами увидите. Я расскажу вам коротко о себе.

Я учитель. Учитель с 17 лет. Первые 16 лет я работал в железнодорожной школе. Я сын рабочего и учительствовал на том заводе, где работал отец. Проработал 16 лет. Это было еще при старом режиме, в старой школе.

Я был учителем, а потом заведующим заводской школой, которая объединяла детей рабочих одного рабочего поселка. И я сам был членом рабочего коллектива, членом рабочей семьи. И мои ученики, и мои родители представляли собой единое небольшое рабочее общество одного завода.

Следовательно, возможности у меня были очень большие. У вас в Москве этих возможностей, пожалуй, меньше, так как вы объединяете детей по признаку их территориального размещения.

¹ Стенограмма выступления А. С. Макаренко 8 февраля 1939 г. в Фрунзенском районном Доме учителя.

Их родители не связаны в единый рабочий коллектив. Вы имеете, может быть, меньше возможностей подойти к семье, чем я. Но зато у вас такое прекрасное условие, как советская власть. У меня тогда этого условия не было. В то время была старая самодержавная Россия.

После революции судьба отдалила меня от семьи. 16 лет я работал с ребятами, не имеющими родителей, не имеющими семьи. С родителями я почти и не встречался.

Правда, за последние годы я опять приблизился к семье, но моя основная работа при советской власти — это работа в учреждениях, в которых жили воспитанники, «принципиально» не признающие семьи.

У меня был один замечательный случай. Произошел он в интересной обстановке. По поручению какой-то кинематографической организации приехал ко мне кинооператор заснять коммуну им. Дзержинского в Харькове. Юркий старичок, из тех, которые все умеют видеть, все умеют найти, очень разбитной, очень расторопный.

Он пришел в восторг от коммуны. Все ему нравилось. И вот в тот момент, когда я с ним в кабинете о чем-то договаривался, совершенно неожиданно вваливается товарищ довольно культурного вида, но видно, что человек только что из вагона, очень запыленный, и говорит:

— Я приехал из Мелитополя. Я получил сведения о том, что у вас живет мой сын Вася Столяров.

— Да, есть такой.

— Так вот я его отец. Он убежал из дома, я его полгода искал, теперь узнал, что он у вас, приехал за ним.

Человек волнуется, голос у него дрожит.

— Ну что ж, пожалуйста, позовите Васю.

Прибыл Вася. Мальчику лет 14. Мальчуган полгода пробыл в коммуне. В форме, подтянутый, умеет стоять, умеет смотреть, все как полагается. Пришел, встал, спрашивает:

— Вы меня звали?

— Да, приехал твой отец.

— Отец?

Ну, уж здесь все формы исчезли: бросились друг к другу в объятия, целуются, любовь необычайная: отец любит сына, сын любит отца и т. д.

Кончились объятия и поцелуи. Мальчик привел себя в порядок. Отец говорит:

— Так вы его отпустите со мной?

— Пожалуйста, решает сын. Как он захочет, так и будет. Захочет ехать с вами, пусть едет.

И вот этот самый мальчуган, который только что плакал от радости, покраснел, посерьезнел, смотрит на меня, качает головой и говорит:

— Не поеду.

— Почему, ведь это же твой отец?

— Все равно, не поеду.

Отец побледнел.

— Как не поедешь?

— Не поеду.

— Почему?

— Не поеду — и все.

— Почему ты не хочешь ехать? Это же твой отец?

— Не хочу, не поеду.

Отец начал горячиться:

— Хочешь не хочешь, а я тебя возьму.

Здесь мои командиры вступились:

— Здесь вы никого не можете взять, он коммунар-дзержинец; можете ему поклониться, захочет — поедет, не захочет — не поедет.

Отец упал в кресло. Истерика. Заволновались. Успокаивали его, успокаивали, водой поили. Успокоился он немного, говорит:

— Позовите Васю.

— Нет, теперь не позову.

— Да ведь только попрощаться.

Посылаю своего связиста:

— Спросите — хочет Вася прощаться с отцом?

Пришел Вася. Опять начали плакать, обниматься, целоваться. Когда все кончилось, Вася спрашивает:

— Мне можно идти?

— Пожалуйста, иди.

Он ушел, а я с отцом еще часа два сидел, смотрел на него. Он сидел в кресле, вздыхал, плакал, успокаивался, опять плакал. Так и уехал без Васи.

Но «драматичнее» всего было в этой истории то, что мой кинооператор пришел от этой сцены в дикий восторг и, совершенно неспособный к переживаниям, он, пока здесь отец с сыном плакали, целовались, обнимались, ухитрился все это заснять и был очень доволен:

— Нашему брату, оператору, на такой случай раз в жизни удается нарваться.

Здесь я хочу заострить вопрос о семье и семейном воспитании. В 1935 г. мне поручили ликвидировать беспризорность и безнадзорность на Украине. И вот здесь на практике я узнал, как работает семья и почему семья поставляет нам малолетних правонарушителей, беспризорных.

Мне пришлось бывать во многих семьях, пришлось познакомиться со многими родителями, пришлось помогать им в тех или иных случаях, когда они в этой помощи нуждались. Только в это время я ближе подошел к семье, главным образом, к той семье, где неудачные дети.

Под влиянием этих своих впечатлений и своей работы я и решил написать свою «Книгу для родителей».

«Книга для родителей» задумана в четырех томах, поэтому в первый том вошло не все. Первый том посвящается вопросам семьи как коллектива. Все остальные вопросы, выходящие из этого круга, не могли в него войти.

Я хотел в первом томе показать, что для успешного воспитания ребенка семья должна быть прежде всего советским коллективом. В тех случаях, когда этот коллектив дает трещину по разным причинам: либо по причине раздора между родителями, либо по причине ухода одного из родителей, либо по такой причине, как отсутствие режима, отсутствие родительского авторитета, и даже по такой причине, которой до сих пор не придавалось должного значения, как единственный ребенок в семье,— условия воспитания становятся более тяжелыми, так как коллектив теряет признаки коллектива. Семья в некоторой своей части перестает как будто быть коллективом.

Только этот вопрос я и сумел разобрать в первом томе.

Во втором томе говорится о политико-моральном воспитании ребенка в семье и, конечно, в школе, поскольку семью от школы отделять нельзя.

Третий том будет говорить о трудовом воспитании и о выборе профессии.

И, наконец, четвертый том посвящается важнейшему вопросу, к сожалению, до сих пор не поднятому в педагогике, вопросу о том, как воспитать человека, чтобы он

был не только прекрасным работником, не только хорошим гражданином, но чтобы он был еще счастливым человеком.

Не подумайте, пожалуйста, что я хочу научить человека быть счастливым. Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно.

Это самый трудный вопрос, трудный потому, что над этим вопросом все родители думают. Каждый родитель хочет, чтобы его ребенок был счастливым. Это цель родительской жизни. Для этой цели родители готовы отказаться от собственного счастья, готовы пожертвовать собственным счастьем, лишь бы сын или дочь были счастливы. Очень трудно найти таких родителей, которые не думали бы об этом и не хотели бы этого. А если мы таких находим, так мы их осуждаем.

Вопрос, товарищи, как видите, важный и вопрос очень трудный, потому что никогда еще не было решено практически, от каких качеств характера, от каких привычек, традиций, развития убеждений зависит счастье и что такое счастье.

Было бы, конечно, лучше, если бы были написаны все четыре тома «Книги для родителей» и все сразу выпущены. Тогда, пожалуйста, ругайте, сколько хотите, дело уже сделано. Я, может быть, по ошибке выпустил сначала первый том, и меня многие упрекают в том, что я не сказал о том-то, не сказал о том-то. Конечно, не сказал, раз у меня в плане еще три тома.

Я коротко рассказал вам, товарищи, о себе, о своей работе в прошлом и о своей будущей работе. Это, так сказать, маленькое вступление. А сейчас переходим к основному вопросу об отношениях к семье и школе.

Уместно поставить такого рода вопрос: кто воспитывает — семья или школа? И очень соблазнительно ответить коротко: и семья, и школа. Так обычно и отвечают.

В таком случае нужно несколько изменить вопрос: кто должен быть ведущим началом, семья или школа? Я сейчас этим вопросом очень занят. Я был во многих семьях, во многих школах. Ко мне приходит много людей, большей частью со всякими «несчастливыми» случаями. И вот видишь, что единого взгляда на этот вопрос нет. Причем оригинально вот что.

Я почти не слышал, чтобы родители говорили: «Мы должны воспитывать, зачем школа мешает?» И я не слышал, чтобы педагог сказал: «Школа должна воспитывать, зачем семья мешает?»

Обыкновенно говорят так: «Мы — школа, а вы, родители, должны воспитывать детей, почему вы не воспитываете?» Родители же говорят обратное: «Мы отдали детей в школу, пускай школа и воспитывает их, почему она не воспитывает?»

Получается так, что желания захватить власть в свои руки в деле воспитания детей нет ни у семьи, ни у школы. Наоборот, каждый компонент этой пары старается свалить всю тяжесть воспитания на другого.

Это на словах. А на деле получается даже так. Допустим, ученик плохо учится. Учитель вызывает мать или отца (правда, не каждый учитель так делает, но есть такие) и говорит:

— Ваш сын плохо учится, примите меры.

— Есть, принять меры.

Это значит, что педагог думает: в моем распоряжении мало средств воспитания, а вот в распоряжении семьи этих средств больше. Отец или мать пустят в дело эти более сильные средства, и мальчик станет воспитанным, по крайней мере, станет учиться.

Отдельные педагоги считают, что семья — это более мощный воспитательный фактор, что семья может сделать больше, чем они.

Я не стану разрешать этот вопрос в ту или иную сторону, не буду говорить отдельно о педагоге и отдельно о семье. Я являюсь сторонником иной точки зрения.

Здесь мне приходится коснуться моих педагогических убеждений, которые очень часто считались ересью, но на которых я тем не менее настаиваю.

Я считаю, что делать ставку на отдельного обособленного учителя, хотя бы даже он был классным руководителем, нельзя. Почему? Потому, что это ставка на талант, на способности.

Если мы думаем о воспитании десятков миллионов наших детей — юношей и девушек, то давайте, как и всякие производственники, поинтересуемся: а какая же норма брака допускается?

Ведь на каждом производстве существует определенная норма брака, на некоторых производствах норма бра-

ка 0,5%, на некоторых — 1%, на некоторых — 2%. Есть такие производства, например производство оптического стекла, где допускается до 50% брака.

А вот в нашем производстве какая норма брака? Думали мы об этом когда-нибудь? Из 30 миллионов детей, сколько можно забраковать, т. е. воспитать плохо? Давайте об этом подумаем.

Начнем с простой арифметической задачи. Если найдется человек, который скажет, что допустим брак в 10%, то такого человека мы назовем врагом народа, потому что 10% от 30 миллионов, это 3 миллиона ребят.

А что значит 3 миллиона ребят забракованных? Это 3 миллиона людей с какими-то отклонениями от нашей советской моральной нормы. Поэтому я говорю: никакого брака, ни одного процента. Кто может мне возразить? Кто может сказать, что допускается какой-то, хотя бы самый ничтожный, брак в деле воспитания детей?

Я категорически утверждаю и всю жизнь говорю: ни одного процента брака, ни одной загубленной жизни.

Давайте же, товарищи, примем за норму — ни одного процента брака в воспитательной работе.

Если мы делаем ставку на отдельного учителя — это значит, что мы не только допускаем 1, 2, 10%, словом, энное количество брака, но это значит, что мы вообще снимаем этот вопрос с очереди: сколько выйдет брака, столько и выйдет, в зависимости от того, на сколько способен и трудолюбив учитель.

А сколько у нас малоопытных, неумелых, молодых, неталантливых учителей! Следовательно, мы все это дело отдаем случаю — как выйдет.

Допустим, что из миллионной армии учителей у нас сто плохих воспитателей. Что же мы можем, значит, спокойно сказать, что эти сто плохих воспитателей дадут брак? Ничего подобного. Так ставить вопрос нельзя.

Нельзя ставить вопрос о воспитании в зависимости от качества или таланта отдельно взятого учителя. Если мы будем говорить о всесоюзных масштабах, если мы будем думать о воспитании целого поколения, так мы, не одиночки-учителя, а представители единой учительской армии, единого советского педагогического общества, ни в коем случае не имеем права сваливать все на одного учителя.

Так, по крайней мере, говорит моя логика, логика гражданина, который хочет отвечать за работу. Так говорит и мой опыт.

Я тоже когда-то начинал с убеждения, что отдельный учитель — это все и что именно он должен воспитывать. Я тоже представлял себе воспитание как какой-то парный процесс, как писали в старых педагогических книгах: учитель, учитель, учитель, ребенок, ребенок, ребенок — и все это в единственном числе. Так и представлял себе: я — учитель, ты — ребенок, мы — один на один, и я тебя воспитываю.

Сейчас я настаиваю на том, что правильной воспитательной организацией, руководящей воспитательной организацией по отношению к отдельному учителю, и по отношению к отдельному ученику, и по отношению к семье должна быть школа как нечто целое, как единый школьный коллектив.

Как только мы примем такой тезис, так на нас наваливается бесчисленное множество вопросов методики школьного воспитания. Едва ли мы во всех этих вопросах сумеем разобраться. Во всяком случае, наметим эти вопросы.

Первый вопрос — о педагогическом коллективе.

Второй вопрос — о детском коллективе, руководимом педагогическим коллективом.

И третий вопрос — педагогический коллектив и семья.

Какой вопрос из этих трех ни возьмите, он разбивается в свою очередь на множество отдельных вопросов. Если мы просидим с вами двадцать вечеров, хватит о чем поговорить.

Возьмем вопрос о педагогическом коллективе. Я в своей практике много пробовал, много сомневался и страдал от этих сомнений и, в конце концов, пришел к определенной форме педагогического коллектива. Этот вопрос решил так: там, где нет полного единства всех педагогов школы между собой, там, где нет помощи друг другу и большой требовательности друг к другу, там, где нет умения говорить своему товарищу неприятные вещи и не обижаться, если тебе говорят неприятные вещи, там, где нет умения приказывать товарищу (а это трудное умение) и подчиняться товарищу (а это еще более трудно), там нет и не может быть педагогического коллектива.

Между тем, нет такой специальности, которой нельзя было бы выучить человека. Он может освоить любую специальность. А специальность учителя — быть воспитателем, педагогом.

Это очень легкое дело. Уверяю вас, воспитание человека чрезвычайно легкое, очень хорошее, прекрасное дело. Но при каких условиях? Об этом я скажу дальше.

Не нужно иметь педагогического таланта. Я не обладаю педагогическим талантом и пришел в педагогику случайно, без всякого на то призвания. Отец мой маляр. Он сказал мне: «Будешь учителем». Рассуждать не приходилось. И я стал учителем. И очень долгое время чувствовал, что у меня плохо идет, неважный я был учитель. И воспитатель был неважный.

Но я научился. Я сделался мастером своего дела. А мастером может сделаться каждый, если ему помогут и если он сам будет работать. И хорошим мастером можно сделаться только в хорошем педагогическом коллективе.

Это, товарищи, как во всякой иной специальности. Ведь никакой институт не выпускает инженера, он дает только звание инженера, а настоящим инженером человек делается через 3—4 года работы на заводе, когда как следует поработает в хорошем заводском коллективе.

Точно так же настоящим учителем-воспитателем можно стать после работы в хорошем педагогическом коллективе через несколько лет.

В последние годы я приглашал к себе каких угодно учителей и прежде всего старался их учить. Я уже стал мастером, а они еще молодые. И я говорил каждому из них: пришел ко мне, ничего не знаешь, учись. И он видел, что я говорю правду.

У меня в коммуне имени Дзержинского был заместителем Татаринов.

Я — человек более или менее строгий, могу крикнуть. А он, наоборот, — мягкий, как воск. Повысить голос, крикнуть он не мог. Очень способный человек, прекрасный учитель, очень трудолюбивый, к тому же очень хотел стать хорошим воспитателем.

Что же вы думаете? Я уезжал куда-нибудь в командировку на полмесяца и оставлял его в коммуне вместо себя. Приезжаю, спрашиваю:

— Ну, как дела?

— Добре.

Вечером собираются ребята и смеются:

— Чего смеетесь?

— Довольно смешно было.

— А что?

— А он все так же, как вы делаете. Вы говорите: «черт вас побери». Он тоже говорит «черт вас побери», только тихоньким голосом.

— Ну, а вы слушались?

— А как же, мы же видим, что он сердится.

Человек не мог повысить голос, но в этом нежном «черт вас побери» он выражал предел своего гнева.

Он стал настоящим мастером-воспитателем.

А почему он таким сделался? Потому что он доверял мне как руководителю коллектива, потому что он работал в коллективе, потому что он не противопоставлял коллективу свой талант, свои какие-то единоличные достижения. Он жил интересами коллектива и жил в коллективе.

Если в школе есть такой коллектив педагогов, для которого успех всей школы стоит на первом месте, а успех его класса стоит на втором месте и затем уже на третьем месте его личный успех как педагога, то в таком коллективе будет настоящая воспитательная работа.

Развивая дальше эту мысль, я настаиваю на придании особого значения главе коллектива. У вас в школах есть директор, есть завуч, комсорг, старший пионервожатый...

В некоторых школах все эти силы, включая, конечно, и учителей, подчиняются руководству, доверяют ему и слушаются его, т. е. в тех случаях, когда есть расхождение, поступают все-таки так, как говорит старший.

В некоторых же школах не разберешь, кто руководит: и директор руководит, и завуч руководит, и комсорг руководит, и старший пионервожатый руководит, и не разберешь, кто отвечает, кто кого учит, кто кем действительно руководит.

Я у себя по штату имел завуча, но ни разу его не приглашал. Мне было очень трудно. Я должен был вести и свою работу и работу завуча. Кроме того, у меня был завод с миллионным промфинпланом, кроме того, у меня было еще общежитие.

Следовательно, я должен был заниматься вопросами быта, столовыми, костюмами и т. д. И все-таки я не имел помощника, я работал один. Все остальные были на одинаковых ролях, в одинаковых отношениях друг с другом. Я был руководством в единственном числе. И я от этого выигрывал.

В тех случаях, когда есть единое руководство, скорее может быть и единый коллектив.

Я не буду дальше рассказывать вам о едином педагогическом коллективе, потому что это увело бы нас очень далеко от темы нашей сегодняшней беседы, но это важнейшее условие правильной воспитательной работы в школе.

Вторым важным условием я считаю единый коллектив учеников школы. Я уже писал в «Правде» о том, что у нас нет школьного коллектива, а есть классный коллектив. Школьный коллектив как-то не создается. Ученики старших классов не знают учеников младших классов. А если и знают, то относятся к этому так: я ученик X класса, я выделен пионервожатым в V класс, и я знаю, что делается в моем V классе.

Это, товарищи, совсем не то. Это не единый школьный коллектив. Школа все-таки разбита на несколько коллективов, и каждый коллектив живет отдельно. Девятый класс знает только себя. Может быть, знает другие девятые классы, но не больше.

Я не представляю себе такой работы. Я не сумел бы работать, если бы у меня не было единого школьного коллектива.

Я не имею права что-нибудь рекомендовать вам, потому что я был в других условиях, может быть, в лучших условиях, чем вы. У меня был коллектив, который не только учился в школе, но и жил здесь же и работал на заводе же. Все всегда были вместе.

Но, товарищи, я наблюдал в других колониях такое положение, когда и живут вместе, и работают вместе, а все-таки единого коллектива нет, а есть отдельные коллективчики. Далекое не во всех колониях созданы единые коллективы. Очевидно, нельзя отговариваться тем, что это мол колония. И в школе можно создать единый коллектив.

Во всяком случае, если бы мне сейчас дали школу, то я первой своей задачей поставил бы создание единого школьного коллектива.

Что для этого нужно? Я уверен, что для этого нужны единые школьные интересы, единая школьная форма работы, единое школьное самоуправление и, наконец, общение, соприкосновение этого коллектива.

Вопрос о первичном коллективе и общешкольном у нас в методике не разработан, но я считаю этот вопрос важнейшим.

Мой отряд в колонии им. Горького, в коммуне им. Дзержинского был для меня главнейшей заботой. Я заботился о том, чтобы этот отряд всегда был цельным, чтобы он не распадался как можно дольше и чтобы этот отряд был обязательно органически членом целого коллектива коммуны.

Если эти две задачи разрешены, то разрешены все вопросы воспитания. Они все легко становятся на свои места.

У вас есть такой инструмент, как коллектив школы и коллектив первичный — класс. Коллективы эти расположены близко друг от друга и должны находиться в нормальных взаимоотношениях друг с другом.

Когда есть такой коллектив, тогда вопрос об отношении к семье разрешается гораздо легче.

Конечно, школьный коллектив трудно представить себе без хорошей дисциплины. Возьмем такой чисто технический вопрос, как общее собрание. Общее собрание нужно прежде всего хорошо организовать.

Что нужно прежде всего? Прежде всего нужна точность. Общее собрание назначается на 8 час. 30 мин. В 8 час. 29 мин. (не 28 мин. и не 30 мин., а точно 29 мин.) дается сигнал, и ровно в 8 час. 30 мин. общее собрание открывается.

Когда это делается один день, это очень трудно, когда это делается месяц — уже легче, а когда это делается годами — это очень легко. Получается традиция. Каждый сознательный, а впоследствии и каждый коммунар, смотрит на часы: 25 минут девятого. Он складывает книжки, инструменты и идет в зал, где будет общее собрание, чтобы потом, когда будет сигнал, не бежать бегом. Если сигнал застанет его за работой, ему придется бежать бегом, иначе он опоздает на собрание.

Это входит в привычку. Секретарь Совета командиров смотрит на часы и ровно в 8 час. 30 мин. говорит:

«Объявляю общее собрание открытым». Ни одной минуты мы не потеряли зря.

Регламент определяется просто: одна минута по песочным часам.

— Дай слово.

— Получай.

Перевернул песочные часы. Песок высыпался. Минутка кончилась. На общем собрании о деле нужно говорить одну минуту. Сначала было трудно, а потом привыкли, и получалось просто замечательно. Некоторые даже короче говорили.

Этот, казалось бы, небольшой вопрос имеет огромное значение. Во-первых, мы могли сказать на общем собрании обо всем. Во-вторых, каждый приучался говорить только то, что необходимо.

При таком жестком регламенте люди приучаются говорить очень коротко, не размазывать, не говорить лишних слов. Человек приучается к деловитости.

В некоторых случаях, когда вопрос особо важный или когда вносится особо важное предложение, выступающий говорит:

— Я не могу уложиться в одну минуту.

— Сколько тебе надо?

— Три минуты.

— Много.

— Ну, две минуты.

— Получай две минуты.

Такие собрания занимали у нас самое большее 20 минут. И никто не опаздывал, никто никого не ждал.

Это очень простой и как будто даже не педагогический вопрос — расположение во времени, но он является решающим. Надо выдерживать время, выдерживать точность. Точность — это первый закон. Точность позволяет иметь и ежедневные общие собрания. А общие собрания — это постоянный контроль коллектива, постоянное знание друг друга, постоянное знание дел друг друга и первичного коллектива.

Такие собрания я считаю полезным практиковать и в школе. Сначала будет скучно. Десятиклассники будут скучать. Почему? Да потому, что обсуждается поведение малыша и ученика среднего класса. Но когда этот малыш один раз промелькнет на собрании, другой раз, третий, десятиклассники его узнают и невольно заинтересуются

им. А потом, глядишь, в коридоре увидят его за какой-нибудь шалостью и вспомнят:

«А ведь ты вчера был на общем собрании, отдувался там, а теперь опять летишь, как сумасшедший!»

И малыш поймет, что этот старший был на общем собрании, заметил его и теперь узнал.

Это техника, которая, может быть, кажется нелогичной, но которая возникает сама в том коллективе, где практикуются общие собрания.

Не поймите меня превратно. Я являюсь сторонником некоторой военизации¹. Это не муштровка, а та же экономия сил.

Такая военизация необходима. Форм военизации много: есть коллективные игры, которые очень увлекают ребят, и другие формы. При такой военизации очень легко руководить коллективом и легко ставить и разрешать вопросы вне общих тем.

Коллектив — это единое коллективное мнение, это мнение 500 человек, которое выражается даже не в речах, а в репликах.

А главное: что один сказал, то и все думают. Вы сами знаете, товарищи, что у ребят именно так бывает. У них удивительная общность взглядов.

Один сказал, и все понимают; он не сказал бы так, если бы это противоречило общему мнению. Есть какое-то чутье, какое-то именно общее мнение.

Такое коллективное воздействие дает в руки воспитателю, директору большую силу и при этом силу чрезвычайно нежную, которая еле-еле заметна.

¹ Так называемая «военизация», о которой говорится в произведениях А. С. Макаренко, то есть: салют, знамена, оркестр, рапорт, сигнал к сбору, дежурный командир и т. п., по внешним своим признакам напоминает некоторые элементы быта армии. Но это только по форме. А по существу эта «военизация» не имеет ничего общего с действительной военной подготовкой. Это просто игровые и дисциплинирующие моменты в жизни детского коллектива, небольшое «эстетическое прибавление к трудовой жизни» (А. С. Макаренко, Соч., т. 7, стр. 346). Это то, что способствует большей четкости, подтянутости в поведении детей, что «сохраняет силы коллектива, сохраняет от неразборчивых, неладных движений, от разболтанности движений, от разбросанности их» (Соч., т. 5, стр. 128). Поэтому обвинение А. С. Макаренко в том, что он якобы стремился «военизировать» жизнь детского коллектива, основано на недоразумении и непонимании его основной мысли в этом вопросе. (Составитель.)

Я могу вызвать к себе самых отчаянных «дезорганизаторов», как у вас говорят, и сказать:

— Завтра ставлю вопрос на общем собрании.

— Антон Семенович, что угодно, как угодно накажите, только не ставьте вопрос на общем собрании.

А почему боялись общего собрания? Нужно выйти на середину комнаты, стать и отвечать на все стороны. Только и всего. Это не позор, а ответственность перед коллективом.

Организация и воспитание чувства ответственности перед коллективом — это дается трудно, но зато, когда дается, — это очень сильное средство.

При этом разрешается проклятый наболевший вопрос, о котором мы толкуем в наших школах, не выдавать товарища. Это солидарность, обращенная обратной стороной к педагогу. Солидарность несоветская.

И она не может быть уничтожена, если нет общественного мнения единого школьного коллектива, созданного единым педагогическим коллективом.

Никогда не исчезнет это «геройство» — не выдавать товарища, если не будет общественного мнения. Я достаточно времени помучился над этим вопросом. И я увидел, как в правильно организованном, воспитанном коллективе без моих усилий, без педагогической инструментровки, без каких-то особых методов, выросла и укрепилась традиция: никто никогда не приходил ко мне тихонько и не говорил шепотом: «Антон Семенович, я вам что-то скажу».

Никаких разговоров на ухо. Вечером на общем собрании кто-нибудь поднимается и говорит: «Произошло то-то и то-то».

И никто никакой обиды на своего товарища не имел за то, что он поднял тот или иной вопрос на общем собрании.

Очень часто говорили так: «Такой-то — мой лучший друг, и, тем не менее, я заявляю протест в связи с его недостойным поведением».

Никому из товарищей и в голову не приходило обвинять человека, который так прямо и открыто выступал. Но поведение его не пахнет и героизмом, он делает обычное дело — на общем собрании призывает к ответственности своего товарища.

И тогда исчезает отрицательное движение коллектива, когда коллектив становится к педагогам спиной и делает что-то, чего педагоги не видят.

В педагогической литературе не разработан самый важный вопрос: какие формы коллектива должны действовать? Почему-то ученые педагоги считают, что форма не имеет значения.

Я с этим не согласен. Форма имеет очень большое значение. У нас, например, был такой порядок. Если командир скажет мне что-нибудь о своем товарище в присутствии других товарищей, я могу ему не поверить, другой может сказать, что это неправда, что дело было не так, я могу вызвать свидетелей, допрашивать, расследовать и т. д.

Но если этот же командир говорит то же самое вечером, во время рапортов, когда все стояли смиренно и когда я тоже стою смиренно, когда все друг другу салютуют, я его не проверяю, я ему верю.

Такой был у нас закон: рапорт не проверяется. Ребята говорили, что в рапорте командир соврать не может.

Торжественная обстановка. Ты рапортуешь. Соврать может только последний мерзавец, последний негодяй.

Следующий закон, который почему-то не используется в школе.

У нас каждый коммунар, только пробыв некоторое время в коллективе, становился настоящим членом этого коллектива, получал значок ФД — Феликс Дзержинский, и с тех пор, как он получал этот значок, ему обязаны были верить на слово, если слово касалось его лично. Если говорил: я там не был, считалось неприличным проверять. Доверие — это первое право.

Правда, в некоторых случаях доверие не оправдывали, обманывали. Тогда мы поднимали настоящий скандал. Товарищи требовали исключения из коммуны за нарушение доверия. Это преступление считалось более важным, более сильным, чем воровство, чем невыход на работу. Твоему слову верят, поэтому ты соврать не можешь. Это закон.

Это тоже, товарищи, инструментовка. И таких форм инструментовки вы в ваших школах можете придумать множество.

Но они будут эффективны только тогда, когда все они будут направлены к созданию единого общественно-

го мнения, единой системы, единой традиции в коллективе. Тогда школьный коллектив делается исключительно мощным средством.

Тогда проясняется и вопрос о семье. Я не могу представить себе, чтобы не было такого коллектива, чтобы его нельзя было создать.

Возьмите, например, вопрос об отношениях старших и младших, десятиклассников и первоклассников. Надо добиться такого положения, чтобы 8—9—10-летний мальчик смотрел на старшего, на ученика X класса, как на свое заветное будущее, чтобы он его любил, чтобы он был в него влюблен, именно влюблен, чтобы он видел в нем что-то более высокое, чтобы старший был для него примером.

Тема дружбы младших учеников со старшими — совершенно неизбежная тема, если только вы хотите организовать единый школьный коллектив.

Для организации такой дружбы нужно опять-таки применять специальную инструментовку. Не буду сейчас говорить о ней. Скажу только, что я на протяжении последних 8 лет добивался такой дружбы.

У каждого старшего ученика обязательно был так называемый «корешок». Это, пожалуй, термин беспризорных, но он у нас укоренился. Он был у нас официальным термином. Каждый имел своего «корешка» в другом классе, в другом цехе, в другом отряде. Тем не менее, они всегда были вместе. Это неразлучная пара, это младший и старший брат, причем старший брат крепко держит в руках младшего.

Если младший набедокурил, если он стоит перед общим собранием, то обязательно раздастся голос:

— А чей он «корешок»?

— Володи Козыря.

— Пусть Володя Козырь даст объяснение.

И Володя Козырь — комсомолец, ученик X класса, 17-летний парень — вставал и говорил:

— Прозевал, я его исправлю, не наказывайте.

Такая дружба старших с младшими создает удивительные отношения в коллективе, придает им такую прелесть, какая бывает только в семье, прелесть отношений младших и старших братьев.

«Корешки» ходили всегда компаниями. Человек 10 малышей, и около них столько же старших.

Причем, товарищи, надо отметить, что старшие умели любить этих пацанов.

Отношения старших и младших ребят в наших школах: старшего пионервожатого к младшим, отношения часто официальные, они неестественны.

Я добивался очень многого. Например, идем мы в поход. Надо сказать, что я со своими ребятами совершил 8 летних походов. Во время похода все идут по взводам, по ротам, по возрасту. Какой-нибудь 14-й взвод далеко отстоит от первого. Там самые маленькие. У них командир.

Пришли в лагерь. Разбили палатки. И не было такого случая, чтобы кто-нибудь из старших не сказал: «Антон Семенович, первый взвод займет палатку, а как же «корешки» будут? Отдельно? Мы хотим с ними вместе».

И мы разрешили такую вещь: последние три взвода, т. е. самые маленькие, не имели отдельной палатки: там, где шефы, там и «корешки». Они вместе купаются, вместе катаются на лодках, и в кино вместе, и играют вместе. Иногда старшие что-нибудь читают вслух.

Никакой школьной воспитательной работы старшие не проводят. Но у них настоящее братство, настоящие братские отношения к малышам. И такое братство сохраняется на всю жизнь. Старшие уезжали потом в вуз, в Москву, и не забывали своих «корешков», переписывались с ними.

Если старший приезжал в отпуск из вуза, так «корешок» за 3 километра бежал встречать его.

Без такой инструментовки не может быть коллектива. Вы заметили, товарищи, что здесь пахнет семьей? Если бы в школе была такая дружба, которую всегда легко организовать, этим можно было бы очень многого достигнуть. Такую дружбу можно создать не силами хорошего педагога, а силами хорошего педагогического коллектива и хорошего руководителя.

Такую дружбу, товарищи, организовать очень легко и об этом стоит подумать. Когда есть школьный коллектив, педагогический коллектив и детский коллектив, тогда все воспитательные вопросы становятся на свое место. И тогда высоко взвивается школьное знамя, встанет вопрос о чести коллектива.

Вопрос о чести коллектива поднимается у нас до сих пор либо очень редко, либо формально — на каких-нибудь заседаниях, во время торжественных заявлений — и не поднимается в быту.

Для организации коллективной чести также нужна инструментовка и очень важная инструментовка.

Буду говорить об отдельных деталях.

Прежде всего знамя. У нас знамя стояло в кабинете. Бархатный балдахин, под ним знамя. Если нужно было это знамя перенести из одной комнаты в другую, например, на время ремонта, мы делали это очень торжественно. Все надевали новые костюмы. Все 600 человек выстраивались общим строем. Выходил оркестр в 60 человек. Равнялись. Взводные командиры впереди. Затем раздавалась команда: «Смирно!» И знамя в чехле торжественно переносилось из одной комнаты в другую.

Мы не могли допустить, чтобы знамя переносилось без отдания почестей. Когда мы шли в город или в поход, или на прогулку, мы шли со знаменем. Совсем другое дело идти со знаменем. Идешь как-то иначе.

А ведь знамя это только одна из деталей. Но даже с помощью одного знамени сколько можно сделать хорошего, полезного и как можно все это торжественно обставить.

Например, выборы знаменщика. Знаменщик считался у нас самым почетным человеком в коллективе. Его нельзя наказывать, ему нельзя было объявить выговор. Он был неприкосновенен. Он был примером для остальных во всех отношениях.

Как проходили у нас выборы знаменщиков? Казалось бы пустяк выбрать человека, который будет носить знамя. Но мы выбирали лучшего из всего коллектива. Знаменщик — это самый симпатичный товарищ, это самый лучший ученик, это самый лучший стахановец.

Знамя служило как бы предлогом для выдвижения человека.

Все это, товарищи, основания для того, чтобы сбить коллектив в единое целое. И таких оснований много. Я не буду говорить обо всех. Упомяну об одном только, которое у нас забыто, но которое, может быть, когда-нибудь будет восстановлено, — это труд.

Я часто встречаюсь с учениками разных классов, и все они жалуются: некогда учить уроки, нет времени.

Я им всегда говорю: «А как же мои коммунары справлялись? У них ведь тоже была десятилетка, как и у вас. Они тоже поступали в вузы, причем для них это было обязательным, необходимым условием».

Кроме учебы, они 4 часа в день работали на заводе. Это ведь не шутка, а настоящая заводская работа с нормами, да еще со стахановскими методами работы, с двойной и тройной нормой, с определенным процентом брака, с большой ответственностью за порчу и т. д. Выпускали аппараты «ФЭД» и «Лейку». Точность до 1 микрона. Шутить нельзя было.

А кроме того, на них лежала уборка всего здания, ежедневное натирание полов, мытье стекол, стирание пыли, уборка всех помещений, не только спален, но и коридоров и кабинетов. Авральная работа ежедневно. Утром по сигналу все 600 человек принимаются за уборку. У каждого свой определенный участок. На уборку полагается 20 мин. А потом еще самоуправление, вечерние общие собрания, комсомольская работа, пионерская работа, спортивная работа, работа кружковая.

Спортивной работе мы придавали большое значение. Она была поставлена у нас очень серьезно. Если ты в первом взводе, ты должен быть ворошиловским стрелком. Если ты не имеешь ворошиловского значка, переходи во второй взвод. А там ты будешь выше всех ростом, и тебе будет стыдно.

Во втором взводе все должны иметь значок ГТО. Если не имеешь значка ГТО, переходи в третий взвод. Обязательной была стрелковая работа, обязательными были прыжки с парашютом. Они должны были расти сильными девушками и мужчинами.

Все это требовало времени, и все-таки ребята везде успевали, все делали и еще находили время для отдыха.

Я думаю, что и в наших школах могут быть введены трудовые процессы. Спортивная работа должна быть поставлена обязательно.

Труд для ребят полезен и необходим. Маркс говорил, что с 9-летнего возраста дети могут принимать участие в производительном труде.

Я не понимаю, что такое ребенок 10 лет. Тебе 10 лет, ты гражданин Советской республики, и к тебе можно предъявлять соответствующие требования.

Если бы у меня была школа, я бы, кажется, на части разорвался, но что-нибудь стал бы делать.

Я помню, как мы организовывали дело в коммуне им. Дзержинского. Пришел ко мне как-то человек:

— Хотите делать нитки?

— Какие нитки?

— Обыкновенные.

— Давай. А станки какие?

— Да поставим деревянные.

— А где возьмешь?

— Достанем.

— А с деньгами как?

— В кредит.

— А с сырьем как?

— Не беспокойтесь, достанем.

— Ну, давай.

Конечно, начальству я ничего не сказал. Если бы я сказал инспектору, он разошелся бы:

— Почему нитки, какие нитки, какой промфинплан? и т. д.

Поставили мы в подвале станочки. Говорю ребятам:

— Будем зарабатывать деньги, давайте хорошо работать, давайте выпускать хорошие нитки.

Полгода поработали. Потом нам запретили, правда, но мы встали на ноги.

Не было денег — устроили оранжереи. И устроить оранжереи очень просто. Выгода же большая.

Когда все это делается в коллективе, когда каждый заинтересован в этом, каждый знает, сколько сегодня сделали, за сколько купили и за сколько продали, когда коллектив начинает жить как хозяин, а потом как производитель, потому что у него появляется план, появляется Отдел технического контроля, появляются браковщики, цеховые диспетчеры, тогда коллектив завоевывает себе право гражданства. Когда коллектив так хорошо организован, тогда можно предъявлять к нему последнее трудное требование: уметь предъявлять друг к другу определенные требования откровенно, прямо, по-товарищески, в лоб. Делать так и никак не иначе.

Если сделал не так, то почему? Почему неправильно сделал? Нужно предъявлять человеку большие требования. Это необходимое педагогическое принципиальное положение, без которого нельзя воспитывать человека.

Если с человека не потребовать многого, от него и не получишь многого.

Убеждение в том, что многое вырастет само из ничего при помощи каких-то химических влияний ваших педагогических взглядов, неправильно.

Многое может вырасти только тогда, когда вы не только про себя педагогически мечтаете, а когда вы по-настоящему требуете. Этого не может сделать не сбитый, не организованный педагогический коллектив. И нельзя организовать его, если нет единого школьного коллектива. А когда имеется единый школьный коллектив, тогда можно требовать многое.

И, наконец, последний момент — когда требование встречается детьми не с подавленным настроением, а даже торжественно, когда чем больше вы требуете, тем больше их радуете, потому что тем самым вы высказываете доверие их силам.

Если все эти требования соблюдены, то с таким коллективом можно, я бы сказал, делать чудеса.

У нас в Советской стране колоссальные возможности для того, чтобы очень легко, красиво и радостно воспитывать замечательные коллективы, а следовательно, и замечательных людей.

Надо сказать, что требование часто пугает педагогов. Боятся риска. Во всяком деле есть риск. Никакое дело без риска делать нельзя.

Два слова о педагогическом риске. Я говорил о педагогическом риске на одном из собраний в Ленинграде в октябре. Мне сказали: «Вот вы говорите о риске, а у нас один ученик X класса взял да повесился, потому что ему поставили плохой балл. А вы говорите о риске. Ведь если мы будем так много требовать и рисковать, то все перевешаются».

Вы знаете, что я им ответил? «Поставить плохой балл — это вовсе не рискованное действие. Какой здесь риск? И сколько вообще мы совершаем таких нерискованных действий? Ученик не ответил мне. Я ему оставил «плохо». Какой же здесь риск? Он сел мне на шею, я его осторожненько стащил и сказал: «Детка, не садись педагогу на шею». Никакого риска здесь нет. Он мне плюнул в лицо, а я перед ним извинился. Что же здесь рискованного? Ведь не я ему плюнул, а он мне. А я еще извинился перед ним.

Все это нерискованные действия. Одно нерискованное действие, другое, третье, десятое, двадцатое — и создается общая атмосфера нерискованности, такая атмосфера, что многим может захотеться полезть в петлю. Безысходная серая тоска: никто ничего не требует, никто ничего не хочет, каждый беспокоится только о том, как бы чего не вышло и как бы на меня мальчишки не обиделись.

Такая атмосфера может привести к очень плохим настроениям и очень плохим результатам.

Если же вы прямо, по-товарищески, открыто будете требовать, то от этого человек никогда не захочет повеситься. Он будет знать, что вы относитесь к нему как к человеку.

Такая требовательность еще более сколачивает коллектив, еще больше объединяет и учителей и учеников. А как разрешается, товарищи, вопрос об учительском авторитете? Очень часто тот или иной учитель заявляет:

— Вы подорвали мой авторитет, вы при учениках сделали мне замечание, вы объявили мне выговор.

Спрашивается, на чем же базируется авторитет? Неужели на вашей безнаказанности? Неужели на том убеждении, что вы никогда не можете согрешить?

Я ставлю вопрос так: учительский авторитет основывается на ответственности в первую очередь. Учитель должен, не стесняясь, сказать своим ученикам:

— С меня требуют, я отвечаю, я ошибаюсь, я за свою ошибку отвечаю. Вы видели, что я отвечаю?

— Видели.

— С меня требуют, поэтому и я требую с вас.

Нет ничего позорного, если директор объявит выговор учителю. Пусть учитель считает, что он не совсем виноват, но раз директор объявил ему выговор, он должен этим выговором воспользоваться для поднятия своего авторитета. Он должен сказать:

— Да, я ошибся. Я наказан, потому что я отвечаю за свою работу. И вы извольте отвечать за свою работу. Я требую этого от вас.

У меня был Иван Петрович Городич. Это было еще в колонии им. Горького. Он что-то не так сделал в походе. Он дежурил по колонии. Я разозлился. Спрашиваю:

— Кто дежурный? 5 часов ареста!

— Есть 5 часов ареста.

Слышу голос Ивана Петровича, педагога. Мне даже холодно немножко стало. Он снял с себя пояс, отдал дежурному, пришел ко мне в кабинет:

— Я прибыл под арест.

Я сначала хотел было сказать ему: «Брось!» А потом думаю: «Ладно, садись». И просидел пять часов под арестом. Ребята заглядывают в кабинет — Иван Петрович сидит под арестом.

Когда кончился арест, он вышел на улицу. Ну, думаю, что будет. Слышу гомерический хохот. Ребята его качают.

— За что?

— За то, что сел под арест и не спорил.

А другой на его месте начал бы: «Как это так, меня, педагога, под арест. Ни за что. Мой авторитет пропадет».

Авторитет, товарищи, нужно создавать самим, пользуясь для этого всякими случаями жизни. В хорошем коллективе авторитет нельзя подорвать. Сам коллектив поддерживает его. Так вот теперь о самом главном, о семье. Семьи бывают хорошие, и семьи бывают плохие. Поручиться за то, что семья воспитает как следует, нельзя. Говорить, что семья может воспитывать, как хочет, мы не можем. Мы должны организовать семейное воспитание, и организующим началом должна быть школа, как представительница государственного воспитания. Школа должна руководить семьей.

Спрашивается, как руководить? Вызвать родителей и сказать: «Примите меры» — это не руководство.

Вызвать родителей, развести руками и сказать: «Ах, как же это так у вас плохо получается?» — это тоже не поможет.

Что же может помочь и как можно помочь? Плохого родителя, т. е. родителя, не умеющего воспитывать, всегда можно научить так же, как и педагога можно научить.

Между прочим, товарищи, многие родители, как и педагоги, не умеют разговаривать с ребенком. Нужно поставить голос. К сожалению, в педагогических техникумах и вузах не ставят голос. Я бы обязательно в каждом вузе и техникуме имел хорошего специалиста, который умеет ставить голоса.

Это очень важно.

У меня вначале и у самого не очень хорошо выходило. В чем, думаю, дело? Обратился к опытному актеру.

— Надо голос поставить.

— Как голос поставить? Я, что ж, петь буду?

— Не петь, а говорить.

Я позанимался с ним некоторое время и понял, какое великое дело постановка голоса. Очень важно, каким тоном говорится. Простая фраза: «Можешь идти», но эту простую фразу, эти два слова можно сказать 50 способами. Причем в каждый способ вы подпускаете такие нотки, что это будет каплей яду, если это нужно для того, кто должен это почувствовать.

Это очень сложное дело. Если у вас голос не поставлен, вам конечно, будет трудно. Руководителям не мешало бы поставить свои голоса. Некоторые родители и педагоги позволяют себе такую «роскошь», чтобы их голос отражал их настроение. Это совершенно недопустимо. Настроение у вас может быть каким угодно, а голос у вас должен быть настоящим, хорошим, твердым голосом.

Никакого отношения к вашему голосу настроение не имеет. Почему вы знаете, какое у меня сейчас настроение. Может быть, я в горе. А может быть, у меня радость какая-нибудь большая. Но я должен говорить так, чтобы меня все слушали. Каждый родитель, каждый педагог, перед тем как разговаривать с ребенком, должен себя немножко подкрутить так, чтобы все настроения исчезли. И это не так трудно.

После того как мы три года прожили в лесу и вокруг нас были бандиты, какие же могут быть настроения? Какую же волю я могу давать моим настроениям? Я привык справляться со своим настроением и убедился, что это очень легко. Нужно делать так, чтобы ваша физиономия, ваши глаза, ваш голос были в некоторых случаях автономными. Педагог обязан иметь «парад на лице». Желательно, чтобы и родители имели на лице «парад».

Допустим, вы получили неприятное письмо, может быть, даже от любимого человека. Так что же, из-за этого неприятного письма должен пропадать месяц педагогической работы? Из-за какого-то любимого существа, которое, может быть, вообще ничего не стоит, и, может быть, хорошо, что написано такое письмо.

Постановка голоса, мимика, умение встать, умение сесть — все это очень и очень важно для педагога.

Каждый пустяк имеет большое значение, и этим пустякам можно научить родителей.

Недавно ко мне пришел один родитель и говорит:

— Я коммунист, рабочий. У меня есть сын. Не слушается. Я ему говорю — не слушается. Второй раз говорю — не слушается. Третий раз говорю — не слушается. Что же мне с ним делать?

Усадил я этого родителя, который пришел ко мне, и начал с ним разговаривать.

— Ну-ка, покажите, как вы говорите со своим сыном.

— Да вот так.

— А попробуйте вот так.

— Не выходит.

— Повторите.

Я позанимался с ним полчаса, и он научился отдавать приказание. Дело было только в голосе.

Помощь родителям со стороны школы возможна только тогда, когда школа представляет собой единый целый коллектив, знающий, чего она требует от учеников, и твердо предъявляющий эти требования.

Это один из способов помощи родителям. Кроме того, есть и другие способы. Нужно изучить семейную жизнь, нужно изучить причины плохого характера. Не буду перечислять здесь все способы помощи семье.

У меня была такая встреча с одной матерью. Она жаловалась на то, что ее мальчугана выгоняют из всех школ. Мальчик был в такой-то школе, потом был в школе для дефективных детей, потом в школе с особым режимом, потом в лесной школе, потом был в санатории, потом был в психиатрической больнице, потом в колониях НКВД. И отовсюду бежал.

— Я,— говорит,— его раздела, спрятала одежду. Сейчас он сидит у меня в одном белье, и я его никуда не пускаю. Что же мне с ним делать? Я думаю отдать его учеником на наш завод. Ему 14 лет.

Начал я расспрашивать:

— А в квартире у вас чисто?

— Да нет, особенно... порядка нет.

— А сын что-нибудь делает?

— Нет, ничего не делает.

— А постель за собой убирает?

— Нет, не убирает.

- А вы с ним за город когда-нибудь ездили гулять?
- Нет.
- А в цирке были?
- Ни разу.
- А в кино были?
- Ни разу.
- А подарили ему что-нибудь?
- Да он не заслуживает.
- Так что же вы от него хотите?
- Может быть, отправить его к дяде, в г. Истру.

Тут уж я не вытерпел. «Пощадите. Несчастный ребенок. Вы ему все нервы истрепали. Человек даже со здоровыми нервами не сможет выдержать перемены 10 коллективов в течение каких-нибудь пяти лет».

Человек не может привыкнуть ни к одному коллективу. Сегодня он в одном коллективе, завтра в другом, потом — в третьем, четвертом, человек начинает бродить между коллективами, и из него получается индивидуалист плохого сорта. Этот вопрос очень интересен, и педагог обязан его исследовать.

Другой вопрос — беспорядок дома. Пришел я к ребенку домой. Беспорядок ужасающий. Просто бедлам. Три комнаты. Половина мебели поломана. За окнами мухи валяются с 1930 года. Кругом толстый слой пыли.

Какой же воспитательный процесс может быть в этой пыли, в этой свалке вещей, которую никто не разбирает, не убирает, о которой никто не заботится.

Если в квартире идеальная чистота, если нет лишних вещей и если вы поддерживаете порядок, у вас ребенок не может быть очень плохим. Внешний порядок, к которому вы приучаете ребенка с самого раннего возраста, формирует его, заставляет его предъявлять к себе большие требования.

К сожалению, такой внешний порядок мне не очень часто приходилось наблюдать в тех семьях, куда меня приглашали. Как же вы можете воспитывать ребенка, живое существо, человека, советского гражданина, если вы не способны организовать десяток неодушевленных предметов в вашей квартире?

Вам за воспитание живого человека и братья тогда нечего. Пригласите наемного воспитателя или отдайте ребенка навсегда из дома. Нужно научиться самим организовывать вещи, нужно научить этому ребенка, и тогда ре-

бенок скорее станет членом коллектива. Вот этому и должна научить школа тех родителей, которые не знают, что делать.

Следующий вопрос. Я выдвигаю такое положение, что настоящая семья должна быть хорошим хозяйственным коллективом. И ребенок с малых лет должен быть членом этого хозяйственного коллектива. Он должен знать, откуда у семьи средства, что покупается, почему это можно купить, а этого нельзя и т. д.

Ребенка надо привлекать к участию в жизни хозяйственного коллектива как можно раньше, с пяти лет. Ребенок должен отвечать за хозяйство своего коллектива. Отвечать не формально, конечно, а удобствами своей жизни и жизни семьи. Если в хозяйстве плохо, то в жизни его тоже худо. Этим вопросом следует заняться.

И, наконец, товарищи, последний вопрос, пожалуй, самый трудный — это вопрос о счастье.

Обычно говорят: я мать, и я — отец, все отдаем ребенку, жертвуем ему всем, в том числе и собственным счастьем.

Самый ужасный подарок, какой только могут сделать родители своему ребенку. Это такой ужасный подарок, что можно рекомендовать: если вы хотите отравить вашего ребенка, дайте ему выпить в большой дозе вашего собственного счастья, и он отравится.

Надо ставить вопрос так: никаких жертв, никогда, ни за что. Наоборот, пусть ребенок уступает родителям.

Вы знаете манеру некоторых девочек говорить матерям: — Ты свое отжила, а я еще ничего не видела.

Это говорится матери, которой иногда всего 30 лет.

— Ты свое отжила, а я еще не жила, потому все мне, а тебе ничего.

Девочка должна подумать:

— У меня вся жизнь впереди, а тебе, мама, меньше осталось.

Поэтому в своем четвертом томе «Книги для родителей» я прямо напишу: новые платья в первую очередь — матерям.

И дети перестанут обижаться, если вы воспитаете их в стремлении приносить счастье родителям. Пусть дети думают о родительском счастье в первую очередь, а что думают родители — это детей не касается. Мы люди взрослые, мы знаем, о чем мы думаем.

Если у вас есть лишние деньги и вы думаете, кому купить платье — матери или дочери, так я говорю — только матери.

Отец и мать в глазах детей должны иметь право на счастье в первую очередь. Нет никакого смысла ни для матерей, ни для дочерей, ни тем более для государства воспитывать потребителей материнского счастья. Самая ужасная вещь — воспитывать детей на материнском или отцовском счастье.

В нашей коммуне мы тратим 200 тысяч рублей на походы и 40 тысяч на билеты в театр. Не скупилась на это. Денег не жалели. Но когда шили костюмы, то у нас было такое правило: малыши получали костюмы от старших. И они знали, что им шить новые костюмы не будут. Малыши могли рассчитывать только на перешитые костюмы. Правда, мы могли бы подождать, пока старшие ребята до конца износят свои костюмы, и потом эти костюмы выбросить. Но мы этого не делали. Старшие носили немного, и костюмы перешивались для младших.

Что вы дадите девочке в 17—18 лет, если вы в 14 лет нарядили ее в крепдешин?

К чему это? А какой у этой девочки разгон получается? Дальше у нее начинаются такие рассуждения: у меня только одно платье, а у тебя, т. е. у матери, — три платья.

Нужно воспитывать в детях заботу о родителях, воспитывать простое и естественное желание отказаться от собственного удовольствия, пока не будет удовлетворен отец или мать.

У меня взрослый сын. Окончил институт. Инженер. Очень красивый молодой человек. Финансы у нас общие. У меня до сих пор не было пальто. Кое-кто рассудил бы так: на что тебе, старику, пальто, ты и так хорош. Сыну пальто нужнее. Он молодой, красивый человек, ему нужно с девушкой прогуляться, ему пальто необходимо.

Но я выдержал тон. И он выдержал тон.

— Может быть, ты сошьешь себе пальто?

— Нет, не сошью, пока ты не сошьешь.

И он действительно не сшил себе пальто до тех пор, пока я не приобрел себе пальто. Бегал в стареньком пиджачишке. А когда деньги появились, я сшил пальто себе, а он пусть подождет, хоть он и красивый. Важно, что он пережил заботу обо мне. Ну, а девушки и в простом пиджачке любить будут.

Ну, вот, товарищи, пожалуй, на этом я и кончу.

Может быть, будут вопросы?

С места: «Существует ли сейчас коммуна им. Дзержинского, кто ею руководит и какова ваша связь с этой коммуной сейчас?»

Коммуна им. Дзержинского жила после меня еще два года, потом была ликвидирована. Почему? Потому, что старшие ушли в вузы, завод, который был там создан, передали соответствующему ведомству. Все коммунары были выпущены с честью.

Связь со своими коммунарами я поддерживаю.

...Надо сказать, что эта связь начинает причинять мне огорчения. Их все-таки много. Их самих я еще помню, но я не могу помнить, кто на ком женился и у кого сколько ребят. А ведь в письмах приходится писать и об этом.

Вы знаете, товарищи, мне приходится один день в шестидневку тратить на переписку. Это меня очень затрудняет. Правда, я не обижаюсь, ведь у них, кроме меня, никаких родственников нет. К кому же им обратиться? Но мне иногда тяжело бывает от такой массы корреспонденции.

Кто-нибудь из моих бывших воспитанников приезжает, например, в Москву. С поезда прямо ко мне. Иногда на целый месяц. С открытой душой заявляется: «Я, Антон Семенович, к вам на месяц!» Я в ужасе. Мне все-таки жаль жену. Не может же быть она содержательницей постоянной гостиницы. Мне не жаль того, что съедят мои гости, не в этом дело, но хлопоты большие.

— Ну, ладно, приехал, так оставайся. Вот, Галя, приехал.

— Кто?

— Да Витька Богданович.

— Ну, здравствуй, Витя.

Через два дня начинаются разговоры:

— Я, пожалуй, в гостиницу поеду.

— Зачем в гостиницу? Живи здесь.

Через три дня опять разговоры:

— Надо, пожалуй, в Ленинград съездить.

— Да, зачем тебе ездить, лучше здесь живи.

А когда уезжает, так и расставаться жаль:

— Переезжал бы в Москву, работал бы здесь, ну, и жил бы у меня.

Ведь в большинстве своем хорошие люди получались из них. Связь, хотя и тяжелая, но для меня это источник большой настоящей радости. Правда, кое-кто потерялся.

По случаю награждения меня орденом я получил радиограмму с острова Врангеля. Подписано: «Митька Жевелий». Вы его знаете по «Педагогической поэме».

Сегодня получил письмо, тоже поздравительное. Подписано: «Инженер-орденоносец Орисенко (Гуд)».

С места: «А что вы думаете относительно физических мер воздействия?»

Я противник физических методов воздействия. И раньше был противником. Вообще физическое наказание как метод я не могу допустить. Я не видел ни одной семьи, где физическое наказание приносило бы пользу.

Правда, я не говорю о тех случаях, когда мать отшлепает рукой 2—3-летнего ребенка. Ребенок ничего не поймет даже. А мать не столько накажет его, сколько свой темперамент проявит. Но ударить мальчугана в 12—13 лет — это значит признать свое полное бессилие перед ним. Это значит, может быть, навсегда разорвать с ним хорошие отношения.

В коммуне имени Дзержинского ребята никогда не дрались. Помню был такой случай. Возвращались мы из Батуми на пароходе в Крым. Заняли всю верхнюю палубу. Нас очень полюбили. Мы были красиво одеты, у нас был прекрасный оркестр, мы устраивали там концерты. Публике и команде мы очень понравились. И вот как-то утром, за завтраком, перед самой Ялтой один старший коммунар ударил своего товарища, более молодого, по голове консервной коробкой. Случай для нас совершенно небывалый. Я был ошеломлен. Что делать? Слышу, играют общий сбор.

— Почему?

— Дежурный командир приказал.

— Зачем?

— Все равно, вы прикажете созвать.

Хорошо. Собрались. Что делать? Вносится предложение: ссадить в Ялте, расстаться навсегда.

Смотрю, никто не возражает.

Я говорю:

— Да что вы, шутите или серьезно? Да разве это возможно. Ну, ударил, ну, виноват, но нельзя же выкинуть человека из коммуны.

— Чего там разговаривать, голосуй.

— Подождите,— говорю.

Тогда председатель говорит:

— Есть предложение лишить слова Антона Семеновича.

И что же вы думаете — лишили. Я говорю им:

— Мы в походе, я командир, я могу все общее собрание под арест посадить на пять часов, это вам не коммуна, где я с вами разговариваю, как же вы можете лишить меня слова?

— Ну, ладно, говорите.

А говорить-то и нечего. Голосуют. Кто за это предложение? Все единогласно. И здесь же выносятся другое предложение: кто пойдет провожать, может обратно не возвращаться.

Прибежала делегация от пассажиров и команды. Просят простить этого мальчика.

— Нет, мы знаем, что делаем.

В Ялте ни один не сошел с парохода. Ждали Ялту с нетерпением, хотели посмотреть город, погулять, а здесь ни один с парохода не сошел. Дежурный командир сухо сказал ему:

— Иди.

И пошел.

Приехали мы в Харьков, а он на площади нас встречает. Наши грузятся. Он здесь же вертится. Дежурный командир говорит ему:

— Уйди с площади. Грузиться не будем до тех пор, пока ты будешь здесь.

Ушел. Через три дня пришел ко мне в коммуноу. У дверей часовой.

— Не пропущу.

— Ты же всех пропускаешь.

— Всех пропускаю, а тебя не пропущу.

— Ну, вызови тогда Антона Семеновича.

— Не буду вызывать.

Все-таки вызвали меня.

— Что тебе нужно?

— Попросите общее собрание.

— Хорошо.

Просидел он у меня до вечера. Вечером общее собрание. Прошу. Смотрят и молчат. Спрашиваю: «Кто хочет высказаться?» Никто. «Да скажите же что-нибудь».

Улыбаются. Ну, думаю, наверное, оставят. Прошу голосовать. Председатель голосует: «Кто за предложение Антона Семеновича, прошу поднять руки». Ни одной руки не поднимается. «Кто против?» — Все.

На другой день опять пришел.

— Не может быть, чтобы меня так жестоко наказали. Сзовите общее собрание, я хочу, чтобы мне объяснили.

Созывается вечером общее собрание.

— Вот он требует объяснения.

— Хорошо. Говори, Алексеев.

Выступает Алексеев, начинает говорить.

— Ты на пароходе в присутствии всего Советского Союза, так как на пароходе были представители всех городов, в присутствии команды из-за какого-то пустяка ударил товарища по голове. Этого нельзя простить, и никогда мы тебе не простим. После нас будут здесь ребята, и те не простят.

Ушел он. Из старых ребят многие уже вышли из коммуны, много новеньких. И новенькие всегда говорили: «Нужно поступать так, как поступили со Звягинцем». Они Звягинца не видели в глаза, но знали о нем.

Видите, товарищи, как коммунары относились к битью. Педагогической душой я их осуждаю за такую жестокость, а человеческой душой — не осуждаю.

Это, конечно, жестокость, но жестокость вызванная. Конечно, в коллективе допускать побои нельзя. Я лично горячий противник физических методов воздействия.

С места: «У вас в коммуне были юноши и девушки 17—18 лет. Какие у них были взаимоотношения?»

Вопрос очень трудный. Рассказывать пришлось бы очень долго. Об этом есть в моей книге. Коротко все-таки скажу. Любовь запретить нельзя, конечно, но разрешать влюбляться и жениться в 18 лет тоже нельзя. Никакого счастья от такого брака не будет. У нас большую роль играло единство коллектива и доверие ко мне. Я мог собрать девушек и читать им лекции о поведении девушки. А потом собирал и юношей. И тех я уж не столько учил, сколько просто требовал: в первую очередь отвечать так-то и так-то, поступать так-то и так-то.

Меня поддерживали комсомольская организация, партийная организация и, конечно, пионерская организация. Поддерживало и общее собрание.

Только благодаря этому у нас было с этим вопросом все благополучно: никаких драм и трагедий не было. Мы знали, например, что Кравченко любит Доню, а Доня любит Кравченко. Они всегда вместе ходили, вместе гуляли, но ничего плохого не было в этом. Они отжили свой срок в коммуне, поступили оба в вуз и уж потом, через три года, поженились. Приехали в коммуну и на совете командиров заявили — мы женимся. Командиры поаплодировали им: во-время женитесь, пять лет любовь выдерживали.

С места: «Откуда у вас такое знание психики дошкольников?»

Своих детей у меня нет, но есть приемные дети. В коммуне у меня был детский сад для детей сотрудников. Я его организовывал, я им руководил. Многих дошкольников хорошо знаю и очень люблю. Опыт небольшой, но все-таки есть.

ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ВОСПИТАНИЯ¹

Лекция первая

МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ

Мы будем говорить на тему о воспитании. Имейте только в виду, товарищи, что я работник практического фронта, и поэтому такой уклон, несколько практический, в моих словах, конечно, будет. Но я считаю, что мы живем в эпоху, когда практические работники вносят замечательные коррективы в положения наук. Эти работники у нас в Советском Союзе называются стахановцами. Мы знаем, как много изменений внесено стахановцами, работниками практического фронта, во многие положения, даже более точные, чем наши науки, как много новых рекордов в деле производительности труда, в деле трудовой рабочей и специальной ухватки внесено стахановцами. Эта производительность труда повышается не простым увеличением расхода рабочей энергии, а при помощи нового подхода к работе, новой логики, новой расстановки элементов труда. Следовательно, производительность труда повышается при помощи метода изобретений, открытий, находок.

Область нашего производства — область воспитания — никоим образом не может быть исключена из этого общего советского движения. И в нашей области — я в этом глубоко убежден был всю жизнь — также необходимы изобретения, даже изобретения в отдельных деталях, даже в мелочах, а тем более в группах деталей, в системе, в частях системы. И такие изобретения могут идти, конечно, не только от работников теоретического фронта, но от обычных рядовых работников, вот таких,

¹ «Проблемы школьного советского воспитания» — это цикл лекций, прочитанных А. С. Макаренко в январе 1938 г. для сотрудников Наркомпроса РСФСР.

как я. Поэтому я без особого смущения позволяю себе рассказать о своем опыте и о выводах из этого опыта, считая, что его значение должно находиться также в плоскости такого корректива, который вносит практический работник в определенные достижения теории.

Каким багажом я обладаю, чтобы говорить с вами?

Многие считают меня специалистом по работе с беспризорными. Это неправда. Я всего работал 32 года, из них 16 лет в школе и 16 лет с беспризорными. Правда, в школе всю свою жизнь я работал в особых условиях — в заводской школе, находящейся под постоянным влиянием рабочей общественности, общественности партийной...

Точно так же и моя работа с беспризорными отнюдь не была специальной работой с беспризорными детьми. Во-первых, в качестве рабочей гипотезы я с первых дней своей работы с беспризорными установил, что никаких особых методов по отношению к беспризорным употреблять не нужно; во-вторых, мне удалось в очень короткое время довести беспризорных до состояния нормы и дальнейшую работу с ними вести, как с нормальными детьми.

Последний период моей работы в коммуне НКВД им. Дзержинского под Харьковом я уже имел нормальный коллектив, вооруженный десятилеткой и стремящийся к тем обычным целям, к каким стремится наша обычная школа. Дети в этом коллективе, бывшие беспризорные, в сущности ничем не отличались от нормальных детей. А если отличались, то, пожалуй, в лучшую сторону, поскольку жизнь в трудовом коллективе коммуны им. Дзержинского давала чрезвычайно много добавочных воспитательных влияний, даже в сравнении с семьей. Поэтому мои практические выводы могут быть отнесены не только к беспризорным трудным детям, а и ко всякому детскому коллективу, и, следовательно, ко всякому работнику на фронте воспитания.

Вот это первое замечание, которое я прошу вас принять во внимание.

Теперь несколько слов о самом характере моей практической, педагогической логики. Я пришел к некоторым убеждениям: пришел не безболезненно и не быстро, а пройдя через несколько стадий довольно мучительных сомнений и ошибок, пришел к некоторым выводам, которые покажутся некоторым из вас странными, но относительно

которых у меня есть достаточно доказательств, чтобы не стесняясь их доложить. Из этих выводов некоторые имеют теоретический характер. Я кратко перечислю их перед тем, как начать изложение своего собственного опыта.

Прежде всего интересен вопрос о самом характере науки о воспитании. У нас среди педагогических мыслителей нашего времени и отдельных организаторов нашей педагогической работы есть убеждение, что никакой особенной, отдельной методики воспитательной работы не нужно, что методика преподавания, методика учебного предмета должна заключать в себе и всю воспитательную мысль. Я с этим не согласен. Я считаю, что воспитательная область — область чистого воспитания — есть в некоторых случаях отдельная область, отличная от методики преподавания.

Что меня в этом особенно убеждает? Убеждает следующее. В Советской стране воспитанию подвергается не только ребенок, не только школьник, а каждый гражданин на каждом шагу. Подвергается воспитанию либо в специально организованных формах, либо в формах широкого общественного воздействия. Каждое наше дело, каждая кампания, каждый процесс в нашей стране всегда сопровождается не только специальными задачами, но и задачами воспитания. Достаточно вспомнить недавно пережитые нами выборы в Верховный Совет; здесь была огромная воспитательная работа, затронувшая десятки миллионов людей, даже тех людей, которые как будто были в стороне от воспитательной работы, она выдвинула даже самых пассивных и втянула их в активную деятельность. Подчеркну особенно успешную воспитательную работу Красной Армии: вы прекрасно знаете, что каждый человек, побывавший в Красной Армии, выходит оттуда новым человеком, не только с новыми военными знаниями, с новыми политическими знаниями, а с новым характером, с новыми ухватками, с новым типом поведения. Всё это — огромная советская социалистическая воспитательная работа, конечно, единая в своем тоне, в своем стиле, в своих стремлениях и, конечно, вооруженная определенным воспитательным методом. Этот метод, осуществляемый на протяжении двадцати лет советской власти, уже можно подытожить. А если к нему прибавить огромный опыт воспитательных успехов нашей школы, наших вузов, наших организаций другого типа:

детских садов, детских домов, то мы имеем громадный опыт воспитательной работы.

Если мы возьмем давно проверенный, установленный, точно сформулированный состав воспитательных приемов, утверждений, положений нашей партии, комсомола, высказывания товарищей Ленина и Сталина, то мы действительно в настоящее время, собственно говоря, имеем полную возможность составить настоящий большой кодекс всех теорем и аксиом воспитательного дела в СССР.

Лично мне и на практике пришлось воспитательную цель иметь как главную: поскольку мне поручалось перевоспитание так называемых правонарушителей, передо мной ставилась прежде всего задача — воспитать. Никто даже не ставил передо мной задачи — образовать. Мне давали мальчиков и девочек-правонарушителей, по-старому — преступников, мальчиков и девочек со слишком яркими и опасными особенностями характера, и прежде всего передо мной ставилась цель — этот характер переделать.

Сначала казалось, что главное — это какая-то отдельная воспитательная работа, в особенности трудовое воспитание. На такой крайней позиции я стоял недолго, но другие мои коллеги по коммуне стояли довольно долго. В некоторых коммунах даже НКВД (при старом его руководстве) эта линия преобладала.

Проводилась она при помощи как будто вполне допустимого утверждения: кто хочет — может заниматься в школе, кто не хочет — может не заниматься. Практически это кончалось тем, что никто всерьез не занимался. Стоило человеку потерпеть какую-нибудь неудачу в классе, и он мог реализовать свое право — не хотеть заниматься.

Я скоро пришел к убеждению, что в системе трудовых колоний школа является могучим воспитательным средством. В последние годы я подвергался гонениям за этот принцип утверждения школы как воспитательного средства со стороны отдельных работников Отдела трудовых колоний. За последние годы я опирался на полную школу-десятилетку и твердо убежден, что перевоспитание настоящее, полное перевоспитание, гарантирующее от рецидивов, возможно только при полной средней школе — все-таки я и теперь остаюсь при убеждении, что методика воспитательной работы имеет свою логику, сравнительно

независимую от логики работы образовательной. И то и другое — методика воспитания и методика образования, по моему мнению, составляют два отдела, более или менее самостоятельных отдела педагогической науки. Разумеется, эти отделы органически должны быть связаны. Разумеется, всякая работа в классе есть всегда работа воспитательная, но сводить воспитательную работу к образованию я считаю невозможным. В дальнейшем я коснусь этого вопроса более подробно.

Теперь несколько слов о том, что может быть взято за основу методики воспитания.

Я прежде всего убежден в том, что методику воспитательной работы нельзя выводить из предложений соседних наук, как бы ни были разработаны такие науки, как психология и биология, в особенности последняя, после работ Павлова. Я убежден, что сделать из данных этих наук прямой вывод к воспитательному средству мы права не имеем. Эти науки должны иметь значение в воспитательной работе, но вовсе не как предпосылка для вывода, а как контрольные положения для проверки наших практических достижений.

Кроме того, я считаю, что воспитательное средство может быть выведено только из опыта (и проверено и утверждено положениями таких наук, как психология, биология и другие).

Это мое утверждение происходит из следующего: педагогика, в особенности теория воспитания, есть прежде всего наука практически целесообразная. Мы не можем просто воспитывать человека, мы не имеем права проводить работу воспитания, не ставя перед собой определенную политическую цель. Работа воспитания, не вооруженная ясной, развернутой, детально известной целью, будет работой аполитичного воспитания, и в нашей общественной советской жизни мы на каждом шагу встречаем доказательства в подтверждение этого положения. Большой, огромный, исключительный даже в мировой истории успех имеет в воспитательной работе Красная Армия. Потому такой большой, огромный успех, что воспитательная работа Красной Армии всегда до конца целесообразна; и воспитатели Красной Армии всегда знают, кого они хотят воспитать, чего они хотят добиться. А лучшим примером нецелелеустремленной педагогической теории является почившая недавно педология. В этом

смысле педология может рассматриваться как полная противоположность советского воспитательного устремления. Это была воспитательная работа, не снабженная целью.

Откуда же может вытекать цель воспитательной работы? Конечно, она вытекает из наших общественных нужд, из стремлений советского народа, из целей и задач нашей революции, из целей и задач нашей борьбы. И поэтому формулировка целей, конечно, не может быть выведена ни из биологии, ни из психологии, а может быть выведена только из нашей общественной истории, из нашей общественной жизни.

При этом я думаю, что вообще установить такое отношение к биологии и психологии в подтверждение воспитательного метода сейчас невозможно. Эти науки развиваются, и, вероятно, в ближайшее десятилетие и психология и биология дадут точные положения о поведении человеческой личности, и тогда мы сможем больше опираться на эти науки. Отношение наших общественных нужд, наших общественных целей социалистического воспитания к целям и данным теорий психологии и биологии должно всегда изменяться, и, может быть, даже оно будет изменяться в сторону постоянного участия психологии и биологии в нашей воспитательной работе. Но в чем я убежден твердо,— это в том, что ни из психологии, ни из биологии не может быть выведено дедуктивным путем, путем просто силлогистическим, путем формальной логики, не может быть выведено педагогическое средство. Я уже сказал, что педагогическое средство должно выводиться первоначально из нашей общественной и политической цели.

Вот в области цели, в области целесообразности я убежден, что педагогическая теория погрешила прежде всего. Все ошибки, все уклоны в нашей педагогической работе происходили всегда в области логики целесообразности. Условно будем называть это ошибками.

Я вижу в педагогической теории три типа этих ошибок: это тип дедуктивного высказывания, тип этического фетишизма и тип уединенного средства.

Я в своей практике очень много страдал от борьбы с такими ошибками. Берется какое-нибудь средство и утверждается, что следствие из него будет вот такое; к примеру возьмем известную вам всем историю комплекса.

Рекомендуется средство — комплексный метод преподавания; из этого средства спекулятивно, логическим путем выводится утверждение, что этот способ преподавания приводит к хорошим результатам.

Вот это следствие, что комплексный способ приводит к хорошим результатам, утвердилось до проверки опытом; но утвердилось, что результат обязательно будет хороший; в каких-то тайниках психики, где-то будет спрятан хороший результат.

Когда скромные работники-практики требовали: покажите нам этот хороший результат, — нам возражали: как мы можем открыть человеческую душу, там должен быть хороший результат, это — комплексная гармония, связь частей. Связь отдельных частей урока — она обязательно в психике человека должна отложиться положительным результатом.

Значит, проверка опытом здесь и логически не допускалась.

И получался такой круг: средство хорошее — должен быть хороший результат, а раз хороший результат — значит, хорошее средство.

Таких ошибок, проистекающих из преобладания дедуктивной логики, не опытной логики, было много.

Много было ошибок и так называемого этического фетишизма. Вот вам, например, трудовое воспитание.

И я в том числе тоже погрешил такой ошибкой. В самом слове труд столько приятного, столько для нас священного и столько оправданного, что и трудовое воспитание нам казалось совершенно точным, определенным и правильным. А потом оказалось, что в самом слове «труд» не заключается какой-либо единственно правильной, законченной логики. Труд сначала понимался как труд простой, как труд самообслуживания, потом труд как трудовой процесс бесцельный, непроизводительный — упражнение в трате мускульной энергии. И слово «труд» так освещало логику, что казалась она непогрешимой, хотя на каждом шагу обнаруживалось, что непогрешимости настоящей нет. Но настолько верили в этическую силу самого термина, что и логика казалась священной. А между тем мой опыт и многих школьных товарищей показал, что вывод какого-либо средства из этической окраски самого термина невозможен, что и труд в применении к воспитанию может быть организован разнообразно

и в каждом отдельном случае может дать различный результат. Во всяком случае труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим положительного результата.

Труд как воспитательное средство возможен только как часть общей системы.

И, наконец, еще одна ошибка — это тип уединенного средства. Очень часто говорят, что такое-то средство обязательно приводит к таким-то результатам. Одно средство. Возьмем как будто бы на первый взгляд самое несомненное утверждение, которое часто высказывалось на страницах педагогической печати, — вопрос о наказании. Наказание воспитывает раба — это точная аксиома, которая не подвергалась никакому сомнению. В этом утверждении, конечно, были и все три ошибки. Тут была ошибка и дедуктивного предсказания, и ошибка этического фетишизма. В наказании логика начиналась от самой окраски этого слова. И, наконец, была ошибка уединенного средства — наказание воспитывает раба. А между тем я убежден, что никакое средство нельзя рассматривать отдельно взятое от системы. Никакое средство вообще, какое бы ни взяли, не может быть признано ни хорошим, ни плохим, если мы рассматриваем его отдельно от других средств, от целой системы, от целого комплекса влияний. Наказание может воспитывать раба, а иногда может воспитывать и очень хорошего человека, и очень свободного и гордого человека. Представьте себе, что в моей практике, когда стояла задача воспитывать человеческое достоинство и гордость, то я этого достигал и через наказание.

Потом я расскажу, в каких случаях наказание приводит к воспитанию человеческого достоинства. Конечно, такое следствие может быть только в определенной обстановке, т. е. в определенном окружении других средств и на определенном этапе развития. Никакое средство педагогическое, даже общепринятое, каким обычно у нас

считается и внушение, и объяснение, и беседа, и общественное воздействие, не может быть признано всегда абсолютно полезным. Самое хорошее средство в некоторых случаях обязательно будет самым плохим. Возьмите даже такое средство, как коллективное воздействие, воздействие коллектива на личность. Иногда оно будет хорошо, иногда плохо. Возьмите индивидуальное воздействие, беседу воспитателя с глаза на глаз с воспитанником. Иногда это будет полезно, а иногда вредно. Никакое средство нельзя рассматривать с точки зрения полезности или вредности, взятое уединенно от всей системы средств. И, наконец, никакая система средств не может быть рекомендована как система постоянная.

Вот я вспоминаю историю коллектива коммуны им. Дзержинского. Он рос, он начинался с 28-го года коллективом мальчиков и девочек в пределах восьмого класса. Это был здоровый веселый коллектив, но это не был коллектив 1935 г., когда он состоял из молодежи до 20 лет и имел большую комсомольскую организацию. Конечно, такой коллектив требовал совершенно иной системы воспитания.

Я лично убежден в следующем: если мы возьмем обычную советскую школу, дадим ее в руки хороших педагогов, организаторов, воспитателей и эта школа будет жить 20 лет, то в течение этих 20 лет в хороших педагогических руках она должна пройти такой значительный путь, что система воспитания в начале и в конце должна сильно отличаться одна от другой.

В общем педагогика есть самая диалектическая, подвижная, самая сложная и разнообразная наука. Вот это утверждение и является основным символом моей педагогической веры. Я не говорю, что так уже я все проверил на опыте, вовсе нет, и для меня есть еще очень много неясностей, неточностей, но я это утверждаю как рабочую гипотезу, которую во всяком случае надо проверить. Для меня лично она доказана моим опытом, но, конечно, ее надо проверить большим советским общественным опытом.

Между прочим, я убежден, что логика того, что я сказал, не противоречит и опыту наших лучших советских школ и очень многих наших лучших детских и недетских коллективов.

Вот эти общие предварительные замечания, на которых я хотел остановиться.

Теперь перейдем к самому главному вопросу, к вопросу об установке целей воспитания. Кем, как и когда могут быть установлены цели воспитания и что такое цели воспитания?

Я под целью воспитания понимаю программу человеческой личности, программу человеческого характера, причем в понятие характера я вкладываю все содержание личности, т. е. и характер внешних проявлений, и внутренней убежденности, и политическое воспитание и знания, решительно всю картину человеческой личности; я считаю, что мы, педагоги, должны иметь такую программу человеческой личности, к которой мы должны стремиться.

В своей практической работе я не мог без такой программы обойтись. Ничто так человека не учит, как опыт. Когда-то мне дали в той же коммуне Дзержинского несколько сот человек, и в каждом из них я видел глубокие и опасные стремления характера, глубокие привычки, я должен был подумать — а каким должен быть их характер, к чему я должен стремиться, чтобы из этого мальчика, девочки воспитать гражданина. И когда я задумался, то увидел, что на этот вопрос нельзя ответить в двух словах. Воспитать хорошего советского гражданина — это мне не указывало пути. Я должен был прийти к более развернутой программе человеческой личности. И подходя к программе личности, я встретился с таким вопросом: что, эта программа личности должна быть одинакова для всех? Что же, я должен вгонять каждую индивидуальность в единую программу, в стандарт и этого стандарта добиваться? Тогда я должен пожертвовать индивидуальной прелестью, своеобразием, особой красотой личности, а если не пожертвовать, то какая же у меня может быть программа! И я не мог этого вопроса так просто отвлеченно разрешить, но он у меня был разрешен практически в течение десяти лет.

Я увидел в своей воспитательной работе, что да, должна быть и общая программа, «стандартная», и индивидуальный корректив к ней. Для меня не возникал вопрос: должен ли мой воспитанник выйти смелым человеком, или я должен воспитать труса? Тут я допускал «стандарт», что каждый должен быть смелым, мужественным, честным, трудолюбивым патриотом. Но как поступать, когда подходишь к таким нежным отделам личности, как та-

лант? Вот иногда по отношению к таланту, когда стоишь перед ним, приходится переживать чрезвычайные сомнения. У меня был такой случай, когда мальчик окончил десятилетку. Его фамилия Терентюк. Он очень хорошо учился — на пятерках (у нас в школе была пятибалльная система), потом пожелал пойти в технологический вуз. Я в нем открыл большой артистический талант раньше этого, причем талант очень редкой наполненности комика, чрезвычайно тонкого, остроумного, обладающего прекрасными голосовыми связками, богатейшей мимикой, умного такого комика. Я видел, что именно в области актерской работы он может дать большой результат, а в технологическом училище он будет средним студентом. Но тогда было такое увлечение, что все мои «пацаны» хотели быть инженерами. А уж если заведешь речь о том, чтобы идти в педагоги, так прямо в глаза смеялись: «Как это, сознательно, нарочно идти в педагоги?» — «Ну, иди в актеры». — «Да что вы, какая это работа у актера?» И вот он ушел в технологический институт при моем глубочайшем убеждении, что мы теряем прекрасного актера. Я сдался, я не имею права, в конце концов, совершать такую ломку. Но здесь я не удержался. Он проучился полгода, участвовал в нашем драматическом кружке. Я подумал-подумал и решился: вызвал его на собрание коммунаров, говорю, что вношу жалобу на Терентюка, — он не подчинился дисциплине и ушел в технологический вуз. На общем собрании говорят: «Как тебе не стыдно, тебе говорят, а ты не подчиняешься». Постановили: «Отчислить его из технологического института и определить в театральный техникум». Он ходил очень грустный, но не подчиниться коллективу он не мог — он получал стипендию, общежитие в коллективе. И сейчас он прекрасный актер, уже играет в одном из лучших дальневосточных театров, в два года он проделал путь, который люди делают в 10 лет. И сейчас он мне очень благодарен.

Но все-таки, если бы теперь передо мной стояла такая задача, я бы боялся ее решить, — кто его знает, какое я имею право произвести насилие? Вот право производить такую ломку — вопрос для меня не решенный. Но я глубоко убежден, что перед каждым педагогом такой вопрос будет вставать — имеет ли право педагог вмешиваться в движение характера и направлять туда, куда надо, или он должен пассивно следовать за этим характером? Я

считаю, что вопрос должен быть решен так: имеет право. Но как это сделать? В каждом отдельном случае это надо решать индивидуально, потому что одно дело — иметь право, а другое дело — уметь это сделать. Это две различные проблемы. И очень возможно, что в дальнейшем подготовка наших кадров будет заключаться в том, чтобы учить людей, как производить такую ломку. Ведь учат врача, как производить трепанацию черепа. В наших условиях, может быть, будут учить педагога, как такую «трепанацию» производить, — может быть, более тактично, более успешно, чем я это сделал, но как, следуя за качествами личности, за ее наклонностями и способностями, направить эту личность в наиболее нужную для нее сторону.

Перейдем к изложению тех практических форм, которые в моем опыте и в опыте других моих коллег, я считаю, наиболее удачно воплощались в воспитательной работе. Главнейшей формой воспитательной работы я считаю коллектив. О коллективе, как будто бы, и много писалось в педагогической литературе, но писалось как-то мало вразумительно.

Что такое коллектив и где границы нашего вмешательства в коллектив? Я сейчас наблюдаю очень много школ — и здесь в Москве, и в Киеве приходится бывать — и я не всегда вижу коллектив учеников. Иногда удается видеть коллектив классный, но мне почти никогда не приходилось видеть коллектив школы.

Я вам расскажу сейчас о моем коллективе, воспитанном мною и моими товарищами. Имейте в виду, что я был в иных условиях, чем школа, потому что у меня ребята жили в общежитии, работали на производстве, в подавляющем большинстве не имели семьи, т. е. не имели другого коллектива. И естественно, в моем распоряжении были бóльшие средства коллективного воспитания, чем в школе. Но я не склонен к уступкам только на том основании, что были лучшие условия. В свое время у меня была школа, школа заводская — вагонного завода, и я все-таки там имел коллектив школьников.

В школьной практике, направляемой в свое время старым руководством Наркомпроса, я вижу очень странные явления, для моей педагогической души совершенно непонятные. К примеру. Вчера я был в одном парке

культуры и отдыха, где есть районный пионерский городок. В этом же районе есть дом, отдельный дом имени Павлика Морозова. И в этом же районе есть 13 школ. И я вчера видел, как эти три учреждения — школа, пионерский дворец и специальный дом имени Павлика Морозова — растаскивают детей по разным коллективам. У детей нет коллектива. В школе он — в одном коллективе, в семье — в другом, в пионергородке — в третьем, в доме Павлика Морозова — в четвертом. Он бродит между коллективами и может выбирать утром один, вечером другой, в обед — третий. Я вчера был свидетелем такого события: в пионерском городке — танцевальный кружок, называется он несколько по-старому — ритмический: ну, просто танцуют. Комсорг одной школы заявил: «Мы не будем пускать наших девочек в ритмический кружок». Директор школы бьет себя в грудь: «Вы подумайте! Комсорг заявил, что он не будет пускать!» Директор вытащил комсорга на общественный суд. «Вот так и так, смотрите, что он делает». А комсорг на своем: «Не пущу!» — Конфликт. А я вспомнил другой конфликт, у себя в коммуне, такого же типа. Были у нас самые разнообразные кружки и очень серьезные, были свои настоящие планы, кавалерийская секция... И вот один мальчик, очень хороший мальчик, пионер, через пионерскую организацию вошел в Харьковский дворец пионеров и там участвовал в арктических исследованиях, проявил там себя хорошо, и его пионерский дворец премировал командировкой в Мурманск вместе с другими ребятами. Этот мальчик, Миша Пекер, в коммуне говорит:

— Вот я еду в Мурманск.

Кто-то из старших спрашивает:

— Куда ты едешь?

— В Мурманск.

— Кто тебя отпускает?

— А меня командирует дворец!

На общем собрании старшие коммунары заявили:

— Пусть Миша Пекер даст объяснения, кто его командирует и куда он едет.

Тот сказал:

— Да, я еду в Мурманск исследовать Арктику, и меня командирует пионерский дворец.

Крик общий:

— Как смеет пионерский дворец тебя командировать! А, может быть, мы тебя завтра в Африку командидуем. Во-первых, у нас — поход по Волге, а ты у нас играешь на кларнете, а во-вторых, если бы даже ты не играл, что ты латаешься? Ты и тут служишь и там служишь. Нет, никуда ты не поедешь. Раньше должен был у нас на общем собрании спросить, можно ли тебе там премии всякие получать или нет!

Миша подчинился собранию. Но узнали об этом пионерская и комсомольская организации, пионерский дворец: «Что такое в коммуне Дзержинского делается? Мы командидуем человека в Арктику, а тут говорят: ты будешь играть на кларнете, потому что будет поход по Волге. Дело дошло до ЦК украинского комсомола. Но все было решено, собственно говоря, практически, потому что комсомольская организация коммуны заявила: если Миша должен ехать, мы его, конечно, за полы держать не будем, мы ему выдадим стипендию и т. д., пожалуйста, переходи в пионерский дворец и будь членом дворца... А если нам нужно будет, мы и сами пошлем в Арктику, кого нужно, произвести нужные исследования и поможем завоеванию Северного полюса. На данном отрезке времени, в данную эпоху это не входит в нашу программу. А что вы говорите Шмидт, Шмидт, но мало ли что — Шмидт ездит на Север, но весь Союз не ездит на Север, и поэтому доказывать, что каждый человек должен ехать в Арктику, нельзя. Очевидно, Миша хотел спорить, но ему сказали, что довольно, «пошумел и перестань». И Миша сказал: «Я и сам не хочу».

Вот другой вопрос. Я был в нескольких лагерях под Москвой. Это хорошие лагеря, в них приятно побывать, и, конечно, это прекрасные оздоровительные учреждения. Но я удивился, что в этих лагерях собираются дети разных школ, а я этого не понимаю. Я считаю, что тут нарушена какая-то гармония воспитания. Мальчик состоит в определенном школьном коллективе, а лето он проводит в сборном коллективе. Значит, его школьный коллектив никакого участия в организации его летнего отдыха не принимает. И как видите, в пионерском дворце и других местах, как я вам говорил, чувствуются трения, скрип. Я понимаю, отчего этот скрип происходит.

Правильное, советское воспитание должно быть организовано путем создания единых, сильных, влиятельных коллективов. Школа должна быть единым коллективом, в котором организованы все воспитательные процессы, и отдельный член этого коллектива должен чувствовать свою зависимость от него — от коллектива, должен быть предан интересам коллектива, отстаивать эти интересы и в первую очередь дорожить этими интересами. Такое же положение, когда каждому отдельному члену предоставляется выбор искать себе более удобных и более полезных людей, не пользуясь для этого силами и средствами своего коллектива,— такое положение я считаю неправильным. А это приводит к каким результатам? Пионерские дворцы во всех городах работают прекрасно, в Москве особенно хорошо. Можно аплодировать очень многим работникам и методам работы пионерского дворца. Несмотря на то, что они так хорошо работают и наше общество помогает им так хорошо работать, это дает возможность некоторым школам уклоняться от всякой дополнительной работы. Во многих школах нет таких кружков, которые есть в пионерских дворцах. В общем внешкольная работа действительно делается «внешкольной», и школа считает себя вправе отказаться от нее. А предлоги, безусловно, найдутся: у нас зала нет, у нас ассигнований нет, у нас специалиста-работника нет и т. д. Я являюсь сторонником такого коллектива, в котором весь воспитательный процесс должен быть организованным.

Я лично представляю себе систему таких мощных, сильных, оборудованных, прекрасно вооруженных коллективов. Но это только внешние рамки организации коллектива...

Этот же пионерский дворец, детский клуб, так сказать, может работать наряду со школой, но организация работы в нем должна принадлежать все-таки школе. Школы должны отвечать за эту работу, они там должны объединяться в работе. Комсорг, который возражает против участия девочек в ритмическом кружке, прав. Если комсорг отвечает за воспитание детей своего коллектива, то он должен интересоваться и отвечать за то, что делают его дети в пионерском дворце. Такое разбивание воспитательного процесса между различными учреждениями и лицами, не связанными взаимной

ответственностью и единоначалием, не может принести пользы.

Я понимаю, что единый детский коллектив, прекрасно оборудованный и вооруженный, конечно, будет стоить дороже, но очень возможно, что более стройная организация детских коллективов тоже приведет к некоторой экономии средств.

Это все касается самой сетки коллективов. Я, одним словом, склонен настаивать, что единым детским коллективом, руководящим воспитанием детей, должна быть школа. И все остальные учреждения должны быть подчинены школе...

Я убежден, что если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способа его организации. Перед каждым коллективом должна быть поставлена общая коллективная цель,— не перед отдельным классом, а обязательно перед целой школой.

Мой коллектив был 500 человек. Там были дети от 8 до 18 лет, значит, ученики первых и десятых классов. Они, конечно, отличались друг от друга очень многими особенностями. Во-первых, старшие были более образованны, более производственно квалифицированы и более культурны. Младшие были ближе к беспризорности, неграмотны, конечно. И, наконец, были обычные дети. Тем не менее, все эти 500 человек в последние годы моей работы составляли действительно единый коллектив. Я ни разу не позволил себе лишиться права члена коллектива и голоса ни одного коммунара, вне зависимости от его возраста или развития. Общее собрание членов коммуны было действительно реальным, правящим органом.

Вот это общее собрание, как правящий орган коллектива, вызвало со стороны моих критиков и начальников протесты, сомнения. Говорили: нельзя позволять такому большому собранию решать вопросы, нельзя доверять толпе детей руководство коллективом. Это, конечно, правильно. Но в этом-то и дело,— надо добиться такого положения, когда это была бы не толпа детей, а общее собрание членов коллектива.

Чрезвычайно много путей и средств для того, чтобы толпу обратить в общее собрание. Это нельзя делать как-нибудь искусственно, и это нельзя сделать в один месяц. Вообще погоня за скороспелыми результатами в этом случае всегда будет печальна. Если мы возьмем

школу, где нет никакого коллектива, где все разрознено, где в лучшем случае каждый класс живет обособленной жизнью и встречается с другими классами, как мы на улице встречаемся с обычной публикой, то, чтобы из такого аморфного собрания детей сделать коллектив,— конечно, нужна длительная (не год и не два), настойчивая и терпеливая работа. Но зато коллектив один раз создали, и если его беречь, если за ним, за его движением внимательно следить, то такой коллектив может сохраняться века. И такой коллектив, особенно в школе, где ребенок находится 8—10 лет, должен быть драгоценным, богатейшим инструментом воспитания...

Могучая сила детского коллектива, могущества почти непревзойденного, но такой коллектив легко, конечно, развалить. Ряд ошибок, ряд смен руководства могут коллектив обратить в толпу. Но чем больше коллектив живет, чем крепче он становится, тем более он склонен продолжать свою жизнь.

Здесь мы подходим к одной важной детали, на которой я хотел бы особенно настаивать. Это — традиция. Ничто так не скрепляет коллектив, как традиция. Воспитать традиции, сохранить их — чрезвычайно важная задача воспитательной работы. Школа, в которой нет традиции, советская школа, конечно, не может быть хорошей школой, и лучшие школы, которые я наблюдал, кстати, и в Москве, — это школы, которые накопили традиции. Что такое традиция? Я возражения встречал и против традиций. Старые наши педагогические деятели говорили: всякий закон, всякое правило должно быть разумно, логически понятно. А вы допускаете традицию, разум и логика которой уже исчезли. Совершенно верно, я допускал традицию. Пример. Когда я был моложе и у меня было меньше работы, я каждый день вставал в коммуне в 6 часов утра и каждый день совершал поверку, т. е. ходил в спальню вместе с дежурным командиром отряда, и меня встречали салютом, командой «Отряд, смирно!» Я совершал поверку состава и состояния отряда на начало дня. В это время меня принимали как начальника коммуны, и, как начальник, я в таких случаях мог производить всякие разборы и налагать взыскания. Кроме меня, никто в коммуне правом наложения взысканий не пользовался, конечно, кроме общих собраний. Но вот я потерял возможность бывать каждый день на по-

верке. Первый раз я уведомил, что я завтра быть не могу и поверку примет дежурный командир.

Постепенно эта форма стала обыкновенной. И вот установилась традиция: дежурный командир в момент проверки встречался как начальник. В первое время это было понятно, а потом это утерялось. И новенькие знали, что командир имеет право налагать взыскания, а почему — не понимали. Старые-то это помнили. Командир говорил: «Получи два наряда!» И ему отвечали: «Есть, два наряда». А если бы в другое время дня или ночи этот командир предъявил такие права, ему бы сказали: «Ты кто такой?» А эта традиция сохранилась и очень крепила коллектив.

Другая традиция, тоже потерявшая свою логику. Когда-то давно был конфликт. Дежурный командир вечером, отдавая рапорт, заявил: «А Иванов нарушил дисциплину за обедом». А Иванов сказал: «Ничего подобного, я не нарушал». Я, проверив дело, сказал, что, по моему мнению, он не нарушал. И другие были за это. А дежурный командир настаивал на своем. Я оставил дело без последствий. Дежурный командир обжаловал мое решение в общем собрании. Он заявил: «Антон Семенович не имел права проверять мои слова: я не просто сказал ему на ушко, я ему отдавал рапорт, стоял «смирно», с салютом, в присутствии всех других командиров. В таком случае, раз он не доверяет моему рапорту, он не должен доверять и дежурство. Если он каждый мой рапорт будет проверять следственными показаниями, тогда к чему дежурить?»

Общее собрание постановило: Антон Семенович не прав, рапорт дежурного командира не проверяется. Вот, если шепчут на ухо, тогда, пожалуйста, можно проверить. И в течение 10 лет это было законом. Что угодно можно было говорить в течение дня, а когда отдается рапорт, то это уже действительно верно: он же, салютуя, поднял руку, значит, это верно, это правда, а если ты в самом деле ни в чем не был виноват, то считай про себя, что командир ошибся.

И эта прекрасная традиция так въелась, что стало легко работать. Во-первых, ни один дежурный командир не позволяет себе соврать, потому что он знает, что ему должны верить, а во-вторых, не надо тратить время и энергию на проверку. Может быть, дежурный командир

действительно ошибся, но несчастный потерпевший должен подчиниться. И когда один комсомолец поднял разговор — что это за правило такое, надо его отменить, потому что я действительно на работу не опаздывал, а дежурный в рапорте заявил, что я опоздал на 10 минут, и мне сказал, что проверки не может быть, — ему объяснили, что, может быть, ты и прав, ты действительно ходил за резцами, но для нас и для тебя дорожке твоей правоты дисциплина и доверие к дежурному командиру, так что ты своей правотой пожертвуй; если мы будем каждого дежурного проверять, что он говорит, так это будет не дежурный, а холуй, а нам нужен дежурный — командир. Таких традиций в моем коллективе было очень много, просто сотни. И я их не знал всех, но ребята их знали. И ребята знали их незаписанными, узнавали какими-то щупальцами, усиками. Так надо делать. Почему так? Так старшие делают. Этот опыт старших, уважение к логике старших, уважение к их труду по созданию коммуны и, самое главное, уважение к правам коллектива и его уполномоченных — это чрезвычайно важные достоинства коллектива, и, конечно, они поддерживаются традициями. Такие традиции украшают жизнь ребят. Живя в такой сетке традиций, ребята чувствуют себя в обстановке своего особенного коллективного закона, гордятся им и стараются его улучшать. Без таких традиций я считаю невозможным правильное советское воспитание. Почему? Потому что невозможно правильное воспитание без могучего коллектива, уважающего свое достоинство и чувствующего свое коллективное лицо.

Я мог бы назвать очень много интересных традиций и примерно назову несколько. Вот тоже традиция, и тоже смешная. Дежурный член санкома каждый день дежурит, носит красный крест на руке и имеет большие права, права диктатора, он может любому из комсомольцев или членов коллектива предложить встать из-за стола и пойти помыть руки, и тот должен подчиниться; он может зайти в любую квартиру: инженера, сотрудника, педагога, доложить на общем собрании, что в квартире такого-то педагога грязь. Причем постановили — никогда не разбираться, какая грязь: у того — вода налита, у того — пыль на подоконнике, у того — пыль на спинке стула. Постановили никогда не рапортовать подробно, не описывать беспорядка, а просто одно слово — грязь. Этого

было совершенно достаточно для того, чтобы возбудить преследование против нее. И вот по традиции этот «диктатор» — я даже не помню, откуда это взялось — выбирался обязательно из девочек, обязательно девочка, обязательно младшая и обязательно чистюлька. Например, предлагают такую-то, говорят: «Да что вы, ведь ей уже 17 лет». И никто не понимает, почему 17-летнюю нельзя выбрать в члены ДЧСК. — «Да она прошлый раз выходила, у нее чулок спустился — поэтому нельзя». Почему обязательно девочка? Говорят, что хлопец не всегда сам может убрать как следует, а во-вторых, логика говорит, что девчата злей. Уж если девочка скажет, то она никому — ни другу, ни недругу не спустит. Я боролся против этого: «Как не стыдно, почему вы лишаете мужчин такого права, что значит чистюлька она или не чистюлька». Все равно, со мной согласны, но как выборы — выдвинешь кандидатуру комсомолки, — нет — все против, давай пионерку. Пионерку выдвинут такую, что совсем ребенок, куда уж ей доверять такую работу. «Нет, — говорят, — подходящая». И эти самые ДЧСК были варварами, житья от них не было, от такой 12-летней девочки не было покоя в течение дня никому — и за обедом, и на работе, и в спальне, и везде. И ругают ее. «Жить невозможно. Ищет-ищет она пыль в спальне, никакой пыли нет, — так она перевернет стул и говорит:

— А что это?

— Волосок прицепился».

И она пишет в рапорте, что в 15-й спальне грязь. И нельзя ничего сказать, потому что это правда. А эта Нина — ребенок, она говорит: «Ты вот причесывался, волосы у тебя летели, так что, я должна тебя прикрывать?»

Отчитывается такой ребенок, взрослые парни смотрят на нее. Она говорит, что было столько-то обходов квартир, столько-то сообщений и т. д. «Хорошая работа?» — «Хорошая». И опять ее выбирают, забыв, что сами от нее страдали.

Это традиция. Коллектив чувствовал, что именно таким маленьким девочкам, наиболее педантичным, наиболее чистым, честным, не склонным ни к каким увлечениям, ни сердечным, ни иным, — именно им надо поручать такую работу. И эта традиция была такой глубокой, что и на комсомольском бюро говорили: «Нет, этот не подойдет; вот такую Клаву давайте, она маленькая, чистенькая, будет работать».

И дети— удивительные мастера создавать такие традиции. Надо признать, что в создании традиций нужно использовать какой-то маленький инстинктивный консерватизм, но консерватизм хорошего типа, т. е. доверие к вчерашнему дню, к нашим товарищам, создавшим какую-то ценность и не желающим эту ценность разрушать сегодняшним моим капризом.

Среди таких традиций особенно я ценю традицию военизации — игры... Это не должно быть повторением закона военной части. Ни в коем случае не должно быть подражания, копировки.

Я являюсь противником того, чем увлекаются некоторые молодые педагоги — это постоянным маршем: в столовую идут — маршируют, на работу идут — маршируют, всегда маршируют. Это некрасиво и не нужно. Но в военном быту, особенно в быту Красной Армии, есть много красивого, увлекающего людей, и в своей работе я все более и более убеждался в полезности этой эстетики. Ребята умеют еще больше украсить эту «военизацию», сделать ее более детской и более приятной. Мой коллектив был военизирован до некоторой степени. Во-первых, терминология несколько военная, например, «командир отряда». Терминология имеет важное значение. Я, например, не совсем согласен, что можно школу называть неполной средней школой. Мне кажется, что об этом нужно подумать. Что значит: ученик учится в школе, а его школа называется неполная средняя школа? Такое усеченное название. Само название должно быть для него привлекательным. Я обращал внимание на эту терминологию. И когда я предлагал назвать — бригадир бригады, то ребята говорили, что это не то. Что такое бригадир бригады — бригадир на производстве, а у нас в отряде должен быть командир. Но ведь ты то же самое будешь делать. Нет, как сказать, я могу и приказать, а бригадир прикажет, ему скажут: ты не командир, а бригадир. В детском коллективе чрезвычайно красиво организуется единоначалие.

Такой термин, как рапортовать. Конечно, можно было бы и просто получить отчет мальчика, но я считаю, что их очень увлекает некоторая законность этого отчета. Законность такая: командир на отчет должен прийти в форме, не в спецовке, не в том платье, в котором он может пробегать целый день. На отчете, когда один коман-

дир отдает рапорт, он должен салютовать, и я не имею права принимать рапорт сидя, и все присутствующие должны салютовать. И все прекрасно знают, что, поднимая руку, все отдают привет работе отряда, всего коллектива. Это подчеркивает честь, ту самую трудовую честь, о которой говорил товарищ Сталин.

Потом многое можно ввести из военного быта в самый быт коллектива, в движение его. Например, в коммуне была прекрасная традиция начала общих собраний. Общее собрание должно было всегда открываться только дежурным командиром, причем удивительно, эта традиция была так велика, что когда в коммуну приезжало большое начальство, нарком включительно, то все равно никому не позволяли открывать общее собрание, только дежурному командиру. Причем собрание все десять лет по традиции обязательно имело определенный регламент. Сигнал для сбора общего собрания давался на трубе. После этого оркестр, который помещался на балконе, играет три марша. Один марш для слуха, можно было сидеть, разговаривать, приходить, уходить. Когда заканчивался третий марш, я обязан был быть в зале, и я чувствовал, что я не мог не явиться: если бы я не явился, меня бы обвинили, что я нарушаю порядок. Когда кончается марш, я обязан скомандовать: «Встать под знамя! Смирно!» — причем я не вижу, где знамя, но я уверен, что оно близко, и что, когда я скомандую, его внесут. И когда вносят знамя, все обязательно встают, и оркестр играет специальный знаменный салют; когда знамя поставлено на сцену, собрание считается открытым; входит немедленно дежурный и говорит: «Собрание открыто».

И в течение 10 лет ни одно собрание иначе не открывалось, и если бы оно открылось иначе, стали бы говорить, что у нас беспорядок, что у нас черт знает что происходит и т. д.

Вот эта традиция украшает коллектив, она создает для коллектива тот внешний каркас, в котором красиво можно жить и который поэтому увлекает. Красное знамя — это прекрасное содержание для такой традиции.

По той же традиции знаменщик и ассистенты знамени выбирались общим собранием из самых лучших и достойных коммунаров и выбирались «до конца жизни», как говорили, т. е. пока ты живешь в коммуне. Знаменщика нельзя было наказать никакими наказаниями, знамен-

щики имели отдельную комнату, они имели лишний парадный костюм, и нельзя было, когда он стоял со знаменем, называть его «на ты».

Откуда взялась эта традиция, я тоже не знаю; но то, что знаменщик — самое почетное лицо в коммуне, доказывается тем, что у меня только один из коммунаров получил орден за заслуги военного характера, и это был знаменщик.

Почет знамени в школе — богатейшее воспитательное средство. В коммуне им. Дзержинского этот почет выражался и в том, что если в комнате стоит знамя, которое по случаю ремонта надо вынести в другое помещение, то нельзя было сделать иначе, как построить весь коллектив, вызвать оркестр и торжественно перенести знамя в другое помещение.

Мы прошли почти всю Украину, Волгу, Кавказ, Крым, и Красное знамя ни одной минуты не оставалось без караула. Когда об этом узнавали мои приятели-педагоги, они говорили: «Что вы делаете? Ночью мальчикам надо спать. У вас оздоровительная кампания, поход, а они стоят у вас ночами у знамени».

Мы говорили на разных языках. А я не понимал, как это можно в походной обстановке оставить знамя без караула.

При входе в коммуну всегда стоял часовой с исправной винтовкой. Я даже боюсь об этом говорить. Патронов у него, конечно, не было, но он имел большую власть. Часто стоял тринадцати-четырнадцатилетний мальчик. Стояли по очереди. Он каждого постороннего проверял при входе — кто он такой, что ему нужно, зачем он идет, и имел право преградить ему путь винтовкой. Ночью двери в коммуну не запирались, он стоял тоже на часах, иногда трусил и боялся, но все равно стоял свои два часа. И вот один раз приехала из Украинского Наркомпроса одна из педагогичек с чекистом. Между ними произошел интересный разговор: «Что же, он так и стоит?» — «Так и стоит». — «Ему скучно. Книжку дали бы ему почитать». Он говорит: «Как, часовому книжку читать?» — «Но как же, нужно время использовать и развитие получать». Разные люди: она поражена тем, что часовой ничего не делает, а чекист поражен предположением, что часовой может читать на посту книжку. По-разному поражены. И эта организация — это необходимая функция, и воспитывающая функция коллектива.

Было правило, тоже традиция: нельзя сходить по лестнице, держась за перила. Я знаю, откуда это пошло. Лестница хорошего дома, лестницу начали вытаптывать, там, где перила,— там и вытаптывают, и постановили ребята: чтобы сберечь лестницу, не нужно ходить возле перил.

Но забыли об этом. Пришли новенькие. «Почему нельзя держаться?» Им говорят: «Ты должен надеяться на свой позвоночный столб, а не на перила». А вначале имели в виду не укрепление позвоночного столба, а бережение лестницы.

Должна быть эстетика военного быта, подтянутость, четкость, но ни в коем случае не просто шагистика.

Что касается военной подготовки, то она идет, не вполне совпадая с этой эстетикой. Это стрелковый спорт, кавалерийский спорт и военное дело. А это — четкость, эстетика, и в детском обществе она совершенно необходима, в особенности она хороша потому, что сохраняет силы коллектива, сохраняет от неразборчивых, неладных движений, от разболтанности движений, от разбро-санности их.

В этом смысле чрезвычайно важное значение имеет форма. Вы это лучше меня знаете, и на этот счет есть определенная точка зрения и Наркомпроса, и партии, и об этом я говорить не буду. Но форма хороша только тогда, когда она красива, когда она удобна. Мне пришлось в связи с формой очень много пережить разных неприятностей и неудач, пока я пришел к более или менее удобной и красивой форме.

Но что касается формы — я готов идти дальше. Я считаю, что дети должны быть так красиво, так красочно одеты, чтобы они вызвали удивление. В старые века красиво одевались войска. Это было пышностью привилегированных классов. У нас таким привилегированным слоем общества, который имеет право красиво одеваться, должны быть дети. Я не остановился бы ни перед чем, я бы дал каждой школе очень красивую форму. Это очень хороший клей для коллектива. В известной мере я шел по этому направлению, но меня подстригали. У меня были вензели золотые и серебряные, расшитые тубетейки, отглаженные белые пикейные воротники и т. д. Коллектив, который вы хорошо одеваете, на 50% у вас в руках.

Лекция вторая

ДИСЦИПЛИНА, РЕЖИМ, НАКАЗАНИЯ И ПООЩРЕНИЯ

Сегодня я предложу тему — дисциплина, режим, наказания и поощрения. Еще раз я вам хочу напомнить, что мои положения вытекают исключительно из моего личного опыта, который проходил в несколько особых условиях, главным образом в колониях и коммунах для правонарушителей. Но я убежден, что не только отдельные выводы, но общая система моих находок может быть применена и к нормальному детскому коллективу. В частности, логика здесь такая.

Из моих 16 лет работы во главе учреждения правонарушительского я последние 10, а может быть и 12 лет, считаю работой нормальной. Все дело в том, что, по моему глубокому убеждению, мальчики и девочки становятся правонарушителями или «ненормальными» благодаря «правонарушительской» или «ненормальной» педагогике. Нормальная педагогика, педагогика активная и целеустремленная, очень быстро обращает детский коллектив в коллектив совершенно нормальный. Никаких прирожденных преступников, никаких прирожденных трудных характеров нет; у меня лично, в моем опыте, это положение достигло выражения стопроцентной убедительности.

В последние годы в коммуне им. Дзержинского я вообще решительно протестовал против какой-либо мысли о том, что у меня коллектив ненормальный, коллектив правонарушительский, и поэтому те выводы и те приемы, которые я вам сегодня предложу, мне лично представляются применимыми к нормальному детству.

Что такое дисциплина? В нашей практике у некоторых учителей и у некоторых педагогов-мыслителей дисциплина иногда рисуется как средство воспитания. Я считаю, что дисциплина является не средством воспитания, а результатом воспитания, и как средство воспитания должна отличаться от режима. Режим — это есть определенная система средств и методов, которые помогают воспитывать. Результатом же воспитания является именно дисциплина.

Я при этом предлагаю дисциплину понимать несколько шире, чем она понималась до революции, — в дорево-

люционной школе и в дореволюционном обществе дисциплина была внешним явлением. Это была форма властвования, форма подавления личности, личной воли и личных стремлений, наконец, в известной мере это был метод властвования, метод приведения личности к покорности по отношению к элементам власти. Так рассматривалась дисциплина и всеми нами, кто пережил старый режим, кто был в школе, в гимназии, в реальном училище, и все знают, что и мы, и учителя также смотрели на дисциплину одинаково, — дисциплина — это кодекс некоторых обязательных положений, которые необходимы для удобства, для порядка, для какого-то благополучия, чисто внешнего благополучия скорее типа связи, чем типа нравственного.

Дисциплина в нашем обществе — это явление нравственное и политическое. Вместе с тем я наблюдаю некоторых учителей, которые и теперь не могут отвыкнуть от старого взгляда на дисциплину. Человек недисциплинированный в старом обществе не рассматривался как человек безнравственный, как человек, нарушающий какую-то общественную мораль. Вы помните, что в старой школе такая недисциплинированность рассматривалась нами и товарищами, как некоторое геройство, как некоторый подвиг или во всяком случае как некоторое острое, веселящее представление. Всякая проказливость не только учениками, но даже и самими учителями не рассматривалась иначе, как проявление какой-то живости характера или проявление какого-то революционного порядка.

В нашем обществе недисциплинированность, недисциплинированный человек — это человек, выступающий против общества, и такого человека мы рассматриваем не только с точки зрения внешнего технического удобства, но с точки зрения политической и нравственной. Иметь такую точку зрения на дисциплину необходимо каждому педагогу, но это только тогда, когда дисциплина рассматривается как результат воспитания.

Прежде всего, как нам уже известно, наша дисциплина всегда должна быть дисциплиной сознательной. Как раз в 20-х годах, когда такой широкой популярностью пользовалась теория свободного воспитания, по крайней мере, тенденция свободного воспитания, тогда эту формулу о сознательной дисциплине расширяли, считали,

что дисциплина должна вытекать из сознания. Уже в своем раннем опыте я видел, что такая формулировка может привести только к катастрофе, т. е. убедить человека в том, что он должен соблюдать дисциплину и надеяться, что при помощи такого убеждения можно добиться дисциплины, это значит рисковать 50—60% успеха.

Определяться сознанием дисциплина не может, так как она является результатом всего воспитательного процесса, а не отдельных специальных мер. Думать, что дисциплины можно добиться при помощи каких-то специальных методов, направленных на создание дисциплины,— ошибка. Дисциплина является продуктом всей суммы воспитательного воздействия, включая сюда и образовательный процесс, и процесс политического образования, и процесс организации характера, и процесс столкновения, конфликтов, и разрешение конфликтов в коллективе, в процессе дружбы, и доверия, и всего решительно воспитательного процесса, считая здесь также такие процессы, как процесс физкультурного воспитания, физического развития и т. д.

Рассчитывать, что дисциплину можно создать только одной проповедью, одними разъяснениями,— это значит рассчитывать на результат чрезвычайно слабый.

Таким образом, воспитание дисциплины при помощи рассуждений и убеждения может обратиться только в бесконечные споры. Тем не менее, я первый настаиваю, что наша дисциплина в отличие от старой дисциплины, как явление нравственное и политическое, должна сопровождаться сознанием, т. е. полным пониманием того, что такое дисциплина и для чего она нужна.

Каким способом можно достигать этой сознательной дисциплины?..

В нашей школе нет теории морали, нет такого предмета, нет такого лица, которое бы эту теорию морали преподавало или было бы обязано по известной программе сообщать детям.

В старой школе был закон божий, предмет, отрицаемый не только учениками, но сплошь и рядом и самими батюшками, которые относились к нему, как к чему-то не заслуживающему уважения, но вместе с тем в нем было много моральных проблем, которых так или иначе касались на занятиях. Другой вопрос, это теория имела

положительный результат или нет, но в известной мере проблематика моральная проходила перед учениками в теоретическом изложении, т. е. говорилось — «нельзя красть, нельзя убивать, нельзя оскорблять, нужно уважать старших, уважать родителей», и такие отделы морали, христианской морали, которая рассчитывала на веру и на религиозное убеждение, вскрывались в теоретическом изложении, и моральные требования, хотя бы в старомодной религиозной форме, перед учениками проходили.

В своей практике я пришел к убеждению, что и для нас необходимо изложение теории морали. В наших современных школах такого предмета нет. Есть воспитательный коллектив, есть комсорги, пионервожатые, которые имеют возможность при желании систематическую теорию морали, теорию поведения ученикам преподнести.

Я уверен, что в развитии нашей школы в будущем мы необходимо придем к такой форме. В своей практике я принужден был теорию морали в определенном виде, в программном виде своим ученикам предлагать. Я сам не имел права ввести такой предмет — мораль, но я имел перед собой программу, мною лично составленную, которую я излагал моим воспитанникам на общих собраниях, пользуясь различными поводами.

Я в своем опыте даже имел уже разработанные конспекты таких бесед теоретического морального типа, имел время несколько совершенствовать свою работу в этом направлении, и я видел очень хорошие, большие результаты такой теории морали, конечно, несравненно большие, чем могли быть результаты в старой школе в руках какого-нибудь, хотя бы и просвещенного, батюшки.

Возьмем вопрос о воровстве. Мы имеем возможность теорию честности, теорию отношения к вещам чужим, своим и государственным развить с бесконечной убедительностью, с очень строгой логикой, с большой внушаемостью, и вся конкретная теория поступков по отношению к вещам, теория запрещения воровства по своей убедительности и силе не имеет сравнения со старыми разглазгованиями о том, что нельзя украсть, так как старая логика, что нельзя красть, а то бог накажет, мало кого убеждала. Она могла сотрясать представление о воровстве, но не действовать как торможение.

Сдержанность, уважение к женщине, к ребенку, к старику, уважение к себе, вся теория поступков, которые относятся к целому обществу или к коллективу, может быть предложена нашим ученикам в чрезвычайно убедительной и сильной форме.

Я считаю, что такая теория поведения, теория советского поведения, имеет настолько много данных в общественной жизни, в нашей общественной практике, в истории нашей гражданской войны, в истории нашей советской борьбы и в особенности в истории Коммунистической партии, что немного нужно усилий, чтобы такой предмет, как теория поступков, мораль, мог быть легко, красиво, убедительно предложен нашим ученикам.

Я могу утверждать, что коллектив, перед которым такая теория морали излагается, несомненно воспримет все это, и в каждом отдельном случае каждый отдельный ученик и воспитанник сам для себя найдет какие-то обязательные формы и формулы морали.

Я помню, как быстро и радостно возрождался мой коллектив в отдельных случаях и проблемах после единственной беседы на такую моральную тему. Целый ряд бесед, целый цикл таких бесед производил просто большое философское оздоровление в моем коллективе.

Какие общие положения могут служить доводом в такой теории морали?

Я пришел к следующему списку общих моральных положений. Прежде всего дисциплина как форма нашего политического и нравственного благополучия, дисциплина должна требоваться от коллектива. Нельзя рассчитывать, что дисциплина придет сама благодаря внешним мерам, приемам или отдельным разговорам. Нет, перед коллективом задачу дисциплины, цель дисциплины нужно поставить прямо, ясно и определенно.

Эти доводы, требования дисциплины подсказывают такие моменты. Прежде всего каждый ученик должен быть убежден, что дисциплина является формой для наилучшего достижения цели коллектива. Та логика достижения цели всего коллектива, утверждающая, что без дисциплины коллектив своей цели добиться не может, если она излагается четко и горячо (я против холодных рассуждений о дисциплине), такая логика будет первым камнем, положенным в основание определенной теории поступка, т. е. определенной теории морали.

Во-вторых, логика нашей дисциплины утверждает, что дисциплина ставит каждую отдельную личность, каждого отдельного человека в более защищенное, более свободное положение. Представьте себе, что это парадоксальное утверждение, что дисциплина есть свобода, понимается самими ребятами очень легко, и на практике ребята вспоминают это утверждение, на каждом шагу получают подтверждение, что оно верно, и в своих активных выступлениях за дисциплину многие говорят, что дисциплина — это свобода.

Дисциплина в коллективе — это полная защищенность, полная уверенность в своем праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности.

Конечно, в нашей общественной жизни, в нашей советской истории очень много можно найти доказательств этого положения, и сама наша революция, само наше общество является подтверждением этого закона. Мы для того и сделали революцию, чтобы личность была свободна, но форма нашего общества — это дисциплина.

Это второй тип общеморальных требований, который нужно предложить детскому коллективу, и такой тип требования помогает потом воспитателю разрешать каждый отдельный конфликт. В каждом отдельном случае нарушитель дисциплины обвиняется не только мною, но и всем коллективом в том, что он нарушает интересы других членов коллектива, лишает их той свободы, на которую они имеют право.

Между прочим, это происходит, может быть, от того, что как раз беспризорные и правонарушители, бывшие у меня, в значительном числе случаев побывали в таком детском коллективе, где нет дисциплины, и они на своей шкуре испытали всю страшную тяжесть такой бездисциплинированной жизни. Это — власть отдельных вожаков, так называемых «глотов», более старших, сильных беспризорных, которые посылали малыша на воровство и хулиганство, которые эксплуатировали этих детей, и дисциплина для этих детей, страдавших от бездисциплинированного состояния, явилась действительным спасением, действительным условием человеческого расцвета.

Я, если было бы время, рассказал бы вам об очень ярких случаях почти мгновенного человеческого возрождения благодаря тому, что мальчик попадал в дисциплинированную среду. Но я расскажу сейчас один случай.

В 1932 г. я взял на вокзале в Харькове по распоряжению НКВД со всех проходящих через Харьков скорых поездов 50 беспризорных. Я взял их в очень тяжелом состоянии. Прежде всего, что меня поразило,— они все друг друга знали, хотя я взял их с разных поездов, главным образом идущих с Кавказа и из Крыма, но они все были знакомы. Это было «курортное общество», которое разъезжало, встречалось, пересекалось и имело какие-то внутренние отношения.

Эти 50 человек, когда я их привел, помыл, постриг и так далее, на другой день передрались между собой. Оказывается, у них очень много счетов. Тот у того-то украл, тот оскорбил, тот не выполнил слова, и я сразу увидел, что в этой группе из 50 человек есть вожаки, есть эксплуататоры, есть власть имеющие и есть эксплуатируемые, подавленные. Это увидел не только я, но и мои коммунары, и мы увидели, что допустили ошибку, слив эти 50 человек, пытаясь создать из них отдельный маленький коллектив.

На другой день вечером мы их распределили между остальными 400 коммунарами, причем распределили, придерживаясь правила: кто позлее — в сильный коллектив, а тот, кто помягче — в более слабый.

Мы в течение недели наблюдали, как при встречах они старались еще сводить прежние счета. Под давлением коллектива эти счета были прекращены, но несколько человек убежало из коммуны, не будучи в состоянии перенести свои расчеты с врагами, более сильными, чем они.

В комсомольской организации мы этот вопрос крепко продискутировали и выяснили очень многие обстоятельства этой недисциплинированной жизни, этого страдания отдельной личности от отсутствия дисциплины, причем, в конце концов, воспользовавшись случаем, мы провели целую кампанию по разъяснению этого морального принципа, что дисциплина является свободой отдельной личности, и кто с наибольшей страстью, убедительностью и наибольшей слезой выступал за утверждение этого принципа, это как раз новенькие, которых я подобрал на харьковском вокзале... Они рассказывали, как трудно жить, когда нет дисциплины, они поняли за две недели новой жизни на своем примере, что такое дисциплина.

Это произошло потому, что мы подняли эту кампанию, провели дискуссию. Если бы мы об этом не говорили, они могли бы ощущать всю тяжесть бездисциплинированной жизни, но понять этого они не могли бы.

Из таких детей, пострадавших от анархии беспризорного общества, у меня вырастали наибольшие сторонники дисциплины, наиболее горячие ее защитники, наиболее преданные ее проповедники. И если я вспомню всех юношей, которые были у меня правой рукой в педагогическом коллективе, то это как раз те дети, которые в своей жизни больше всего претерпели от анархии недисциплинированного общества.

Третий пункт морального теоретического утверждения, который должен быть предложен коллективу и всегда быть ему известен и всегда направлять его на борьбу за дисциплинированность, это такой: интересы коллектива выше интересов личности. Казалось бы, вполне понятная для нас, советских граждан, теорема. Однако на практике она далеко не понятна очень многим интеллигентным, образованным, культурным и даже социально культурным людям.

Мы утверждаем, что интересы коллектива стоят выше интересов личности.

Но когда дело приходит к практическому случаю, оно решается часто как раз наоборот.

В моей жизни был такой сложный случай. В комму-не им. Дзержинского в последние годы не было воспитателей, работали педагоги-учителя, а в самом коллективе отдельных воспитателей у нас не было, и вся воспитательная работа велась старшими коммунарами, главным образом комсомольцами, причем этому помогала структура коллектива. Коллектив делился на отряды, во главе которых стояли командиры. Один из командиров отвечал за всю работу коллектива в течение дня — уборка, обед, прием гостей, порядок, чистота, вся работа школы, прием пищи и производство. Назывался он дежурный командир, носил повязку и имел очень большую власть, которая была ему необходима для единоличного руководства порядком дня. Власть заключалась в том, что его приказы должны были выполняться беспрекословно, и только вечером он мог дать отчет о всех своих приказах. Никто не имел права разговаривать с ним сидя, а должен был стоять, и никто не имел права возражать

ему в какой-либо форме. Обычно дежурным командиром был уважаемый, заслуженный товарищ, и никаких конфликтов с ним не происходило.

Однажды дежурным командиром был мальчик, которого условно назовем Ивановым. Он был комсомолец, один из видных культурных работников, член драмкружка, хороший производственник, пользовался полным уважением всех, в том числе и моим, один из старых беспризорников, имевший большой стаж правонарушений и бродяжничества, которого я лично подобрал в Симферополе.

Этот дежурный командир вечером, во время рапорта, доложил мне, что у мальчика Мезяка украден только что купленный им радиоприемник. Это был первый радиоприемник в коммуне. Мезяк заплатил за него 70 руб., которые собирал в течение полугода из своего заработка. Радиоприемник стоял около кровати в спальне и оттуда исчез. Спальня не запиралась, так как замки в коммуне были запрещены, но в течение дня вход туда был не разрешен, и коммунары не могли войти туда, так как были на работе.

По моему предложению, было созвано общее собрание, на котором дежурный командир разобрал вопрос, куда мог деваться радиоприемник. Он очень тактично вел разговор, указал, кто мог бы войти в спальню за инструментом и т. д., высказал несколько подозрений, предложил избрать комиссию, уговаривал общее собрание выяснить до конца это дело, так как было жалко Мезяка, а затем тревожил поступок — кража вещи, на которую человек полгода собирал деньги из своего заработка.

Но ничего не удалось открыть, и с тем и легли спать. Мезяк — мальчик лет 12.

Наутро ко мне пришли несколько пионеров-малышей и сообщили, что они встали в 5 часов, обследовали всю коммуну и нашли в театре под сценой радиоприемник. Они попросили освободить их от работы, чтобы понаблюдать, что там происходит.

Они стояли весь день, потом пришли ко мне и сказали прямо — радиоприемник украл Иванов, так как они видели, как он один подходил несколько раз к суфлерской будке, стоял там и что-то слушал. Больше никаких доказательств они не имели. Только то, что он стоял, не будучи дежурным командиром, у суфлерской будки и слушал.

Я сыграл ва-банк. Я позвал Иванова и говорю:

— Ты украл радиоприемник, и баста!

Он побледнел, сел на стул и говорит:

— Да, я украл.

Этот случай сделался предметом обсуждения общего собрания. Комсомол исключил его и передал дело на общее собрание коммунаров. Общее собрание происходило под председательством мальчика, которого называли «Робеспьер», он всегда предлагал одно — выгнать из коммуны. На этот раз также постановили выгнать, но постановили выгнать буквально — открыть дверь и спустить Иванова с лестницы.

Я возражал против изгнания, вспоминал всякие случаи, что и тебя хотели выгнать и тебя хотели выгнать, но ничего не добился.

Позвонил в НКВД и сообщил, что есть такое постановление общего собрания — выгнать и выгнать символически таким-то образом. Они мне ответили, что этого постановления не утвердят и что я должен добиться отмены его.

Я обладал очень большим авторитетом у коммунаров и мог добиться, чего хотел, иногда очень трудных вещей. Тут я ничего не мог сделать — они меня лишили слова в первый раз за всю жизнь коммуны.

— Антон Семенович, мы вас лишаем слова!

И кончено. Я все-таки им сказал, что они не имеют права выгнать, пока они не получают утверждения НКВД. Тут они со мной согласились и перенесли вопрос на завтра с тем, что придут представители НКВД, а они при них подтвердят свое решение.

Я имел неприятности, меня упрекали в том, что я не добился отмены постановления. На другой день несколько видных чекистов приехали в коммуны. Их встретили так:

— Вы чего приехали? Защищать Иванова?

— Нет, добиться справедливости.

И тут произошел между коммунарами и чекистами диспут о дисциплине, который может и теперь служить для меня каркасом для разработки этой важнейшей проблемы.

На общем собрании чекисты так говорили:

— Что вы хотите показать вашим постановлением? Иванов ваш передовик, ваш активист, вы его вооружили

доверием, вы ему доверили коммуны, вы подчинялись его распоряжениям беспрекословно. А теперь, когда он один раз украл, вы его выгоняете. И затем, куда он пойдет? Он пойдет на улицу, а это значит — бандит! Неужели вы так слабы, что не можете перевоспитать Иванова?

Причем сам Иванов, «бандит», в истерике бьется целый день.

С ним больше доктора возьмется, чем комсомольцы.

Показывают на него:

— Вот человек болен. Вы, такой сильный коллектив, вы перековали столько человек, неужели вы боитесь, что он плохо на вас повлияет. Ведь вас 456 человек! А он один.

Это убийственные доводы, это убийственная логика.

И вот что отвечали им коммунары, не такие опытные люди, но люди, отвечающие за свой коллектив, тот же «Робеспьер» и другие. Они говорили:

— Если Иванов пропадет — правильно. Пусть пропадет. Если бы он украл что-нибудь — одно дело. Но он был дежурным командиром, мы ему доверили коммуны, он председательствовал на общем собрании и упрашивал нас — говорите то, что знаете. Тут не воровство. Это он один нахально, цинично, нагло пошел против всех, соблазнившись 70 руб., пошел против нас, против Мезяка, который несколько месяцев собирал по 10 руб. из своего заработка. Если он пропадет, нам не жалко его!

И, во-вторых, мы с ним, конечно, справимся. Мы не боимся, но нас не это интересует. Мы потому и справимся с ним, что мы можем его выгнать. И если мы его не выгоним и другого не выгоним, тогда наш коллектив потеряет свою силу и ни с кем не справится. Мы его выгоним, а таких, как он, у нас 70 человек, и мы с ними справимся, именно потому, что мы его выгоним!

Чекисты возражали, что вы все-таки теряете члена коллектива, у вас пятно на коллективе, он пропадет. Им возражали коммунары: посмотрите на такую-то колонию, на такую-то колонию, где нет дисциплины, сколько она теряет в год. Там бежит в год 50%. Значит, если мы настаиваем так резко на дисциплине, то потеря будет меньше, мы согласны его потерять, но зато справимся с другим.

Спор шел долго, целый вечер. Наконец коммунары перестали возражать и даже аплодировали хорошим речам чекистов. Но когда дело доходило до голосования и пред-

седатель говорил: «Кто за то, чтобы выгнать Иванова?»— все сразу поднимали руки. Опять брали чекисты слово, опять убеждали, и я видел по их лицам, что они улыбаются, потому что знают, что все равно Иванова выгонят. И в 12 час. ночи постановили: выгнать именно так, как постановили вчера,— открыть двери и спустить с лестницы. Единственно, чего мы добились, что не физически выгнать, а взять под стражу и отправить в Харьков.

Так и выгнали. Конечно, потом я и другие приняли меры, чтобы Иванова отправить в другую колонию, но чтобы никто не знал, так как когда через год узнали об этом, то меня спрашивали, как это я нарушил постановление общего собрания,— мы постановили выгнать, а он ходил и хлопотал.

Этот случай явился для меня толчком, после которого я долго думал, до каких пор интересы коллектива должны стоять впереди интересов отдельной личности. И сейчас я склонен думать, что предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до конца, даже до беспощадного конца и только в этом случае будет настоящее воспитание коллектива и отдельной личности.

На эту тему я еще буду говорить. Сейчас только скажу, что этот беспощадный конец на самом деле должен быть беспощаден только в логике, т. е. физически беспощадным он может и не быть, т. е. нужно так организовать технику беспощадности, чтобы интересы коллектива стояли впереди интересов личности, но и чтобы личность не оказалась в тяжелом, катастрофическом положении.

Наконец, четвертая теорема, которая должна быть внушаема и предлагаться детям как чистая теория: дисциплина украшает коллектив. Эта сторона дисциплины — красота дисциплины, эстетика дисциплины — является очень значительной. Как раз в наших детских коллективах, насколько я знаю, делается очень мало в этом отношении. У нас порой бывает дисциплина, выражаясь беспризорным языком, «занудная», скучная, дисциплина разглагольствования, понукания, надоедания болтовней. Вопрос о том, как сделать дисциплину приятной, увлекающей, задевающей за живое, является вопросом просто педагогической техники.

Я в своей истории не так скоро пришел к окончательной форме такой красивой дисциплины, причем, конечно, здесь есть опасность, чтобы дисциплина не была

просто внешним украшением. Нужно, чтобы красота дисциплины вытекала из ее сущности.

Во всяком случае, в последнее время я имел уже у себя довольно сложную распланировку такой эстетической стороны дисциплины. Для примера приведу несколько приемов, которыми я пользовался уже не для воспитания дисциплины, а для проверки и поддержания эстетичности.

Например, опоздал завтрак. Дали сигнал на завтрак по вине кухни, или по вине дежурного, или по вине кого-нибудь из воспитанников, которые проспали — встали на 10 минут позднее. Возникает вопрос, как же поступить дальше — задержать ли сигнал на работу на 10 минут, задержать ли работу или поступиться завтраком — вопрос на практике бывает очень тяжелый.

У меня было много наемного персонала — инженеры, мастера, инструкторы, до 200 человек персонала, который также дорожит своим временем. Они пришли в 8 часов на работу, и в 8 часов я должен дать гудок. А тут завтрак запоздал на 10 минут, коммунары не выходят, и получается, что я должен задержать рабочих, инженеров. Многие живут за городом, опаздывают на поезд и т. д. И вообще тут закон точности.

Я не сомневался ни разу за последние годы, как поступить, и у ребят также не было сомнения. Опоздал завтрак. Я даю гудок ровно в 8 часов. Многие ребята бегут, некоторые еще только начинают завтракать. Я прихожу в столовую и говорю — завтрак окончен. Я прекрасно понимаю, что я их оставляю без завтрака, и прекрасно знаю, что и физически это нехорошо, и как хотите. Но тем не менее у меня ни разу сомнения не было. Если бы я поступил так с коллективом, не чувствующим красоты дисциплины, мне бы кто-нибудь сказал:

— Что же, мы голодные будем?

Мне никто никогда не говорил таких вещей. Все прекрасно понимают, что нужно так поступить, и то, что я могу войти и потребовать, показывает, что я доверяю коллективу, требуя, чтобы он не завтракал.

Как-то стали обращаться ко мне дежурные, говоря, что ребята задерживаются в спальне и не спешат придти в столовую, опаздывают на завтрак. Я никогда не поднимал по этому поводу никаких теоретических рассуждений и никому ничего не говорил. Я просто подходил

к столовой на другой день и начинал разговаривать с кем-нибудь, рядом стоящим, по совершенно другому делу, и все опаздывающие 100—150 человек, обычно старшие воспитанники, спускаясь с лестницы, не заворачивали в столовую, а прямо на завод.— «Здравствуйте, Антон Семенович!» И никто не покажет вида, что опоздал на завтрак. А вечером только иногда скажет:

— Ну, и проморили вы нас сегодня!

На этой основе я мог проделывать такие упражнения. Ждут картину «Броненосец Потемкин». Привезли картину, сели в зал. Идет третья часть. Я говорю:

— Четвертый, второй, третий отряды, выйдите из зала.

— Что такое?

— Я получил сведения, что какие-то подозрительные личности ходят вокруг коммуны. Проверьте.

— Есть, проверить.

Они не знают, ходят или не ходят подозрительные личности, допускают, что это проба, но если кто-нибудь скажет, что это проба, то другие его взгреют. Пойдут, проверят, возвратятся; пропустили часть любимой картины, и никто ничего не скажет, что пропустили любимую картину, а идут и смотрят дальше.

Это такое упражнение. Таких упражнений может быть много. Всегда, в частности, известно, какой отряд в коллективе лучший. У нас была традиция: лучшему отряду поручать самую тяжелую и неприятную работу при распределении уборки. А уборка — это довольно напряженное дело, так как в коммуне каждый день несколько делегаций бывало, и коммуну нужно было держать в лоске, доводить до полного блеска.

— Какой лучший у нас отряд?

— Шестой.

Значит, самую неприятную уборку производит шестой отряд за то, что он самый лучший. За это ты и совершай самую неприятную работу. И это было у нас вполне естественной логикой. Это самый лучший отряд, и ему поручается самая тяжелая работа.

Или в походах очень часто бывало тяжелое положение, требующее физического напряжения, быстроты, энергии. Какой отряд посылается? Самый лучший, и этот лучший отряд гордился этим. Трудно представить, что это лучший отряд, и я бы постеснялся поручить ему лишнюю нагрузку, внеочередное задание. Но именно ему я это

поручаю без всякого сомнения, без всяких слов потому, что он лучший, и он это доверие чувствует. Он чувствует в этом особую красоту, эстетичность.

Эта эстетичность будет последней филигранной работой дисциплинированности. И не каждый коллектив придет к ней, но если коллектив пришел к ней и если логика такова, что чем выше ты стоишь, тем больше от тебя требуется, если эта логика делается настоящей, живой логикой, это значит вопросы дисциплинированности и воспитания доведены до известного удовлетворительного предела.

Наконец, последнее теоретическое общее положение о дисциплине, которое я считал необходимым своим воспитанникам предлагать как можно чаще в простой форме, доступной для детского понимания: если человеку нужно сделать что-нибудь для себя приятное, он всегда сделает это и без дисциплины; дисциплина именно тогда, когда человек делает и неприятное для себя с удовольствием. Это очень важное дисциплинарное положение. Его также нужно отметить и подчеркивать как можно чаще, при всяком случае.

Вот коротко та общая теория поведения, мораль, которую необходимо детям предъявлять как определенное знание, о котором нужно всегда говорить, подчеркивать и добиваться понимания этих теорем и положений. Только таким образом, при таком общем теоретизировании, дисциплина будет получаться сознательной.

Во всех этих теоремах и аксиомах дисциплины нужно всегда подчеркивать главное и основное — это политическое значение дисциплины. Здесь наша советская действительность дает очень много блестящих примеров. Наибольшие достижения, самые славные страницы нашей истории связаны с великолепным блеском дисциплины. Вспомните наши арктические походы, папанинскую группу, все подвиги Героев Советского Союза, возьмите историю колхозного движения, возьмите историю нашей индустриализации — здесь и в художественной литературе вы увидите блестящие примеры, которые вы можете предъявить нашим воспитанникам как пример советской дисциплины, основанной именно на этих принципах дисциплины.

Все-таки я уже сказал, что такая сознательность, такая теория поведения должна сопровождать дисципли-

ну, должна идти параллельно с дисциплиной, а не быть основанием дисциплины.

Что же является основанием дисциплины?

Говоря просто, чтобы не зарываться вглубь психологических изысканий, основанием дисциплины является требование без теории. Если бы кто-нибудь спросил, как бы я мог в краткой формуле определить сущность моего педагогического опыта, я бы ответил, что как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему. Я убежден, что эта формула есть формула вообще советской дисциплины, есть формула вообще нашего общества. От буржуазного общества наше общество отличается именно тем, что мы к человеку предъявляем гораздо большие требования, чем буржуазное общество, и наши требования шире по объему. В буржуазном обществе можно открыть лавочку, можно эксплуатировать, спекулировать, быть рантье и жить на проценты. Там предъявляется гораздо меньше требований, чем у нас.

У нас к личности предъявляются глубокие, основательные и общие требования, но, с другой стороны, мы оказываем личности необыкновенно большое, принципиально отличное уважение. Это соединение требований к личности и уважения к ней — не две разные вещи, а одно и то же. И наши требования, предъявляемые к личности, выражают и уважение к ее силам и возможностям, и в нашем уважении предъявляются в то же самое время и требования наши к личности. Это уважение не к чему-то внешнему, вне общества стоящему, к приятному и красивому. Это уважение к товарищам, участвовавшим в нашем общем труде, в нашей общей работе, это уважение к деятелю.

Не может быть, конечно, ни создан коллектив, ни создана дисциплина коллектива, если не будет требований к личности. Я являюсь сторонником требования последовательного, крайнего, определенного, без поправок и без смягчения.

Кто из вас читал мою книгу «Педагогическая поэма», тот знает, что я начал с таких требований, тот знает историю с побоями воспитанника Задорова. Эти побои показали, во-первых, плохую мою подготовленность как воспитателя, плохую мою вооруженность педагогической техникой и плохое состояние нервов, отчаяние. Но это не было наказание. Это также было требование.

В первые годы моей работы я доводил требования до предела, до насилия, но никогда не наказывал моих воспитанников за проступки, никогда не наказывал так жестоко и таким крайним образом. То мое преступление, которое я описал, было не наказанием, а требованием.

Я не рекомендую вам повторять мой опыт, потому что сейчас не 1920, а 1938 г., и потому, что едва ли кто-нибудь из вас, из товарищей, которыми вы руководите, окажется в таком тяжелейшем, одиноком, затрудненном положении, в каком оказался я. Но я утверждаю, что не может быть воспитания, если нет требования. Требование не может быть половинчатым. Оно должно быть большевистски предельным, доведенным до возможного предела.

Эта организация требования, конечно, очень трудная вещь, но она вовсе не требует воли, как многие думают. Я лично человек вовсе не волевой и никогда не отличался такими достоинствами сильной личности. Во все нет. Обыкновенный интеллигент, обыкновенный учитель. Я был только убежден в том, что играть и кокетничать моей интеллигентностью я не имею права, и кокетничание своей интеллигентностью у воспитателя часто происходит от незнания той линии, которую нужно утвердить. Я убежден, что эта линия, которую нужно утвердить, есть требование.

Конечно, это требование должно развиваться. Но я уверен, что пути тут всегда одинаковы. Если вы хотите взять коллектив детей недисциплинированных или дисциплинированных только с внешней стороны, не начинайте никаких споров. Вам нужно будет начинать с ваших индивидуальных единоличных требований.

Очень часто бывает, и в большинстве случаев даже бывает так, что достаточно просто выразить решительное, не ломающееся, не гнущееся требование, чтобы дети вам уступили и поступили так, как вы хотите. Тут есть некоторая доля внушаемости и некоторая доля сознания того, что вы правы. Все в дальнейшем будет зависеть от вашего интеллекта. Нельзя предъявлять грубые требования, нелогические, смешные, не связанные с требованиями коллектива.

Я боюсь, что я буду не логичен. Для себя лично я создал такую теорему. Там, где я не уверен, можно ли потребовать чего-либо, правильно или неправильно, я делал вид, что я ничего не вижу. Я ожидал случая, когда и для

меня становилось очевидным, и для всякого человека со здравым смыслом становилось ясно, что я прав. В таком случае и предъявлял до конца диктаторские требования, и так как они казались лучше от такой очевидной правды, я действовал смелее, и ребята понимали, что я прав, и легко мне уступали.

Я считаю, что такая логика требований на первых порах должна быть законом. Тот воспитатель, который дает простор своей воле и обращается в самодура в глазах коллектива, требует того, что коллектив не понимает, тот победы не одержит.

Я от своего первого коллектива не требовал, чтобы они не крали. Я понимал, что на первых порах не могу убедить их ни в чем. Но я требовал, чтобы они вставали, когда нужно, выполняли то, что нужно. Но они воровали, и на это воровство я смотрел до поры до времени сквозь пальцы.

Во всяком случае без искреннего, открытого, убежденного, горячего и решительного требования нельзя начинать воспитание коллектива, и тот, кто думает начать с колеблющихся, подмазывающихся уговариваний, тот делает ошибку.

Наряду с требованием должно идти и развитие теории морали, но оно ни в коем случае не должно подменять требование. Там, где вы нашли случай теоретизировать, рассказать детям, что нужно сделать, там вы должны это сделать. Но там, где вы должны потребовать, вы никаких теорий не должны разводить, а должны требовать и добиваться выполнения ваших требований.

В частности, я был во многих школах, большей частью киевских. Что меня поражало в детских школьных коллективах, так это страшная крикливость, егозливость, несерьезность, истеричность детей, беготня по лестницам, разбивание стекол, носов, голов и т. д.

Я не выношу этого крика. У меня нервы здоровые настолько, что я мог писать «Педагогическую поэму» в окружении ребят, в толпе. Разговоры мне не мешали. Но я считаю, что крик и визг, беготня не нужны детям.

А вместе с тем я встречал такие рассуждения педагогов: ребенок должен бегать, должен кричать, в этом проявляется его натура.

Я возражаю против этой теории. Ребенку это совсем не нужно. Как раз этот общий крик в школе только рас-

страивал все время нервы, больше никакой пользы не приносил. Наоборот, я на своем опыте убедился, что в детском коллективе можно с успехом проводить движение упорядоченное, с торможением, с уважением к соседу, к имуществу, к дверям, к окнам и т. д.

В коммуне вы не могли бы встретить такой галдеж. Я добился полного порядка в движении на улице, на площадке, в здании. Я требовал полного упорядочения движения.

Потребовать такую вещь в наших школах совсем не трудно. Если бы я получил сейчас школу, я поставил бы себя в положение организатора. Я всех собрал бы, сказал, чтобы больше этого я не видел. Никаких доказательств, никаких теорий! Потом я поднес бы им теорию, а тут теория могла бы только повредить. Я бы приступил в решительной форме — чтобы я больше этого не видел! Чтобы я не видел ни одного кричащего ученика в школе.

Такое требование, высказанное в форме, не допускающей возражений, необходимо на первых порах в каждом коллективе. Я не представляю себе, чтобы можно было дисциплинировать разболтанный, изнервничавшийся коллектив без такого холодного тона требования отдельного организатора. А дальше это идет гораздо легче.

Вторая стадия развития этого требования, когда на вашу сторону перешли первый, второй, третий, четвертый активисты, когда около вас организуется группа мальчиков или девочек, которые сознательно хотят поддержать дисциплину.

Я спешил с этим. Я не глядел на то, что эти мальчики или девочки имеют также много недостатков, старался скорее набрать такую группу активистов, которые поддерживали мои требования своими требованиями, высказываемыми на общих собраниях, в своей группе, своим мнением. Это вторая стадия развития требования, когда около меня образовалось такое ядро.

И, наконец, третья стадия развития этого требования, когда требует коллектив. Это — тот результат, который вознаграждает вас за нервный труд первого периода. Когда требует коллектив, когда коллектив сбился в известном тоне и стиле, работа воспитателя становится математически точной, организованной работой.

В последние 5 лет в коммуне им. Дзержинского я уже ничего не требовал. Напротив, я выступал уже как

тормоз для требований коллектива, так как обычно коллектив разгоняется и требует часто очень многого от отдельной личности.

Вот тут-то, когда уже требует коллектив, тут для вас и будет простор для развертывания теории морали. Тут каждый понимает, что требования морали, политической морали и нравственной — основные, и общий итог требований, когда каждый воспитанник требует от себя и больше всего интересуется своим поведением.

Этот путь от диктаторского требования организатора до свободного требования каждой личности от себя на фоне требований коллектива, этот путь я считаю основным путем в развитии советского детского коллектива. Я убежден, что тут не может быть постоянных форм. Один коллектив может стоять на первой стадии развития, и там нужно иметь фигуру диктатора-воспитателя, и как можно скорее этот коллектив должен переходить к форме свободного коллективного требования и к требованию свободной личности к самой себе.

Конечно, нельзя ограничиваться только одним требованием. Требование — необходимый элемент дисциплинирования коллектива, но не единственный. Впрочем, все остальные элементы здесь также по существу будут требованиями, но высказанными не в такой решительной форме. Кроме требования, есть привлечение и понуждение. Эти две формы есть выражение как бы в слабой форме требования. И, наконец, более сильная форма, чем обыкновенное требование, это угроза.

Я считаю, что эти формы должны употребляться в нашей практике.

Что такое привлечение? Оно тоже должно испытывать некоторое развитие. Одно дело — привлечение подарком, наградой, премией или какими-нибудь благами для отдельной личности, и другое дело — привлечение эстетикой поступка, его красивой внутренней сущностью.

То же самое понуждение. В первом случае понуждение может быть высказано в более примитивной форме, в форме доказательства или убеждения. В более совершенном случае понуждение высказывается намеком, улыбкой, юмором. Оно — что-то ценное и видное для детей.

То же самое угроза. Если в начале развития коллектива вы можете угрожать наказаниями, неприятностью, то в конце развития коллектива — это уже не нужно.

Такой угрозы в развитом коллективе нельзя допускать, и в коммуне им. Дзержинского я не позволял себе угрожать,— я то-то сделаю с тобой! Это было бы ошибочным с моей стороны. Я угрожал осуждением, что поставлю вопрос на общем собрании, причем на общем собрании самым страшным являлось это осуждение.

Понуждение, привлечение и угроза могут иметь самые различные формы в развитии коллектива. В коммуне им. Дзержинского в последние годы, когда премировались воспитанники за отдельные достижения на производственном, нравственном или бытовом участке, была такая лестница в премиях — подарок, денежная премия и самая высокая награда — благодарность в приказе перед строем, и за эту благодарность в приказе перед строем, которая не сопровождалась никакими подарками, никакими материальными удовольствиями, за нее дрались самые лучшие отряды. За что дрались? За то, что специально в этот день все по приказу надевали парадные костюмы с белыми воротниками и вензелями, и по приказу, на площадке строилась вся коммуна в военностроевом порядке. Выходит оркестр, приходят все преподаватели, инженеры, инструктора, становятся отдельной шеренгой. Дается команда: «Смирно!» Выносятся знамя, оркестр играет салют, и после этого выхожу я и тот, кому выносятся благодарности, и читается приказ:

«На основе постановления общего собрания коммуны за то-то и за то-то такому-то выражается благодарность».

Это высшая награда. И такая благодарность записывалась в дневник отряда, в дневник коммуны и на красную доску, что такой-то отряд или такое-то лицо в строю такого-то числа получили благодарность.

Это высшая награда, которая возможна в богатом чувствами, нравственными достоинствами и уважением к себе коллективе. Но к этому нужно стремиться, а начинать с этого нельзя. Начинать нужно с привлечения более примитивного типа, с некоторых материальных и других удовольствий в каждом отдельном случае, например, театр и т. д. Хороший воспитатель, конечно, для каждого случая найдет очень много нюансов, мелких движений, когда он сможет применить и привлечение, и понуждение, и угрозу, и требование.

Вопрос — что требовать? Здесь я предложил бы такую формулу, которая даже, пожалуй, не развивается, а

должна быть всегда одна и та же. Прежде всего, единственное, чего нужно требовать,—это подчинения коллективу... Коммунары меня этому научили. Они, развивая свой коллектив, пришли к очень интересной форме.

В последние годы мы не наказывали за воровство. Для меня это явилось также несколько неожиданным. Я натолкнулся вдруг на такой случай. Один из коммунаров, молодой еще парень лет 16, украл у товарища 5 рублей из шкафчика...

Его пригласили на общее собрание. Он должен был стать на середину. Среди многих коммунарских традиций у нас была такая старейшая традиция. Зал, вроде этого, только больше, и он имеет бесконечный диван под стеной. На этом диване все сидят, а середина свободная, и всякий, кто должен делать отчет перед общим собранием, должен выйти на середину, стать точно под люстрой. Было определено установлено, существовал такой определенный кодекс, кто должен выходить и кто не должен выходить на середину. Например, если спрашивали кого-нибудь как свидетеля, то он не выходил. Если командир отвечает за отряд, он не выходит на середину, но когда он отвечает лично за себя, он должен выйти на середину, причем я не помню, чтобы разбирались поступки иначе. Отказ выйти на середину рассматривался как отказ подчиниться коллективу. Он мог бы совершить какое-нибудь мелкое преступление, и его отпустили бы с мелким наказанием, но если он отказался выйти на середину, его судили бы как нарушителя, восставшего против коллектива.

Этот парень вышел на середину. Его спрашивают:

— Крал ты?

— Крал.

— Кто желает высказаться?

На середине полагалось стоять смирно.

Один берет слово. Это тот самый Робеспьер, который всегда требовал выгнать. Берет слово, и вдруг он говорит:

— Что нам с ним делать? Он дикарь. Как же он может не украсть? Слушай, ты еще два раза украдешь!

Всем это понравилось. Все говорят:

— Правильно, он еще два раза украдет. Пустите его с середины.

Тот обиделся:

— Как это я еще два раза украду? Честное слово, не украду!

Робеспьер говорит:

— Ты слушай, что тебе говорят. Ты еще два раза украдешь.

Тот ушел. Приходит ко мне вечером и говорит:

— Черт знает что такое! Даже не наказали, издеваются, говорят, что я еще два раза украду!

Я говорю:

— Ты докажи, что над тобой издевались.

Представьте себе, что прошла неделя, и он украл резец из шкафика соседа, даже не для продажи, замок свинтил и т. д. И вот он опять стоит на середине, и когда председатель ему говорит «украл резец?» — все хохочут.

Встает Робеспьер и говорит:

— Я тебе говорил, что ты еще два раза украдешь, ты и украл. Зачем же ты по коммуне ходил и обижался? Ты еще раз украдешь!

Тот ушел. Месяц он держался, а через месяц зашел на кухню и украл пирожок.

Когда он опять стоял на середине, то на него смотрели сочувствующими глазами, радостно. И Робеспьер говорит:

— Ну, в последний раз?

Тот просит слова и говорит:

— Теперь я вижу, что в последний раз.

И его отпустили и оказались правы, больше он не крал.

Так всем понравилась эта история, что сделалось обычаем, когда воровство, так у нас сакраментальная фраза:

— Ты еще два раза украдешь.

Я говорю:

— Что вы придумали! Говорите, что еще два раза украдешь! Ведь у нас в коммуне 450 человек, и каждый по три раза украдет,— во что вы коммуну превратите?

Они говорят:

— Не бойтесь.

И действительно, не нужно было бояться, так как это было так убийственно,—такая сила убеждения коллектива, что прекратилось всякое воровство, и когда один украл, то он на коленях просил не ставить его на сере-

дину, никогда не будет больше красть, а то будут говорить, что он еще два раза украдет, а оказывается, что он сам раньше эти слова говорил.

За такое преступление, как мелкое воровство, мы не наказывали. Считалось, что это человек больной, что у него старые привычки, он никак не отвыкнет.

И затем мы не наказывали за грубость, за некоторые хулиганские наклонности, если они проявляются у новенького, недавно к нам пришедшего.

А наказывали вот за что. Например, такой случай. Девочка, старая коммунарка, командир отряда, комсомолка, хорошенькая, живая, одна из ведущих девочек в коммуне, пользующаяся всеобщим уважением, отправилась в отпуск и не вернулась обратно ночевать, а ее подруга позвонила по телефону, что Шура заболела и осталась у нее ночевать.

Дежурный командир, приняв по телефону это сообщение, пришел ко мне и доложил, что вот Шура заболела и осталась ночевать там-то и там-то.

Я испугался. Я сказал бывшему воспитаннику Вершневу, врачу коммуны, поехать туда и посмотреть, в чем дело. Он поехал и никого не застал, ни Шуры, ни ее подруги. А на другой день Шура стала на середину.

С одной стороны, это было девичье смущение, а с другой, было что-то другое. Она говорит:

— Мне захотелось пойти в театр, а я боялась, что мне не разрешат.

И при этом такая застенчивая и приятная улыбка.

Но я вижу — нет. И все коммунары видят — нет. Улыбкой тут не пахнет. Робеспьер, как всегда, предложил ее выгнать из коммуны, так как если каждый командир отряда будет уезжать в город и «заболевать», а мы будем посылать докторов и т. д. и т. п.

Я посмотрел — ну, как...

— Нужно голосовать, — говорит председатель.

Я говорю:

— Вы обалдели. Ведь она у нас столько лет в коммуне, а вы будете ее выгонять...

Робеспьер говорит:

— Да, мы немного перехватили, но нужно дать ей 10 часов ареста.

Так и решили — 10 часов ареста, и затем комсомольская организация за нее взялась. Вечером ее на комсо-

мольском собрании «парили», и партийная организация должна была вмешаться, чтоб ее не выгнали из комсомола, так как говорили, что лучше бы она украла, а то ты комсомолка, командир отряда, и вдруг по телефону звонишь дежурному, что ты заболела, а на самом деле ты не заболела, а куда-то отправилась, ты солгала...

Такая логика приходит не сразу, а постепенно и развертывается по мере развития коллектива.

Наибольшие требования должны предъявляться в том случае, когда человек выступает против коллектива более или менее сознательно. Там, где поступок происходит от натуры, от характера, от несдержанности, от темноты политической и нравственной, там требование может предъявляться не такое резкое. Там можно рассчитывать на положительное влияние опыта, на постепенное накопление привычек. Но там, где личность сознательно выступает против коллектива, отрицая это требование и его власть, там требования должны быть предъявлены решительные до конца, до тех пор, пока личность не признает, что нужно подчиниться коллективу.

Теперь несколько слов о наказаниях. У нас по отношению к наказаниям выходит не совсем хорошо. С одной стороны, мы уже признали, что наказания бывают и нужными и полезными. Наказание можно допустить, но, с другой стороны, у нас есть такая установка, чисто наша, интеллигентская, главным образом, конечно, педагогов, что наказание допустимо, но лучше обойтись без наказания. Все-таки наказывать можно, но если ты наказываешь, то ты плохой педагог. Тот педагог хорош, который не наказывает.

Я уверен, что такая логика дезорганизует педагога. Нужно установить точно, что такое наказание. Я лично убежден, что наказание — не такое большое благо. Но я убежден в следующем, что там, где нужно наказывать, там педагог не имеет права не наказывать. Наказание — это не только право, но и обязанность в тех случаях, когда наказание необходимо, т. е. я утверждаю, что педагог может наказывать или не наказывать, но если его совесть, его техническая квалификация, его убеждения говорят, что он должен наказать, он не имеет права отказаться от наказания. Наказание должно быть объявлено такой же естественной, простой и логически вменяемой мерой, как и всякая другая мера.

Нужно решительно забыть о христианском отношении к наказанию, наказание — допустимое зло. Взгляд на наказание, как на зло, которое допустимо почему-то, в известной мере, я считаю, не соответствует ни логическим, ни теоретическим взглядам. Там, где наказание должно принести пользу, там, где другие меры нельзя применить, там педагог никаких разговоров о зле иметь не должен, а должен чувствовать своим долгом применить наказание. Такое убеждение, такая вера, что наказание есть допустимое зло, превращают педагога в объект упражнения в ханжестве. Никакого ханжества не должно быть. Никакой педагог не должен кокетничать, что вот я — святой человек, обхожусь без наказания.

А что делать тому человеку, который искренне видит, что нужно наказать?.. Он видит и тужит: вот какой-то педагог обходится без наказания, и что же скажут обо мне?.. Скажут, что я педагог второго сорта.

Такое ханжество я считаю нужным отбросить. Там, где наказание должно быть применено, где оно может быть применено с пользой, там педагог должен его применять.

Однако это вовсе не значит, что мы утверждаем желание наказания во всех случаях и всегда.

Что такое наказание?.. В области наказания я считаю, что как раз советская педагогика имеет возможность найти очень много нового. Все наше общество так устроено: так много уважения у нас к человеку, так много гуманности, что мы имеем возможность прийти к той счастливой норме, какая может быть по вопросу о наказаниях. И эта счастливая норма должна быть такой. Наказание должно разрешить и уничтожить отдельный конфликт и не создавать новых конфликтов.

Все зло старого наказания было в том, что наказание, уничтожая один конфликт, создавало другой конфликт, который приходилось разрешать все более сложным путем... Ясно, что наказание в одном случае имеет смысл, а в другом случае не имеет смысла.

Каковы же отличия советского наказания от других? Во-первых, ни в коем случае оно не должно иметь в виду причинение страдания. Обычная логика говорит, что я тебя накажу, ты будешь страдать, а другие будут смотреть и думать: «Вот ты страдаешь, и нам нужно воздержаться от этого поступка».

Никакого физического и нравственного страдания не должно быть. В чем же сущность наказания? Сущность наказания в том, что человек переживает то, что он осужден коллективом, зная, что он поступил неправильно, т. е. в наказании нет подавленности, а есть переживание ошибки, есть переживание отрешения от коллектива, хотя бы минимального.

Поэтому и к наказанию нужно прибегать только в том случае, когда вопрос логически ясен, и только в том случае, когда общественное мнение стоит на стороне наказания. Там, где коллектив не на вашей стороне, там, где коллектив мы не перетянули на свою сторону, наказывать нельзя. Там, где ваше решение будет решением, отрицаемым всеми, там наказание производит не полезное, а вредное впечатление; только когда вы чувствуете, что коллектив за вашими плечами и коллектив думает так же, как вы, и осуждает так же, как вы, тогда только можно наказывать.

Это то, что касается сущности наказания.

Теперь, что такое форма наказания?

Я противник каких бы то ни было регламентированных форм. Наказание должно быть чрезвычайно индивидуальным, чрезвычайно приспособленным к отдельной личности, тем не менее и в области наказания могут быть определенные законы и формы, ограничивающие право наказания.

Я в своей практике считал, что прежде всего наказывать может либо весь коллектив, его общее собрание, либо один человек, уполномоченный коллектива. Я не представляю себе здорового коллектива, где могут наказывать, иметь право наказывать 10 человек.

В коммуне им. Дзержинского, где я руководил и производством, и бытом, и школой,— только я один мог наказывать. Это необходимо. Необходимо, чтобы была единая логика наказания и чтобы наказание не было частым.

Во-вторых, в наказании должны быть также известные традиции и норма для того, кто применяет наказание.

В коммуне им. Дзержинского был такой закон. Каждый новенький имел звание воспитанника. Когда он становился всем известным и когда все видели, что он идет вместе с коллективом, не возражая ему, он получал зва-

ние коммунара и значок с надписью ФЭД. Этот значок утверждал, что он коммунар.

Воспитанника я мог наказать так — наряд. Это полу- часовая работа, главным образом на кухне, по уборке, в оранжерее, но не на производстве. Затем лишение отпуска в выходной день, лишение карманных денег, т. е. заработанные карманные деньги не выдавались, а шли в сберкассу на его имя, а получить из сберкассы деньги он не мог без моей подписи. И самое страшное наказание, которое можно было применить, — это увольнение с производства и перевод на хозяйственные работы.

Вот наказания, которые я мог применить и имел право применить только по отношению к воспитанникам.

По отношению к коммунарам я не имел права применять эти наказания. Там было только одно наказание — арест. Воспитанник же не мог быть арестован. Арест — это единственная форма наказания, которую я мог применить к коммунару.

Эта система имела огромное значение. Каждый старался как можно скорее получить звание коммунара. Тогда он получал такую привилегию — быть арестованным. А я арестами не стеснялся. За мелочь, за маленький проступок, за то, что пуговица не застегнута, — час ареста. Я не имел права садиться или сидеть, наказывая коммунара. Я должен был встать и сказать:

— Такой-то, получай час ареста.

И он говорил:

— Есть, час ареста.

И я мог до 10 часов наказывать. Что это значит?

В выходной день он обязательно отдает пояс дежурному командиру, приходит ко мне в кабинет и говорит:

— Я прибыл под арест.

А раз он прибыл, я не мог его отпустить, так как в 1933 г. меня общее собрание лишило права прощать. Сегодня я прощаю, а завтра накажу, какой же порядок. Поэтому я прощать не мог, и он имел право сидеть и заниматься в моем кабинете. Разговаривать с ним мог только я, больше никто не имел права с ним говорить, причем тут нельзя было говорить о его проступке. Это считалось дурным тоном, это считалось вульгарным, если бы я заговорил с ним о его проступке. Он сидит под арестом, он «отдувается», и разговаривать об этом было в высшей степени неприлично.

Обычно мы разговаривали о коммунарских делах, о производстве и т. д. Я не имел права напоминать ему, что он арестован, и не имел права смотреть на часы, сколько он просидел, и считалось, что он сам должен был организовать свой арест. И то, что это поручалось ему самому, меня очень устраивало.

Вы не знаете, что это такое — арест. Просидеть в течение целого выходного дня у меня в кабинете, разговаривать со мной.

Попробуйте-ка даром наказать. Никто ни за что не сядет, а ведь это приятный арест. На общее собрание пойдет, обжалует. Считалось, что это нарушение его личного права.

Девочки относились к аресту с каким-то ужасом, сесть под арест — это значило быть опозоренной перед всей коммуной. Поэтому девочки-коммунарки, имеющие значок, обычно никогда не попадали под арест. Не допускалось такого случая, чтобы девочка попала под арест.

Когда я одну хорошенькую, умненькую девочку, командира отряда, посадил под арест на 2 часа, она все 2 часа плакала у меня в кабинете: как теперь появится перед общим собранием. Теперь она драматическая актриса харьковского театра.

Арест — это применение той теоремы, о которой я говорил: как можно больше требований к человеку и как можно больше к нему уважения, и арест был делом священным.

Когда я был срочно, в течение одного часа, откомандирован по телеграмме из Киева, из коммуны им. Дзержинского и должен был уехать в Киев, я имел только полчаса в своем распоряжении, чтобы проститься с коллективом, с которым я провел 8 лет. Конечно, говорить тут было невозможно, и мне, и им было трудно. Девочки плакали, состояние было нервного потрясения, и все же рефлекс сыграл свою роль. Я прервал прощальную речь, увидев, что рояль в пыли, и говорю:

— Кто дежурит по театру?

— Первый отряд.

— Командиру первого отряда пять часов ареста.

Командир первого отряда — мой давний соратник. Все 8 лет мы с ним вместе провели. Но почему пыль?.. Он не досмотрел — и вот получай 5 часов ареста.

Я уехал, а через 2 месяца приехал с ревизией, и командир первого отряда является в кабинет:

— Прибыл под арест.

— Почему?

— За пыль на рояле.

— А почему ты не отсидел до сих пор?

— А я хотел отсидеть, когда Вы приедете.

И я должен был сидеть из-за него 5 часов, пока он кончит арест.

Это то, что относится к формальному наказанию.

Там, где коллектив объединен в общем тоне, в стиле доверия, там наказание может быть очень оригинальным и интересным, если накладывается общим собранием.

На общем собрании коммунаров был такой случай: старший комсомолец выругал инструктора. Он был прав, но выругал неприлично. Общее собрание постановило: «Пионеру Киренко (самому маленькому) объяснить комсомольцу такому-то, как нужно поступать в таких случаях».

Серьезное постановление. И после этого дежурный командир приглашает Киренко и этого комсомольца и говорит:

— Садись и слушай.

И тот объяснил, причем пионер сознательно выполнил свои обязанности, а тот сознательно слушал.

На собрании дежурный командир доложил:

— Постановление общего собрания Киренко выполнил.

— Ты понял, что тебе говорил Киренко?

— Понял.

— Иди.

И все кончено.

Другое постановление: гулял с девочкой-коммунаркой один коммунар, увидел, что в публике драка. Он не удержался и также вступил в драку. Дело кончилось скандалом.

Постановили:

«В следующий выходной день такого-то числа в 3 часа 5 минут такому-то подумать над своим поступком и доложить об этом командиру».

Поневоле будешь думать. Ведь нужно же будет сказать, что надумал. И вот заставили человека целую неделю думать. И в конце концов он придумал, пришел и доложил.

Такое наказание является не наказанием, а толчком, где коллектив шутя, играючи показывает свои силы. Но, конечно, главным в моей практике было не наказание, а беседы индивидуального характера.

Лекция третья

ПЕДАГОГИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Сегодня я рассчитывал предложить вам вопрос об индивидуальном влиянии, о педагогике индивидуального действия. Переход от коллективного воздействия, от организации коллектива к личности, к организации личности особым способом мною в первые годы моего опыта был понят ошибочно. Я полагал, что нужно иметь в виду воздействие на целый коллектив, во-первых, и воздействие на отдельную личность, как корректив к развитию коллектива, во-вторых.

В развитии моего опыта я пришел к глубокому убеждению, которое было подтверждено потом практикой, что непосредственного перехода от целого коллектива к личности нет, а есть только переход через посредство первичного коллектива, специально организованного в педагогических целях.

Мне кажется, что будущая теория педагогики особое внимание уделит теории первичного коллектива. Что же нужно разуметь под этим первичным коллективом?

Первичным коллективом нужно называть такой коллектив, в котором отдельные его члены оказываются в постоянном деловом, дружеском, бытовом и идеологическом объединении. Это тот коллектив, который одно время наша педагогическая теория предлагала назвать контактным коллективом.

В школах наших такие коллективы, естественно, существуют: это класс, и недостаток его в нашей школе, пожалуй, заключается только в том, что он не играет роли первичного коллектива, т. е. связующего звена между личностью и целым коллективом, а очень часто является и последним коллективом. В некоторых школах мне приходилось наблюдать, что класс завершает коллектив школы, и целого коллектива школы иногда и не наблюдается.

У меня были условия более благоприятные, так как у меня была коммуна с общежитием, с производством, и мои коммунары имели много логических и практических оснований интересоваться делами общего коллектива и жить интересами общего коллектива. Но зато у меня не было такого естественного первичного коллектива, каким является класс. Я его должен был создать. В дальнейшем у меня развернулась десятилетка, и я бы мог основываться на первичном коллективе типа класса. Но я не пошел по этому пути вот почему. Класс объединяет детей в постоянной дневной работе, и соблазн воспользоваться этим обстоятельством приводил к тому, что такой первичный коллектив отходил от интересов общего коллектива. Слишком много, слишком солидные основания для того, чтобы уединиться от общего коллектива в границах отдельных классовых интересов. Поэтому в последние годы я отказался от построения первичного коллектива по признаку класса и даже от построения первичного коллектива по признаку производственной бригады. Моя попытка организовать коммуны в виде таких первичных коллективов, объединенных все-таки такими сильными скрепами, как скрепы класса и производства, приводила к печальным результатам. Такой первичный коллектив, объединенный в своих границах, всегда имеет тенденцию отойти от интересов общего коллектива, уединиться в своих интересах первичного коллектива. В таких случаях первичный коллектив теряет свою ценность как первичный коллектив и становится поглощающим интересы общего коллектива, и переход к интересам общего коллектива оказывается затруднительным.

Я пришел к этому через ошибки, и ошибки эти сказывались на моей воспитательной работе. Я поэтому имею право говорить, что и многие школы, слишком ограничивающие свои интересы интересами первичного коллектива, приходят к тем же воспитательным результатам.

Коллективное воспитание не может проводиться только через первичный (контактный) коллектив, ибо в таком коллективе, в котором дети объединены постоянным бытовым содружеством, когда они в течение дня видят друг друга, появляется семейственность и получается тот род воспитания, который нельзя назвать вполне советским воспитанием. Только через большой коллектив, интересы которого вытекают не из простого общения, а из более

глубокого социального синтеза, возможен переход к широкому политическому воспитанию, когда под коллективом подразумевается целое советское общество.

Опасность замыкания ребят в коллектив дружеский есть опасность группового, а не широкого политического воспитания.

В моем опыте я пришел к такой организации, что первичный коллектив не покрывал ни классовых, школьных интересов, ни производственных интересов, а являлся такой ячейкой, в которой и школьные и производственные интересы приходили от разных групп. Вот почему я в последнее время остановился на отряде, в который входили и школьники разных классов, и работники разных производственных бригад.

Я очень хорошо понимаю, что для вас логика такого строения недостаточно убедительна. Я не имею времени развивать ее подробно, но вкратце укажу на некоторые обстоятельства. Например, меня интересовало практически, и я исследовал в статистике, в движении, в поведении такой вопрос. Возьмем вопрос возраста. Я в первое время работы тоже был сторонником строения первичного коллектива по возрастному принципу. Это вытекало отчасти из школьных интересов. Но потом я увидел, что это ошибка.

Малыши, обособленные от старшего возраста, попадают, казалось бы, в наиболее правильное и естественное положение. В таком возрасте (ребята 11—12 лет) должны находиться в одном коллективе, иметь свои интересы, свои органы, и мне казалось, что это наиболее правильная педагогическая точка зрения. К этому меня приводило и некоторое влияние педагогической литературы, которая считала, что возраст является одним из определяющих начал в воспитании.

Но я увидел, что малыши, обособленные от других возрастов, попадают в искусственное состояние. В таком коллективе не было постоянного влияния более старшего возраста, не получалось преемственности поколений, не получалось морального и эстетического импульса, который исходит от старших братьев, от людей более опытных и организованных и, главное, от людей, которые в известном смысле составляют образец для малышей.

Когда я попробовал в качестве опыта объединить разные возрасты, малышей и более взрослых, у меня получи-

лось лучше. Я на этой форме и остановился. Мой отряд в последние 7—8 лет состоял обязательно из самых старших, наиболее опытных, политически развитых и грамотных комсомольцев и из самых маленьких моих коммунаров, включая и некоторые средние возрасты. Такой коллектив, составленный по типу различных возрастов, приносил мне гораздо больший воспитательный эффект, это — во-первых, а во-вторых, в моих руках получался коллектив более подвижный и точный, которым я мог легко руководить.

Коллектив, составленный из ребят одного возраста, всегда имеет тенденцию замыкаться в интересах данного возраста и уходить и от меня, руководителя, и от общего коллектива. Если все малыши увлекаются, допустим, коньками в зимнее время, то это коньковое увлечение, естественно, их замыкает в чем-то отдельном, обособленном. Но если у меня составлен коллектив из разных возрастов, то там типы увлечений разные, жизнь первичного коллектива организуется более сложно, требует больше усилий от отдельных его членов, и старших, и молодых, предъявляет к тем и другим большие требования, следовательно, и дает больший воспитательный эффект.

Такой коллектив, составленный из разных возрастов, я организовывал в последнее время по принципу «кто с кем хочет». Сначала я сам испугался этого принципа, а потом увидел, что это наиболее естественная и здоровая постановка, при том условии, что в таком естественном первичном коллективе у меня будут представители разных групп и разных школьных бригад.

В последние годы я окончательно пришел к такой именно организации первичного коллектива.

В отряде 10—12 человек, добровольно объединившихся. Это объединение складывалось, конечно, постепенно. Но всегда в общекоммунарском коллективе оставались мальчики, с которыми никто не хотел добровольно объединиться. Для меня это было удобно, я сразу видел, кто является элементом, с трудом втягивающимся в общий коллектив. На 500 человек таких мальчиков набиралось 15—20, которых ни один отряд в своем составе иметь не желал по добровольному принципу. Девочек, с которыми не желали объединяться в первичном коллективе, бывало меньше. Их приходилось на 150 человек три-четыре, несмотря на то, что обычно у девочек отношения менее дру-

жественные, чем у мальчиков. Происходила такая разница потому, что мальчики были как-то принципиальнее девочек и иногда поэтому впадали в различные загибы, не желая брать такого-то. Он нам будет портить коньки, обижать малышей. Девочки были более оптимистичны в своих надеждах на воспитание, более ласковы и скорее соглашались принять в свой коллектив лицо, относительно которого есть некоторые сомнения.

Что я делал в таких случаях? Я приводил их на общее собрание и говорил:

— Вот вам 15 человек, которых ни один отряд не хочет брать. Вот Земляной. Он хотел быть в первом отряде, первый отряд от него отказался. Он хотел быть во втором отряде, второй отряд отказался. Он хотел быть в пятнадцатом отряде, пятнадцатый отряд отказался. Как поступить?

Обычно прения идут по такому пути. Поднимается представитель какого-нибудь отряда и говорит:

— С какой стати первый отряд отказывается его брать, второй также, пятнадцатый также. Почему они не берут? Они должны дать объяснение.

Объяснение дается кратко.

— Если вы так говорите, то возьмите в свой пятнадцатый отряд. Отвечайте за него и возитесь с ним.

В таком случае находятся аргументы такого порядка:

— Мы с ним дела не имели. Он был у вас. Он «корешок» такого-то. Ты хвастался, что с ним что-то сделаешь!

И выясняется, что ни один отряд не желает его брать.

Это был мой педагогический «хлеб». Что я с ними делал? Естественно, что и отряд, который не желает его брать, переживает положение трудное и неприятное, тем более, что никто никаких обвинений не предъявляет, а просто говорят — пусть другой отряд возьмет, а он стоит как человек, которого коллектив не принимает.

Он начинает убеждать и клясться, обещать всякие блага и подвиги в дальнейшем. Но нужно как-то кончать. И тогда обычно руководящие лица, члены комсомольского бюро, командиры начинают высказываться, в какой отряд его лучше всего поместить. Обычно такие разговоры кончаются ничем.

Переходят к Иванову, Романченко, Петренко и стараются распределить 15 человек между всеми отрядами по одному.

И тогда начинается другой процесс. Каждый из 15 отрядов хочет из этих 15 получить более сносного. Тогда делается перерыв, и после перерыва командир какого-нибудь отряда говорит:

— Я возьму такого-то.

Самый сносный является уже приманкой для остальных, и получается, что тот самый Земляной, которого никто не хотел брать, сейчас делается объектом аппетита всех отрядов, так как есть еще Петренко и Шаповалов, которые хуже Земляного.

Получает первый отряд. Тогда мы говорим:

— Вы за него ручаетесь. Вы его выпросили, вы за него отвечаете.

Затем переходим ко второму. Второй является также лучшим из оставшихся 14, и за него снова идет борьба. И так идет дальше, пока не остаются двое: Воскобойников и Шаповалов. Из этих двух каждый отряд старается схватить наименее вредного.

Этот процесс распределения давал возможность мне видеть всех. Они образовывали для меня особое общество, которое я заносил на особый лист, и этот лист у меня был под рукой каждый день, и я знал, что эти 15 составляют мой наиболее опасный состав. Хотя преступлений за ними не водилось, но для меня важно было указание коллектива, что таких-то не хотят брать в коллектив.

Ребята, составляя отряд, очень хорошо чувствуют глубинную сущность Петренко, и если они не желают его брать,— значит, он заслуживает моего особого внимания.

Затем я выигрывал в том отношении, что отряд, выбравший Петренко, естественно, за него отвечает.

Так составлялся первичный коллектив. Тут, конечно, нужна была еще очень сложная инструментовка, чтобы такой первичный коллектив приносил наибольшую пользу. Она заключалась в тоне и стиле организации отряда.

Что такое первичный коллектив — отряд? В нашей практике, в колонии им. Горького и в коммуне им. Дзержинского, мы пришли к такому положению. Я, как центр коммуны, и все коммунарские органы, и комсомольское бюро, и совет командиров, и общее собрание обычно старались дела с отдельными личностями не иметь. Это формально. Мне очень трудно вам эту логику доказывать.

Я называю эту логику логикой параллельного педагогического действия. Мне очень трудно объяснить, так как я никогда не писал об этом, поэтому не искал и не находил формулировок.

Что такое параллельное педагогическое действие?

Мы имеем дело только с отрядом. Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. В сущности это есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идет параллельно сущности. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела.

Каким образом это получается? Мы не хотели, чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания. Я исходил из тех соображений, что человек 12—15 лет живет, он живет, наслаждается жизнью, получает какую-то радость жизни, у него есть какие-то жизненные впечатления.

Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек, и убеждать его в том, что ты не человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое, а не жизненное, было бы мне невыгодно. Я старался убедить, что я не столько педагог, сколько я тебя учу, чтобы ты был грамотным, чтобы ты работал на производстве, что ты участник производственного процесса, ты гражданин, а я старший, который руководит жизнью при твоей же помощи, при твоем же участии. Меньше всего я старался убедить его, что он только воспитанник, т. е. явление только педагогическое, а не общественное и не личное. На самом деле, для меня он явление педагогическое.

Так же и отряд. Мы утверждали, что отряд есть маленькая советская ячейка, которая имеет большие общественные задачи. Она имеет общественные задачи, она старается привести коммуну к возможно лучшему состоянию. Она помогает бывшим коммунарам, она помогает бывшим беспризорным, которые в коммуну приходят и нуждаются в помощи. Отряд — первичная ячейка общественной работы, жизни.

Чтобы ребенок себя чувствовал прежде всего гражданином, чтобы он чувствовал себя прежде всего человеком, мы с моими сотрудниками-педагогами пришли к убеждению, что прикасаться к личности нужно с особо сложной инструментальной работой. В дальнейшей нашей работе это сделалось традицией.

Петренко опоздал на завод. Вечером я получаю об этом рапорт. Я вызываю командира того отряда, в котором находится Петренко, и говорю:

— У тебя опоздание на заводе.

— Да, Петренко опоздал.

— Чтобы этого больше не было.

— Есть, больше не будет.

На второй раз Петренко опять опоздал. Я собираю отряд.

— У вас Петренко опаздывает второй раз на завод.

Я делаю замечание всему отряду. Они говорят, этого не будет.

— Можете идти.

Затем я слежу, что делается. Отряд сам будет воспитывать Петренко и говорить ему.

— Ты опоздал на завод, значит, наш отряд опаздывает!

Отряд будет предъявлять огромные требования к Петренко, как к члену своего отряда, как к члену всего коллектива.

Мы довели это требование к отряду до совершенного вида. Например, совет командиров. Туда приходили командиры, избранные общим собранием люди, лица, уполномоченные советом. Но у нас был такой закон: сидят ли в совете командиров командиры или кто-нибудь другой из отряда — это все равно. Мы проверяли, представлены ли в совете все отряды. Есть первый отряд? Есть, но не командир, а другое лицо, так как командир занят, и это лицо имело право участвовать в собрании и иметь голос, как командир отряда.

Затем, например: Волков украл, с Волковым ведется и отдельная работа в этом случае, но замечания, известные минусы ставятся не Волкову, а отряду. Отряд отвечает целиком за то, что Волков что-то украл.

И дальше. В отряде в большинстве отличники. Из 12 человек 10 отличников. Отряд выдвигается на первое место. Отряд получает известные преимущества, премию или наслаждение, например, несколько походов в оперный театр. Мы имели каждый день несколько билетов в театр. Все равно, идет весь отряд. И отличники идут, и те, которые не имели отлично, а имели даже плохие отметки. Они пользуются тем, что получил отряд.

Казалось бы, несправедливо, а на самом деле чрезвычайно полезно, так как такой Петя, который среди 10 от-

личников идет в театр, чувствует себя неловко. Он не заработал, а пользуется и получает то, что заработали его товарищи, и это является для него молчаливым нравственным обязательством. На следующий месяц он из кожи вылезает, а выйдет в отличники.

Иногда такой Петя приходит и говорит:

— Переведите в дру́гой отряд. Там все отличники, а я не хочу. Они все в театр идут и мне говорят: «Вот билет, что он пропадать что ли будет, иди».

Такое авансирование личности через отряд нам очень помогает.

Если в отряде 12 человек, из них 5 хорошо, нормально работают, а 7 тянут отряд вниз до того, что отряд занимает последнее место, то весь отряд отвечал за это.

У нас было 35—45 отрядов. Каждый месяц отряд, получивший по всем показателям лучшее место, объявлялся первым. Каждый месяц отряд, получивший наихудшие показатели, объявлялся последним. На диаграмме это известным образом показывалось. Второго числа каждого месяца устраивалось собрание, на котором лучший отряд прошлого месяца в присутствии всего собрания под команду «Встать — смирно!» передавал знамя лучшему отряду этого месяца как победителю. Это специально сделанное, богатое, прекрасное знамя, которое отряд держал у себя в спальне. Или, например, заключалось соревнование по бытовому порядку, или по дисциплине, или еще по чему-нибудь. Итоги подводились каждую шестидневку. Первые лучшие 7 отрядов получали билеты в театр. Мы имели в театры 31 место каждый день. Распределяли так, что лучший отряд получал 7 билетов, следующий 6 билетов, затем 5, затем 4, затем 3, 2 и 1. Значит, первый отряд в течение шестидневки каждый день получал по 7 билетов, второй отряд получал по 6 билетов и т. д. Мы не следили за тем, кому эти билеты даются, ходят ли те, которые тянут отряд вперед или которые тянут отряд назад. Это дело не наше — отряда. Ходили все. Каждый день подавался автобус, и все, имевшие билеты, подходили к автобусу, а дежурный командир проверял: имеет ли он билет, одет ли по форме и имеет ли он рубль, чтобы воспользоваться буфетом. Вот три требования, которые предъявлялись к идущим в театр: билет, костюм и рубль, и никто не спрашивал — ты в отряде последний или первый.

Такое значение имел отряд и во всех других случаях. Например, при распределении уборки. В коммуне не было уборщиков, а здание нужно было содержать в чистоте, так как оно было на большой дороге и у нас бывало много наших и иностранных делегаций. В 1935 г. только «Интурист» чествовал нас за 200-ю делегацию. Это помогало держать коммуну в блестящем виде, но, чтобы держать в чистоте, натирать полы, чистить медные ручки, зеркала, иметь всегда свежие цветы, нужно было производить огромную работу, и эта работа выполнялась не отдельными лицами, не уборщиками, а всеми вместе. Все 500 человек с четверть седьмого до без четверти семь выходили на работу.

Такую работу, чтобы она протекала хорошо, было трудно организовать. Нужно было иметь известный опыт в работе. Организация достигалась тем, что работа распределялась на полгода вперед между отрядами. Менять работу часто нельзя. Один отряд получал щетку, ведро, тряпку, другой получал все, что нужно для чистки и натирки полов, для уборной он получал другие приспособления, для уборки театрального зала он получал все, что нужно для чистки и натирки полов и уборки пыли. И затем при распределении обязанностей принималось во внимание, какой отряд — хороший или плохой. Например, лучший отряд получал задание привести уборную в порядок, на это требовалось 12 минут, а худший отряд получал театральный зал, который нужно убирать очень долго, и чтобы привести в порядок, надо было всем потеть. Обычно самый плохой отряд получал работу самую чистую, но объемистую, причем за плохо произведенную уборку садился под арест только командир отряда. Мы не интересовались, кто не вытер пыль на батарее. Получает арест командир, он получал наказание за то, что делалось в отряде.

Во всех случаях жизни отряд являлся тем местом, с которым я как старший в коммуне имел тесное соприкосновение. Но для меня было трудным делом проверить внимательно психику отряда. И здесь выступает на первый план личность воспитателя, прикрепленного к этому отряду. Об этом мы будем говорить потом.

Я мог бы долго говорить о значении первичного коллектива, но не имею времени. Еще хочу вот что сказать. В школе у нас меньшая возможность звучания такого

первичного коллектива. Там должна быть какая-то другая методика. Но тем не менее я убежден в следующем. Во-первых, первичный коллектив не должен оттеснять общий коллектив и заменять его, и во-вторых, первичный коллектив должен быть основным путем прикосновения к отдельной личности. Это общая моя теорема, а более детальный метод — для коммуны один, а для школы должен быть совершенно другой.

Только через такой первичный коллектив официально мы прикасались к индивидуальности. Такова была инструментовка, и на деле мы всегда имели в виду прежде всего отдельного воспитанника.

Как организовал я и мои коллеги работу с отдельными воспитанниками, с отдельной личностью?

Для того чтобы работать с отдельной личностью, нужно ее знать и ее культивировать. Если в моем представлении отдельные личности будут насыпаны, как отдельные горошины, без коллективного масштаба, если я буду подходить к ним без этой коллективной мерки, я с ними не справлюсь.

У меня было 500 личностей. Тут было такое важное обстоятельство. В первый год я как начинающий педагог совершил обычную ошибку. Я обращал внимание на личность, выпадающую из коллектива. У меня был неправильный взгляд, направленный в самые опасные места, и я этими опасными местами занимался. Естественно, моим особым вниманием пользовался тот, кто украл, тот, кто хулиганил, кто идет против коллектива, кто хочет убежать, т. е. то, что выбрасывалось из коллектива, выпадающее. Естественно, что я на этих людей направлял свое особое внимание. Так я делал как человек, убежденный, что он педагог и умеет работать с отдельной личностью, т. е. я каждого вызывал, с каждым разговаривал, убеждал и т. д.

В последние годы я изменил такой тон. Я увидел, что наиболее опасным элементом в моей работе является не тот, который обращает на себя особое внимание, а тот, кто от меня прячется.

Почему я пришел к мысли об этом? Потому, что уже сделал 15 выпусков, и я следил за этими выпущенными и видел, что многие из тех, которых я считал самыми опасными и плохими, в жизни идут активно, по-советски, иногда совершают и ошибки, но в общем они удовлетво-

ряли меня вполне как продукт воспитания. А те, которые прятались от меня и были незаметны в коллективе, в жизни иногда идут совсем как мещане: рано женятся, заводят «семейку», пристраиваются при помощи всяких лазеек на работу, из комсомола выходят, теряют всякую общественную связь, обращаются в сереньких существ, относительно которых нельзя сказать, что они такое или «чем они пахнут». А в некоторых случаях я замечал даже медленное глубокое гниение. Кто хату начинал ставить, кто свиней начинает разводить, на собраниях не бывает, газет не читает, а тот, глядишь, и в мелкую спекуляцию пустился.

Наблюдая такие случаи в первые годы своей работы, я пришел к глубокому убеждению, что именно тот, кто от меня прячется и старается не попадаться на глаза, тот является самым опасным объектом, на того я должен обратить особое внимание.

Между прочим, натолкнули меня на это сами коммунары. В некоторых случаях они прямо утверждали, что тот, кто сидит в своем отряде, зубрит, но на собраниях не выступает, не высказывается, в случае пожара также сидит и зубрит или свой радиоприемник чинит, это самый вредный, так как он достаточно умен, достаточно «дипломатичен», чтобы не попадаться на глаза и вести свою тихую линию и выйти в жизнь нетронутым и невоспитанным.

Когда я пришел к известному успеху, когда меня перестали потрясать воровство и хулиганство, я понял, что цель моей воспитательной работы не заключалась в том, чтобы привести в порядок 2—3 воров и хулиганов, а положительная цель моей работы в том, чтобы воспитать определенный тип гражданина, выпустить боевой, активный, жизненный характер, и эта цель может быть достигнута только в том случае, если я воспитаю каждого, а не только приведу в порядок отдельную личность.

Такую ошибку совершают и некоторые педагоги в школе. Есть педагоги в школе, которые считают своей обязанностью возиться с теми, кто либо протестует, либо отстаёт, а так называемая «норма» сама идет. Но куда она идет и куда она выходит — это вопрос.

Мне помогли коммунары даже в терминологии. Постоянный анализ коллектива, записанный на листе бумаги, известный всей коммуне, производился не мною, а

советом командиров. Все коммунары в моих глазах делились на такие группы: 1) действующий актив, 2) резерв актива.

Действующий актив — это те, которые явно для всех ведут коммуну, которые на каждый вопрос отзываются с чувством, со страстью, с убеждением, с требованиями. В обычном смысле — они коммуну ведут. Но в случае опасности, большой кампании или реагирования на какой-нибудь скандал у них всегда есть резерв, который еще не актив, не командиры, не имеет еще формально официального места, но который приходит к ним на помощь немедленно. Это тот резерв актива, который всегда сменяет действующий актив.

Затем у меня была отмечена группа здорового пассива. Это те, которые не доросли, но в кружках участвуют, и в физкультурной работе, и в фотокружке, и в стенной газете, но которые идут послушно за более старшими.

У меня было несколько человек гниющего актива. Это получалось так. Он командир, он член комиссии, он член бюро комсомола, но мы видим, я и ребята видим просто по глазам, по походке, — и для них, и для меня даже не нужны были факты, — мы видим некоторую тонкую дипломатию, — там интрига, там клевета, уклонился от работы, там станок не убрал, а за него убирает какой-нибудь малыш, на завтра опять то же самое; и гниение начинается с пользования привилегиями, с уклонений, с барского тона. Иногда такое гниение доходит до более солидной величины. Смотришь, от него пахнет вином, а к вину у нас было беспощадное отношение. В коммуне был такой закон: за первый случай пьянства — на все четыре стороны! Спросишь его, почему пахнет вином.

— Я был в городе, выпил стакан пива.

Стакан пива — это не страшно, но является подозрение — пиво ли это?

Таков гниющий актив. Мы туда формально не заносили людей, но секретарь комсомольского бюро и 2—3 человека из комсомольцев знали, что тут начинается какое-то гниение.

Наконец, была группа, которую некоторые коммунары называли красочно «шпана». Это значит — держи карманы, и все внимание нужно остановить на них. Эти

могут и кассу взломать, и залезть на завод, и детали украсть. Обычно это новенькие, более старшего возраста. Таких бывало человек 15—20. Они ничего не делали, но все знали, что это «шпана», и если ее выпустить из глаз, то обязательно что-нибудь устроит.

И, наконец, термин, подсказанный французской революцией, — «болото». Здесь человек 50, которые кое-как бредут, кое-как выполняют нормы, а чем они живут, что у них в голове и на душе, как они относятся к коммуне, не узнаешь.

Было особенно радостным и приятным наблюдение за этим составом, наблюдение за их движением. Мы видим, что такой-то Петров был у нас в «болоте», причем мы говорили ему, что ты у нас в «болоте», ты ничего не делаешь, ничем не болеешь, ничем не интересуешься, ты скучный, вялый, тебя ничто не волнует, а отряд дальше его активизирует. Смотришь, он чем-то себя проявил, чем-то заинтересовался, еще раз себя проявил, и вот он уже переходит в резерв актива или в здоровый пассив.

Вся наша задача в том и заключается, чтобы совершенно уничтожить этот элемент «болота» и элемент «шпаны».

Со «шпаной» шел бой в лоб. Там никаких прикрытий не было. «Шпану» брали прямой лобовой атакой. С ней говорили по каждому пустяку, вызывали на общее собрание. Это была работа настойчивости и требований.

Что касается более трудных элементов, т. е. «болота» и гниющего актива, то приходилось вести тут разнообразную индивидуальную работу.

Переходим к индивидуальной работе. Здесь-то и является важнейшим институтом педагогический коллектив. Очень трудно определить работу педагогического коллектива в каких-нибудь точных выражениях. Это, может быть, самый трудный вопрос в нашей педагогике — работа педагогического коллектива. У нас сплошь и рядом и в педагогической литературе слово «воспитатель» появляется в единственном числе: «воспитатель должен быть таким-то», «воспитатель должен так-то действовать», «воспитатель должен так-то разговаривать».

Я не представляю себе, чтобы педагогика могла рассчитывать на обособленного воспитателя. Конечно, без талантливого воспитателя, способного руководить, обладающего зорким глазом, настойчивостью, обладающего

умом, опытом, одним словом, без хорошего воспитателя нам трудно. Но в воспитании 35 миллионов наших детей и юношей можем ли мы делать ставку на случайную картину таких воспитателей?

Если делать ставку на отдельного воспитателя, то значит идти сознательно на то, что хороший воспитатель будет воспитывать хорошо, а плохой — плохо. Кто подсчитывал, сколько талантливых воспитателей и сколько бесталанных? И затем давайте решим вопрос — воспитатель должен быть сам воспитан. Как он должен быть воспитан, что у него за характер, чем он руководствуется, чем живет? Сколько таких воспитателей, против которых нужно ставить минус, никто не подсчитал...

А мы делаем ставку на воспитателя в единственном числе.

Так как мне в своей жизни приходилось делать ставку, главным образом, на воспитательные цели и проблемы, я очень страдал от этого вопроса, когда ко мне попадали воспитатели, сами невоспитанные. Я потратил несколько лет жизни и работы, так как в высшей степени глупо надеяться, что этот невоспитанный воспитатель будет нам кого-то воспитывать. Потом я пришел к глубокому убеждению, что лучше совсем не иметь воспитателя, чем иметь воспитателя, который сам не воспитан. Я считал, что лучше иметь в коллективе 4 талантливых воспитателей, чем 40 бесталанных и невоспитанных. Я видел сам примеры, когда такие бесталанные, невоспитанные люди работали в коллективе. Какие результаты могли быть от такой работы? Только разложение коллектива. Других результатов не могло быть.

Значит, чрезвычайно важным является вопрос о выборе воспитателя. Как же выбирать, по каким признакам? У нас почему-то на этот вопрос обращают мало внимания. У нас считают, что любой человек, любой, кто угодно, стоит его только назначить на должность воспитателя и заплатить воспитательское жалование, он может воспитывать. А между тем это работа самая трудная, в итоге, возможно, работа самая ответственная и требующая от личности не только наибольшего напряжения, но и больших сил, больших способностей.

Никто так не вредил, никто так не портил моей работы, никто так не сбивал в сторону налаженной годами работы, как плохой воспитатель. Поэтому я в последние

годы пришел к твердой линии — работать без воспитателей совсем и пользоваться только теми воспитателями, которые действительно могут воспитывать. Это была неожиданная прибавка к моему плану.

Потом я совсем отказался от отдельных воспитателей. Я обычно пользовался помощью одних школьных учителей, но и с ними нужно было вести большую работу, чтобы научить их воспитывать. Я убежден, что научить воспитывать так же легко, может быть, как научить математике, как научить читать, как научить быть хорошим фрезеровщиком или токарем, и я учил.

В чем заключалась такая учеба? Прежде всего в организации характера педагога, воспитании его поведения, а затем в организации его специальных знаний и навыков, без которых ни один воспитатель не может быть хорошим воспитателем, не может работать, так как у него не поставлен голос, он не умеет разговаривать с ребенком и не знает, в каких случаях как нужно говорить. Без этих умений не может быть хорошего воспитателя. Не может быть хорошим воспитатель, который не владеет мимикой, который не может придать своему лицу необходимого выражения или сдержать свое настроение. Воспитатель должен уметь организовывать, ходить, шутить, быть веселым, сердитым. Воспитатель должен себя так вести, чтобы каждое движение его воспитывало, и всегда должен знать, чего он хочет в данный момент и чего он не хочет. Если воспитатель не знает этого, кого он может воспитывать?

Я убежден, что в будущем в педагогических вузах обязательно будет преподаваться и постановка голоса, и поза, и владение своим организмом, и владение своим лицом, и без такой работы я не представляю себе работы воспитателя. Конечно, постановка голоса имеет значение не только для того, чтобы красиво петь или разговаривать, а чтобы уметь наиболее точно, внушительно, повелительно выражать свои мысли и чувства. Все это вопросы воспитательной техники.

Например, относительно голоса, как нужно делать выговор, в каких границах вы имеете право показать свой гнев или негодование, имеете ли право показать или не имеете права, и если имеете право, то как вы должны показать. Это постоянное действие воспитателя и есть воспитание. Воспитанник воспринимает вашу душу и

ваши мысли не потому, что знает, что у вас в душе происходит, а потому, что видит вас, слушает вас. Если мы идем в театр и любимся актерами, которые играют прекрасно, то там эта игра — наше эстетическое наслаждение, а здесь воспитанник имеет перед собой такой же живой организм, но не играющий, а воспитывающий.

Я не могу долго останавливаться на этом вопросе. Важно, что воспитатель должен быть активно действующим организмом, сознательно направленным на воспитательную работу.

Во-вторых, ни один воспитатель не имеет права действовать в одиночку, на свой собственный риск и на свою собственную ответственность. Должен быть коллектив воспитателей, и там, где воспитатели не соединены в коллектив и коллектив не имеет единого плана работы, единого тона, единого точного подхода к ребенку, там не может быть никакого воспитательного процесса. Поэтому лучше иметь 5 слабых воспитателей, объединенных в коллектив, воодушевленных одной мыслью, одним принципом, одним стилем и работающих едино, чем 10 хороших воспитателей, которые работают все в одиночку, как кто хочет.

Здесь может быть очень много всяких искривлений. Вы, наверно, знаете такое явление, как явление любимого учителя. Я учитель в школе, и я воображаю, что я любимый учитель, а все мои коллеги — нелюбимые. Незаметно для самого себя я веду определенную линию. Меня любят, я стараюсь заслужить любовь, я стараюсь понравиться воспитанникам. Вообще, я любимый, а те — нелюбимые.

Какой это воспитательный процесс? Человек уже выбил себя из коллектива. Человек вообразил, что его любят и поэтому он может работать, как ему нравится и как он хочет.

Я уважал своих помощников, а у меня были просто гении в воспитательной работе, но я их убеждал, что меньше всего нужно быть любимым воспитателем. Я лично никогда не добивался детской любви и считаю, что эта любовь, организуемая педагогом для собственного удовольствия, является преступлением. Может быть, некоторые коммунары меня и любят, но я полагал, что 500 человек, которых я воспитываю, должны выйти гражданами и настоящими людьми, зачем же к этому еще

прибавлять какую-то припадочную любовь ко мне дополнительно к моему плану.

Это кокетничание, эта погоня за любовью, эта хвастливость любовью приносят большой вред воспитателю и воспитанию. Я убедил себя и своих товарищей, что этого привеска... не должно быть в нашей жизни.

Пусть любовь придет незаметно, без ваших усилий. Но если человек видит цель в любви, то это только вред... Если он любви воспитанников не добивается, то он может быть требовательным и справедливым и по отношению к воспитанникам, и по отношению к самому себе.

Такой коллектив воспитателей, объединенный общим мнением, убеждением, помощью друг друга, свободный от зависти друг другу, свободный от индивидуальной и личной погони за любовью воспитанников, только такой коллектив и может воспитывать детей. Поэтому я горячо приветствую напечатанное в газетах сообщение, что у вас в Наркомпросе сейчас серьезно поставлен вопрос об увеличении влияния и власти директоров школ и заведующих учебной частью. Это будет способствовать увеличению коллективности в работе педагогов.

Недавно мне прислали из редакции издательства «Советский писатель» рукопись, написанную одним московским педагогом. В этой рукописи изображается учительница, работающая в школе, изображается учебный год, педагогический состав, ученики и она. Книга написана от первого лица.

В «Советском писателе» мнения по поводу этой рукописи разделились. Одни сказали, что это пошлость, а другие сказали, что это замечательная книга. Меня выбрали арбитром.

Если книгу и следовало бы издать, то только с одной целью. Там выведена такая отвратительная фигура учительницы, что, собственно говоря, очень полезно, чтобы люди читали и видели, какой не должна быть учительница. Но автор в восторге от этой учительницы.

Это педагогическая бестия, которая только и занимается тем, что гоняется за «любовью» воспитанников. И родители там все ужасные, она их не называет иначе, как «папаши» и «мамаши», с глубоким презрением,— «родители это серая семья», а она, видите ли, педагог. Все учителя также отрицательные, один задавлен своей гордостью, другой ничем не интересуется, третий — ин-

триган, четвертый — ленив; директор бездеятелен и туп. Одна она гениальна.

При этом все написано в самом мерзком вульгарном тоне. Даны такие учителя, «у которых развязанности много и есть работоспособность, а таланта мало». И на каждом шагу нежные вздохи в стиле Вербицкой. Погоня за любовью, и такое описание учеников: вот эта девочка «наводит тень на ясный день». И затем особенное внимание, нездоровое внимание к половым вопросам.

Пожалуй, в этом и заключается все содержание: какой мальчик поглядел на какую девочку, какая девочка написала записочку, и как она, педагог, гениально разбила эти попытки влюбленности, и как ей были все благодарны.

Такие педагогические бестии, которые кокетничают в одиночку и перед учениками и перед обществом, они никого воспитывать не могут. И чтобы из педагогического персонала получились ответственные, серьезные воспитатели, есть только один путь — объединение их в коллектив, объединение вокруг определенной фигуры, центра педагогического коллектива — директора. Это тоже очень серьезная проблема, на которую наши педагоги также должны обратить большое внимание.

Если так много нужно потребовать от воспитателя, то еще больше нужно потребовать от того лица, которое объединяет воспитателей в коллектив.

Чрезвычайно важным является такое обстоятельство — длительность педагогического коллектива, и я считаю, что наши педагоги уделяют этому вопросу мало внимания. Если у нас в коммуне живет энное количество коммунаров и средний срок пребывания их в коммуне 5 лет, то и средний срок пребывания одного воспитателя в коммуне не может быть меньше 5 лет. Это закон, так как если коллектив живет и сбит по-настоящему, то каждый новенький является новеньким — не только воспитанник, но и педагог. И воображать, что сегодня пришедший педагог может воспитывать — это ошибка. Успех воспитателя зависит от того, насколько он старый член коллектива, сколько им заложено в прошлом сил и энергии, чтобы вести коллектив, и если коллектив педагогов будет моложе коллектива воспитанников, естественно, что он будет слаб. Но это не значит, что в коллективе нужно собирать только стариков. Тут наши педагоги

должны заняться вопросом об особенностях звучания старого педагога и начинающего педагога. Коллектив педагогов должен быть собран не случайно, а составлен разумно. Должно быть определенное количество стариков, опытных педагогов, и обязательно должна быть одна девочка, только что кончившая педагогический вуз, которая еще и ступить не может. Но она должна быть обязательно, потому что тут совершается мистерия педагогики, так как когда такая девочка приходит и попадает в старый коллектив и педагогов и воспитанников, то начинается неуловимо тонкая мистерия, которая определяет успех педагогический. Такая девочка будет учиться и у старых педагогов и у старых учеников, и то, что она будет учиться у старых педагогов, сообщает и им ответственность за ее нормальную работу.

Нужно разрешить вопрос, сколько должно быть женщин и сколько мужчин в педагогическом коллективе. Об этом нужно серьезно подумать, так как бывает преобладание мужчин, и это создает нехороший тон. Слишком много женщин — также какое-то однобокое развитие.

Я бы сказал, что очень большое значение имеет еще и просто внешний вид педагога. Конечно, желательно, чтобы все педагоги были красивы, но во всяком случае хоть один красивый молодой педагог, одна красивая молодая женщина обязательно должны быть.

Я так делал. У меня 22 педагога и есть одна вакансия. И я вижу, что остались все такие, как я, а нужно, чтобы ребят увлекла еще эстетика, красота в коллективе. Пусть они будут немного влюблены. Эта влюбленность будет самого хорошего типа, причем не полового типа, а приятная для глаз, некоторая эстетика.

Нужно обсудить вопрос, сколько должно быть из педагогов людей веселых и сколько угрюмых. Я не представляю себе коллектива, составленного из угрюмых людей. Должен быть хоть один весельчак, хоть один остроумец. По законам построения педагогического коллектива в будущей педагогике должен быть составлен целый том.

У меня был педагог Терский. Я дрожал, как бы его у меня не сманили. Он был удивительно веселый человек. Он меня заражал и воспитанников заражал своим буйным весельем. Он был не собран, но я добился, что он стал хорошим, настоящим педагогом. Иногда он был возмутителен. Он был семейным. Например, идем в

театр, он тащит годовалого ребенка на руках. Я говорю: «Зачем ребенка тащить в театр?» — «А нужно, чтобы он с году привыкал слушать музыку».

Я говорю: «Носи, когда коммунаров не будет».

Но потом получился из него замечательный человек. Он без веселья и минуты не мог ничего делать, причем он оказался удивительным мастером на всякие выдумки, ребусники и т. д. Например, ребусник — это большой плакат на полстены. Я даже удивлялся гению этого человека, как можно так много придумать задач. Плакат забит разными вопросами: и короткими, и длинными, и с рисунками, и с чертежами, и вопросами типа шуток. И не он один придумывает эти вопросы, а у него человек 150 работает, целая коллегия редакционная, находят в журналах, тащат, сами придумывают и т. д. И там целая система была. Висит задача — за нее тысяча очков. Решит задачу один человек — тысяча очков тому, кто решил, и тысяча тому, кто ее предложил. Решит задачу 100 человек, значит, по 10 очков на каждого, потому что задача более легкая.

Вокруг этих ребусников он сумел объединить всех коммунаров, и сюда он не мог не внести своей огневой бодрости.

Например, наклеена такая задача: «Я буду в выходной день на северо-восток от коммуны на расстоянии 4 км, и у меня в правом кармане будет интересная вещь. Кто меня найдет, тот получит тысячу очков».

И вот в выходной день вся коммуна отправляется за 4 км на северо-восток от коммуны и ищет Терского. Ребята запасаются компасами, завтраками, но он исчез. Я отменяю обед.

— Где ребята?

Оказывается, ищут Терского на северо-восток от коммуны.

А сколько там было интересного, и перечислить невозможно! Кончился ребусник, он объявляет: «Такого-то числа в таком-то часу у заведующего производством Соломона Борисовича Когана нужно развязать шнурок на ботинке. Кто это сделает, тот получит столько-то очков».

Соломон Борисович Коган — с брюшком, солидная фигура. Он уже знает и возмущается. Но в три часа Соломон Борисович уже окружен всеми коммунарами. Он говорит:

— Что, вы будете класть меня на лопатки? Это не годится!

И действительно, не годится... нужно с хитростью развязывать. И как-то один раз удалось.

Терский — человек, наполненный бодростью, он умеет занять ребят на каждом шагу.

Или вдруг Терский объявляет коммунарам и всей коммуне:

— Собственно говоря, перпетуум мобиле можно сделать. Наверно, можно сделать такую машину, которая всегда будет двигаться.

И он так убежден и так сумеет сыграть, что, смотришь, и инженеры находятся под его влиянием, инструктора, все начинают делать перпетуум мобиле. Я ему говорю:

— Зачем это вы? Ведь всем же известно, что нельзя сделать перпетуум мобиле.

А он отвечает:

— Ну, пускай попробуют, а может быть, кто-нибудь и сделает.

И я сам чуть ли не начинаю верить, что можно сделать перпетуум мобиле.

А с другой стороны, нужен человек, который никогда не улыбнется, весьма суровый человек, который никому не прощает и которого не послушаться невозможно.

Я бывало наслаждался. Дежурит сегодня девочка, которая вчера только кончила педагогический институт. Мобилизуется вся коммуна, так как всегда найдутся воспитанники, которые готовы ее надуть, и ей надо помочь.

— Лидия Петровна, я опоздал на работу, так как у меня ботинок нет!

И готово, она уже растерялась. И немедленно тут же кто-нибудь:

— А ну, ты врешь!

И это мобилизует весь коллектив.

Завтра дежурит суровый. Он ровно в 6 часов появляется, не дает никому проспать, откроет дверь и только усом поведет, и все знают, что он не спустит.

В моей практике я был убежден, что педагог, воспитатель или учитель, не должен иметь права наказания, и я никогда не давал ему права наказания, даже выговора. Во-первых, это очень трудная вещь. Во-вторых, я

считал, что право наказания должно быть сосредоточено у одного лица, чтобы не путать и не мешать друг другу. От этого работа педагогов делалась труднее, ибо они должны были иметь авторитет.

Говоря об авторитете, многие педагоги убеждены, что авторитет либо дается от бога — родился человек с авторитетом, все смотрят и видят, что он авторитетен, либо должен быть искусственно организован. Поэтому многие говорят:

— Что это вы при воспитанниках сделали замечание учителю. Вы подрываете его авторитет.

По-моему, авторитет проистекает только от ответственности. Если человек должен отвечать за свое дело и отвечает, то вот его авторитет. На этой базе он и должен строить свое поведение достаточно авторитетно.

Работа педагога должна заключаться в наибольшем приближении к первичному коллективу, в наибольшей дружбе с ним, в товарищеском воспитании. Инструментовка педагогическая — вообще сложная и длительная история. Например, если один член коллектива нарушил дисциплину, показал себя не с хорошей стороны, я требовал, чтобы педагог добивался прежде всего, чтобы отряд занялся этим вопросом. Его работа должна заключаться в возбуждении активности отряда, в возбуждении требований коллектива к отдельной личности.

Я не могу останавливаться на методике работы отдельных преподавателей, это потребовало бы много времени, но я скажу, как я сам с воспитанниками, с отдельными личностями работал как воспитатель.

По отношению к отдельной личности я предпочитал и рекомендовал другим предпочесть все-таки атаку в лоб. Это значит, если мальчик совершил плохой поступок, отвратительный, я ему так и говорю:

— Ты совершил отвратительный поступок.

Тот знаменитый педагогический такт, о котором так много пишут, должен заключаться в искренности вашего мнения. Я не позволю себе ничего скрывать, маслить, я говорю то, что я на самом деле думаю. Это наиболее искренно, просто, легко и наиболее эффективно, но как раз не всегда можно говорить.

Я считаю, что разговор меньше всего помогает. Поэтому, когда я раз увидел, что мои разговоры не нужны, я уже ничего не говорил.

Например, мальчик оскорбил девочку. Я об этом узнал. Нужно об этом говорить? Для меня важно, чтобы и без разговора он понял, в чем дело. Я ему пишу записочку и отсылаю в конверте.

Нужно сказать, что у меня были такие «связисты». Это 10-летние мальчики с глазами сложными, как у мухи: они всегда знают, где кого можно найти. Обычно такой связист — хорошенький мальчик, имеет большое значение. Я передаю ему конверт. В конверте написано: «Тов. Евстигнеев, прошу тебя зайти сегодня в 11 вечера».

Мой связист прекрасно знает, о чем написана записка, что случилось, почему я его зову и т. д., всю подноготную знает, но и виду не подает. Я ему говорю:

— Отдай записку.

И больше ничего не говорю. Я знаю, как это делается. Он придет в столовую:

— Вам письмо.

— Что такое?

— Вас Антон Семенович зовет.

— Почему?

— Я сейчас тебе объясню. А помнишь, как ты вчера обидел такую-то?

А в половине 11-го этот связист придет.

— Ты готов?

— Готов.

— Тебя ждут.

Иногда этот Евстигнеев не вытерпит и зайдет ко мне не в 11 часов вечера, а в 3 часа дня.

— Антон Семенович, вы меня звали?

— Нет, не сейчас, а в 11 часов вечера.

Он идет в отряд. А там уже спрашивают:

— Что такое? Отдуться?

— Отдуться.

— А за что?

И до 11 вечера его разделают в отряде под орех. В 11 он приходит ко мне бледный, взволнованный всем сегодняшним днем. Я его спрашиваю:

— Ты понял?

— Понял.

— Иди.

И больше ничего не нужно.

В других случаях я поступал иначе. Я говорил связисту:

— Немедленно явиться!

И когда вызванный приходит, я говорю все, что я думаю. Если же это человек трудный, который мне не верит, против меня настроен, недоверчиво ко мне относится, я с тем разговаривать не буду. Я соберу старших, вызову его и в самом официальном, приветливом тоне буду с ним говорить. Для меня важно не то, что я говорю, а как другие на него смотрят. Он на меня поднимает глаза, а на товарищей боится смотреть. Я говорю:

— А дальше товарищи тебе расскажут.

И товарищи расскажут ему то, чему я их раньше научил, а он будет воображать, что это они сами придумали.

Иногда требуется особая система. Были случаи, когда я приглашал весь отряд, но чтобы не показать виду, что я приглашаю весь отряд для того, чтобы разделаться с одним, я приглашаю весь отряд на чашку чая, т. е. ставлю на стол чай, пирожные, ситро. Обычно каждую неделю какой-нибудь отряд бывал у меня. И обычно отряд не знает, в чем дело, и страшно интересуется. И тут в беседе, за чашкой чая, за шутками, коммунары думают, кто же виноват. И даже виду не покажут, кто виноват. А если они сами в разговоре расскажут, кто в чем виноват, то тут же над ним и пошутят. После чая все с хорошими чувствами, настроениями идут в спальню.

— Все было прекрасно, но вот видишь, как ты нас подвел.

И на следующую шестидневку я опять приглашаю этот же отряд чай пить. Они понимают, что это проверка, проверочное чаепитие. И они сами рассказывают мне, как они с ним поговорили, что он дал обещание, что назначили ему шефа:

— Не беспокойтесь! Все будет благополучно!

Иногда на такое чаепитие я приглашал класс.

И так как обычно отряд не знает, когда будет чай и кто будет приглашен, то они готовятся все. Стараются быть хорошо одетыми и т. д. (Был у них и одеколон.) И обычно такой отряд и отдельные лица стеснялись, что вдруг они будут приглашены к чаю, а у них какие-то неполадки в отряде.

И один раз был такой случай, что началось чаепитие, и вдруг обнаружился такой проступок, что дежурный командир предложил прекратить чай. И это было заслу-

женно. И весь коллектив страдал на другое утро, так как его встречали вопросом:

— Ну, были в гостях? Пили чай?

— Нет...

Это все формы индивидуальной обработки. Особенно важны такие формы, которые приходят от самого воспитанника. Обычно мальчик или девочка приходят и говорят:

— Мне нужно поговорить с вами по секрету.

Это самая дружеская и лучшая форма.

Но в некоторых случаях я позволял себе изменить фронтальную атаку, а заняться обходным движением. Это тогда, когда против личности восстановлен весь коллектив. Тогда бить фронтально человека нельзя, он остается без защиты. Коллектив против него, я против него, и человек может сломаться.

Был такой случай. Была девочка, милая, хорошая, но побывавшая на улице. Далась нам она очень трудно, но через год начала выправляться, и вдруг пропали 50 руб. из тумбочки у ее подруги. Все сказали, что их взяла Лена. Я дал разрешение на обыск. Произвели обыск. Не нашли. Я предложил историю считать исчерпанной.

Но через несколько дней в клубе, в читальне, эти деньги были найдены под гардиной, спрятанные в особые приспособления для закрывания окон, и ребята сказали, что они видели, как Лена вертелась около этих окон и даже в руках что-то держала.

Совет командиров вызвал ее, и все ребята сказали:

— Ты украла.

Я вижу, что ребята действительно убеждены. Они требуют увольнения за кражу. Я вижу, что ни один человек не склонен стоять за нее, даже девочки, которые обычно в таких случаях защищают свою подругу, и те настаивают на увольнении, и я вижу, что действительно она украла. Это вне всяких сомнений.

В таких случаях приходится применять обходное движение. Я говорю:

— Нет, вы не доказали, что она украла. Я не могу разрешить уволить.

Они смотрят на меня дикими глазами. Я говорю:

— Я убежден, что украла не она.

И пока они доказывают, что украла она, я доказываю, что украла не она.

— Почему вы убеждены?

— По глазам вижу.

А они знают, что я действительно часто узнаю по глазам.

Она приходит ко мне на другой день.

— Спасибо вам, вы меня защитили, они напрасно на меня нападали.

Я говорю.

— Как это так? Ведь ты украла.

Тут я ее взял этим неожиданным поворотом. Она расплакалась и призналась. Но этот секрет мы только знаем, она и я, что я на общем собрании «лгал», чтобы ее защитить, зная, что она украла, отдал ее в мое полное педагогическое распоряжение.

Это ложь. Но я видел гнев коллектива. Ее могли выгнать, и, чтобы этого избежать, надо было пойти на такую штуку. Я противник таких обходных движений. Это опасная вещь, но в данном случае девочка поняла, что я обманул общее собрание для нее, что у нас есть общий секрет, и это отдает ее целиком мне как педагогический объект. Но эти обходные движения очень трудны и сложны. И на них можно решаться только в редких случаях.

Лекция четвертая

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ. ОТНОШЕНИЯ, СТИЛЬ, ТОН В КОЛЛЕКТИВЕ

Я хочу остановиться недолго на вопросе о трудовом воспитании, чтобы потом перейти к заключительному отделу — к отделу о стиле и тоне.

Как вы помните, с начала нашей революции наша школа называлась трудовой, и все мы, педагоги, находились под впечатлением не столько трудового метода, сколько под обаянием самого слова «труд» и под обаянием трудового принципа. В колонии возможности труда были, конечно, больше, чем в школе, но за 16 лет моей работы в колониях им. Горького и Ф. Э. Дзержинского мне пришлось пережить очень сложную историю развития и моего отношения к воспитывающей роли труда, и организации трудовых процессов, и даже понимания самого трудового метода. В 1920 г. я никак не мог представить себе ту трудовую обстановку, которая была

в коммуне им. Дзержинского в 1935—1936 гг. Я не могу сказать уверенно, что путь трудовой организации, ее развития, который я прошел, был путем правильным, так как я не был самостоятельным в этой области и находился в зависимости от многих мнений и точек зрения людей, временно прикасавшихся к моей работе, вносящих в нее свою точку зрения, свои изменения и формы. В течение всех 16 лет мне приходилось идти рядом и приспосабливаться к тем обстоятельствам, в которых я находился. В колонии им. Горького мне приходилось приспосабливаться главным образом к нужде и выводить трудовой принцип из необходимости, из обстановки нужды. В коммуне им. Дзержинского мне приходилось приспосабливаться и даже бороться с отдельными течениями, исходящими от моего начальства.

Я считаю, что были некоторые периоды в истории моего коллектива, которые я с известным правом могу назвать вполне идеальными. В коммуне им. Дзержинского это было приблизительно в 1930—1931 гг.

Почему я называю этот период идеальным? Это был период, когда все мои коммунары работали уже на настоящем производстве, т. е. была такая организация, в которой был промфинплан, стройный порядок, в котором присутствовали все формы серьезного завода — планово-производственный отдел, нормировочный отдел, точнее — нормы для каждого дела, стройная зависимость между всеми рабочими местами, очень строго разработанный перечень деталей, снабженный не только количеством выпускаемых деталей, но и нормами выпуска и нормами качества...

Тогда производство было у нас вполне рентабельно, окупало не только себя, но и коммунарский коллектив в его бытовой жизни и приводило к накоплению, т. е. у нас было настоящее производство. И в это же время коммунары не получали заработной платы. Это, конечно, спорный вопрос, и он остается спорным вопросом до сих пор. Я не знаю других учреждений, которые проводили бы такой опыт.

Я был в то время противником заработной платы. Поднятие производительности труда, исходящее из интересов коллектива, поднятие трудового энтузиазма постоянного наполнения, не энтузиазма штурма и не энтузиазма ближайших целей этой шестидневки или этого месяца,

а энтузиазма спокойного, ровного, видящего далекие перспективы коллектива, и под влиянием этого энтузиазма совершение огромной работы, требующей от педагога мобилизации психической, физической и идеологической... Я считал такой энтузиазм наиболее ценным воспитанием, и я глубоко был уверен, что заработная плата эту картину нравственного благополучия должна несколько испортить и расколоть.

Я не могу сказать, чтобы введение заработной платы привело к каким-либо дополнительным достижениям, и потому я продолжал отстаивать свою точку зрения. Я указывал на то, что работали без заработной платы и делали все, что нужно, превышая норму и превышая план, и находились в полном благополучии с материальной стороны.

Но я был окружен настолько влиятельными противниками, отнюдь не заинтересованными в моих педагогических устремлениях, но уверенными в том, что заработная плата повысит интенсивность труда и заинтересованность воспитанников в труде, и настолько эта точка зрения поддерживалась моим руководством, что я не имел возможности и сил бороться с этой тенденцией, и поэтому последние годы я прожил в обстановке заработной платы.

Поэтому я сейчас могу отбросить другие положения и считать, пожалуй, их негативными положениями трудового воспитания. Это такие положения, когда нет производства, когда нет коллективного труда, а когда есть отдельные усилия, т. е. трудовой процесс, имеющий целью дать якобы трудовое воспитание.

Я не представляю сейчас себе трудового воспитания коммунаров вне условий производства. Вероятно, что такое воспитание также возможно, т. е. воспитание в труде, не имеющем производственного характера. Такое воспитание я пережил сравнительно недолго, в первые годы в колонии им. Горького, когда поневоле из-за отсутствия производственной арены, производственного оборудования мне пришлось довольствоваться, так сказать, производственным самообслуживанием и так называемым производственным процессом. Теперь я уверен, что труд, не имеющий в виду создания ценностей, не является положительным элементом воспитания, так как труд, так называемый учебно-производственный, и тот

должен исходить из представления о ценностях, которые труд может создать.

В колонии им. Горького просто из-за нужды я торопился перейти к производству. Это было производство сельскохозяйственное. В условиях детских коммун сельское хозяйство почти всегда является убыточным. Мне удалось в течение двух лет, и только благодаря исключительным знаниям и умению агронома, прийти к рентабельному хозяйству, и не к зерновому, а к животноводческому. Главной ареной у меня была свинарня. В последние годы мы имели до 200 маток и производителей и несколько сот молодняка. Это хозяйство было оборудовано по последнему слову техники. Была специально выстроенная свинарня, в которой чистота была, пожалуй, не меньше, чем в коммунарских спальнях, которая промывалась при помощи солидной системы водопроводов и сливов, стоков и кранов, где даже не было запаха..., свинари имели вид франтов. Вот такое хозяйство, оборудованное по последнему слову техники, снабженное кормовой базой, уже приносило нам большой доход и позволяло жить более или менее зажиточно. Мы уже имели возможность не только хорошо есть и одеваться, но и усиленно пополнять наше школьное хозяйство, библиотеку, имели возможность построить и оборудовать хорошую сцену; мы за эти деньги приобрели инструменты для духового оркестра, киноаппарат, все то, что в 20-х годах мы не могли иметь ни по какой смете.

Кроме того, мы помогали бывшим воспитанникам, которых становилось все больше и больше, студентам и отдельным воспитанникам, оказавшимся в нужде, помогали очень многим, выходящим замуж. Предпринимать путешествия, принимать гостей— тоже дорогая очень штука. Мы бывали очень часто в театрах, в общем имели все те блага, которые и должен иметь советский гражданин, выполняющий свои трудовые обязанности.

Вот все эти блага, которые я перечислил, они были настолько убедительным импульсом для повышения производительности труда, что я даже не вспоминал тогда о заработной плате.

Правда, я признавал необходимость для воспитанников иметь карманные деньги и вообще являюсь большим сторонником карманных денег... Человек, вышедший в свет, должен иметь некоторый опыт личного бюджета и

должен уметь тратить деньги. Он не должен выходить в жизнь такой институткой, которая не знакома с тем, что такое деньги. Но тогда украинский Наркомпрос категорически возражал против выдачи карманных денег воспитанникам колонии, считая, что таким образом я буду воспитывать меркантильность. Поэтому я мог выдавать карманные деньги, только предварительно договорившись с воспитанниками, что они никому не будут об этом говорить.

Но эти карманные деньги я выдавал не в зависимости от произведенного труда в каждом отдельном случае, а в зависимости от общих заслуг воспитанника по отношению к коллективу.

В таком же положении я находился в коммуне им. Дзержинского, где было не сельское хозяйство, а производство. Там зависимость коммунаров от производства была еще больше. Колония им. Горького получала деньги по смете, а коммуна им. Дзержинского не получала ни копейки, и, мне кажется, за все время своего существования она не взяла от государства ничего. Поэтому не только дополнительные блага в коллективе, но и нормальная пища, простая сытость коммунаров исключительно зависела от их труда в коллективе.

Мне пришлось начинать в очень тяжелой обстановке в коммуне им. Дзержинского, в гораздо более тяжелой, чем в колонии им. Горького, где все-таки была смета. Коммуну им. Дзержинского построили очень шикарно. Она была организована в несколько благотворительном стиле в первые годы. Хотели увековечить память Ф. Э. Дзержинского и выстроили дом, очень красивое здание, одно из прекраснейших произведений архитектуры известнейшего архитектора в Советском Союзе, где и теперь нельзя найти никакой дисгармонии ни в плане, ни в рисунке фасада, ни в украшениях дома, ни в рисунке окон и т. д. Там были прекрасные спальни, был великолепный вестибюль, ванны, души, прекрасные классные комнаты. Коммунаров одели в богатые суконные костюмы и запасали достаточный. Но не поставили ни одного порядочного станка. Не было у нас ни огорода, никакого участка земли, и сметы также не было. Предполагалось, что как-нибудь устроится.

В первые годы коммуна жила на отчисления, которые производили чекисты Украины из своего жалованья

в размере $\frac{1}{2}$ процента. Это давало в месяц около 2000 руб. А мне нужно было до 4000—5000 руб. в месяц только, чтобы покрыть наши текущие расходы, считая школу. Остальные 2000—3000 руб. мне достать было негде, так как и работать было негде. Были по недоразумению те мастерские, на которые еще от Адама и Евы Наркомпрос возлагал свои надежды,— это сапожная, швейная и столярная. Эти мастерские — сапожная, швейная и столярная, как вы знаете, считались альфой и омегой педагогического трудового процесса, причем сапожная мастерская состояла в том, что в ней было несколько пар колодок, несколько табуреток, были шилья, молотки и не было ни одного станка, не было кожи, и предполагалось, что мы будем выращивать ручных сапожников, т. е. тот тип мастерового, который нам сейчас абсолютно не нужен.

Такое же было оборудование и в столярной мастерской, где было несколько фуганков, рубанков, и считалось, что мы будем выпускать хороших столяров, делая все вручную.

Швейная мастерская тоже была построена по дореволюционным нормам, и предполагалось, что мы будем воспитывать хороших домашних хозяек, которые смогут в случае чего подрубить пеленки, положить заплату и сшить себе кофту.

Все эти мастерские вызывали у меня отвращение еще в колонии им. Горького, а здесь я совсем не понимал, для чего они устроены. Поэтому я со своим советом командиров закрыл их через неделю, кое-что оставив для наших собственных нужд.

В первые три года коммуне им. Дзержинского пришлось пережить очень большую нужду. Были моменты, когда мы в течение дня ели один хлеб. Насколько велика была нужда, можно было судить по тому, что я первые 8 месяцев не получал жалованья, должен был кормиться тем самым хлебом, которым кормилась и коммуна. Были моменты, когда в коммуне не было ни копейки и когда надо было ходить «позычать», как говорят украинцы. Представьте себе, эта нужда, несмотря на то, что мы переживали ее тяжело и с обидой,— она-то и была прекрасным стимулом для развития труда. Чекисты — и я им за это очень благодарен — никогда не соглашались перейти на смету и просить помощи у Нар-

компроса: дайте нам денег на содержание воспитанников. И действительно, было стыдно: построили коммуны, а содержать детей не на что. И поэтому все наши усилия направились к тому, чтобы заработать самим, самое неприкрытое стремление заработать на жизнь.

Первый год мы очень много работали в своих столлярных, мы делали все то, что требуется для домашнего обихода,— стулья, шкафики. И были заказчики. Делали очень плохо, заказчики обижались, и обычно мы были в убытке. Стоимость материалов, электроэнергии, гвоздей, клея — все это только-только совпадало с той ценой, которую мы назначали заказчикам, а труд наш не оплачивался.

Помогло нам одно счастливое обстоятельство. Мы пригласили заведующего производством Соломона Борисовича Когана, человека весьма беспринципного по отношению к педагогике, но чрезвычайно энергичного. Я очень благодарен этому товарищу и считаю, что мне когда-нибудь надо специально поблагодарить его за те совершенно новые педагогические принципы, которые он внес в мое дело, несмотря на полную свою педагогическую беспринципность.

Прежде всего он поразил меня своими первыми словами. Это толстый такой человек, с животиком, с одышкой, очень напористый.

Придя в коммуны, он сказал:

— Как? 150 коммунаров, 300 рук не могут себе заработать на суп! Как это может быть? Они должны уметь зарабатывать себе на жизнь, и не может быть иначе.

Это был принцип, в котором я раньше сомневался. Он доказал мне через месяц, что он прав. Правда, мне пришлось уступить ему во многих моих педагогических тезисах.

Прежде всего он начал с некоторой авантюры. Он отправился в Управление строительством Строительного института и предложил:

— Я вам сделаю мебель для института.

Он никаких оснований не имел для такого предложения. Мы не умели делать мебели, и для производства мебели у нас не было оборудования, не было станков, не было материала. У нас был только Соломон Борисович Коган и 150 коммунаров.

К счастью, люди оказались доверчивые и наивные и говорят:

— Пожалуйста, сделайте.

— Давайте, напишем заказ.

Написали заказ — столько-то тысяч разных предметов для аудиторий, столько-то столов, столько-то стульев, шкафов и т. д. Когда я посмотрел этот список на 200 000 руб., я подумал, не позвонить ли врачу и не измерить ли температуру у Соломона Борисовича. Я говорю:

— Как это вы взяли?

Он говорит:

— Сделаем.

— А все-таки, с чего мы начнем? Ведь нам нужны деньги, а денег нет.

Он говорит:

— Всегда бывает так, что когда у человека не бывает денег, он говорит — нет денег. А потом откуда-то достает, и мы достанем.

— Откуда достанем? Кто же даст?

— А разве нет на свете «дураков», которые дадут?..

И представьте себе, он нашел. В том же институте оказался, простите за выражение, «дурак», который пошел на его предложение. Соломон Борисович говорит:

— Мы мебель сделаем, а куда ее складывать? У вас только фундамент роют. Хорошо, мебель у нас скоро будет готова, но куда ее сложить?

Тот отвечает:

— Да, действительно некуда складывать.

Соломон Борисович говорит:

— Ну, мы можем ее у себя сложить.

— А у вас есть куда сложить?

— Нет, но мы можем построить складочное помещение. На это надо 50 000 руб.

— Получайте 50 000 руб.

Получили 50 000 руб., но и я, и коммунары, и Соломон Борисович решили, что мы складочного помещения строить не будем. На эти деньги мы купили станки деревообделочные, купили материал. Соломон Борисович взял еще аванс и стал производить отнюдь не оборудование для Строительного института, а всякие вещи, которые могли быть проданы на рынке. Он стал делать обыкновенные стулья для продажи на рынке, причем сначала

делал стулья корявые, никуда негодные, но Соломон Борисович говорил, что пока коммунары стула делать не умеет, он будет делать проножку. И он ввел разделение труда. Я очень сомневался.

Он ввел такое разделение — один строгал, другой пилил, третий чистил, четвертый шлифовал, пятый брал на контроль и т. д. Но никакого учебного процесса не получалось, и мои коммунары обратили внимание и говорят: мы тут ничему не научимся. На общем собрании говорили, что это нужное дело, что для коммуны нужно поработать, но нужно, чтобы и польза была и ученье было, а на этих планках и проножках научиться нельзя.

Соломон Борисович оказался действительно знающим в своей области. Он разбил производство стула на десятки операций, и каждый коммунары выполнял одну единственную операцию. Но благодаря этому мы стали выпускать стульев видимо-невидимо.

Скоро весь наш двор был завален стульями, правда, очень плохого качества. Сначала Соломон Борисович больше полагался на всякие поправки: когда стулья были сделаны, он изобрел специальную замазку из клея и опилок, и этой замазкой он замазывал все дырочки, шлифовал и т. д. Во всяком случае через полгода он 50 тысяч основного капитала превратил в 200 тысяч. Тогда он купил еще станки и лесу и перешел на производство театральной мебели.

В дальнейшем Соломон Борисович отошел на второй план и сделался начальником снабжения — должность, наиболее соответствующая его специальности и таланту; пришел новый инженер, и все-таки я убедился, что такое строгое разделение труда по отдельным мельчайшим процессам — полезная вещь. Когда смотришь на него в лоб расширенными зрачками, оно производит угнетающее впечатление, а когда рассматриваешь его во времени, оно ничего страшного не представляет. Конечно, каждый отдельный мальчик или девочка в каждый данный момент производит только одну операцию, которая, казалось бы, не дает никакой квалификации, но в течение нескольких лет, которые коммунары проводит в коммуне, он проходит через такое большое количество различных операций, переходя, наконец, к сложнейшим операциям — сборка и др., что он действительно делается очень квалифицированным работником, необходимым

для широкого общественного производства, а не для кустарного.

Конечно, если бы я так остался сидеть на деревообделочном деле, то мои коммунары могли бы выходить только производственниками для деревообделочной фабрики, и то только для фабрики с большим разделением труда. Но именно успех коммерческий, успех в смысле производительности позволил нам настолько основательно удовлетворить наши потребности, что мы уже через год после пришествия Соломона Борисовича поблагодарили чекистов и просили их прекратить отчисление своих процентов, а еще через год мы уже имели накоплений 600 тысяч чистых в банке.

Вот что нам дало наше производство. А имея 600 тысяч рублей, мы уже имели лицо не благотворительного учреждения, а серьезного предприятия, которому можно верить.

И банк нам доверил ссуды на строительство. В 1931 г. мы построили первый завод, уже основательный завод металлообрабатывающей промышленности, производящий очень сложные машинки, до того времени импортные. Очень быстро освоили, несмотря на то, что эта машинка имела свой мотор, 150 деталей, много всяких шестеренок, так что требовались и фрезерные, и зуборезные станки, очень сложная сборка, литье, и все-таки мы имели возможность, пользуясь опытом разделения труда на дереве, очень быстро освоить производство на металле. Эта психология человека, работающего на одной детали, но доводящего этот процесс до совершенства,— она пригодилась и на металле. Нам понадобилось месяца полтора, чтобы освоить очень сложные станки, причем на станках стояли коммунары 13—14 лет.

Работа на металлообрабатывающем заводе была настолько успешной, что мы начали строить завод фотоаппаратов. Этот очень сложный завод был построен на собственном оборудовании. Нынешний завод фотоаппаратов коммуны является своим заводом. Там вы можете встретить станки, которые не на всех заводах имеются, причем там очень сложный процесс точности до микрона, т. е. требующий очень сложных инструментов, подбора инструментария, научно-оборудованной и придиричливой техники контроля, вообще сложнейшее производство.

Я убежден, что мы не могли бы прийти к нему, если бы не начали с производства стульев, с разделения труда. Я понимал, что суть не в том, с чего начинать, а в логике производства, основанного на последних данных, а таковыми являются разделение труда и план.

Для непроизводственника трудно понять, что такое план на производстве. План заключается не только в том, сколько надо сделать столов и стульев. План — это тонкое кружево норм и отношений. Это кружево всяких деталей, это кружево всяких частей, движение от станка к станку. Нужно предусмотреть и приспособление качества материала, подачу материала, выдачу инструмента, его заточку, его пополнение и, наконец, контрольные требования, а в хорошем производстве контроль — это также набор всяких приспособлений, норм и условий. Это сложнейшее «оборудование» человеческой деятельности. И на таком «оборудовании» нужно воспитывать наших граждан, поскольку они участвуют не в кустарном производстве, а в производстве большого государственного масштаба, организованном по последнему слову техники.

Конечно, после этого оборудования в коммуне им. Дзержинского я не могу представить себе не только сапожной или швейной мастерской, но и деревообделочной на ручном станке.

Трудовое воспитание постепенно у нас перешло в производственное воспитание, я не ожидал сам, к чему оно может привести. Но в последние годы я не удивлялся, когда у меня мальчики 13—14 лет управляли группой фрезерных станков, где нужна и математика, и очень тонкое соображение.

Я уже не говорю, что здесь надо знать и качество материала, и качество резца; уметь читать чертежи, и так далее. Рядом с мальчиком 14—15 лет, который уже сам прекрасный фрезеровщик и руководит группой фрезеровщиков, вы видите мальчика лет 16—17 — начальника цеха, правда, может быть, цеха более простого, а уже в 19 лет юноша руководит сложным цехом. Вот Володька Козырь, бывший мой связист, который умел только побежать и найти товарища, руководил сложным механическим цехом.

Этот путь, который для взрослого человека, может быть, потребует 10 лет, для мальчика на производстве

потребуется 1—2 года. Этот путь, к которому я перешел, не так легок, и сразу трудно поверить, что мальчики и девочки на своем производстве достигают такой большой квалификации. По отношению к девочкам надо сделать такую поправку: они также быстро достигают стахановских норм выработки, только не в металлообрабатывающем производстве, а в процессе сборки, монтажа, в производстве с легкой физической работой, в особенности в производстве оптическом: в производстве линз, где больше требуется чистоты и внешней точности; в части точных движений и внимательности они мальчиков обгоняли. Мальчики преобладали своими способностями конструкторов, а девочки — своими способностями к точности и организованности в сложных и ответственных процессах. Мальчики не могли справиться с производством линз, а все это производство было передано девочкам. В процессе сборки тончайших узлов, где нужны не только точность движения рук и точность глаза, но еще очень строгое и точное расположение частей на столе, там тоже девочки мальчиков обгоняли не только в производстве, но и в организации производства.

Мальчики вообще были убежденными металлистами, девочки — нет, металл у них не вызывал таких эмоций. У мальчиков железо, медь, никель сотрясение души производят всегда. Девочки отдалялись от станков фрезерных, револьверных, в особенности, от станков, где работа связана с эмульсией, с брызгами, грязью.

Девочки-коммунарки никогда и не пробовали работать в литейном цехе.

Вот виды труда, к которым перешел мой коллектив к последнему своему году.

Если рассматривать этот труд с точки зрения обычного понимания педагогического процесса, т. е. вот отдельный человек — воспитанник, а вот его воспитатель, то, пожалуй, производство может показаться неправильно оборудованным педагогическим процессом, но если его рассматривать в коллективе и во времени, то оно окажется очень притягательным.

Всякое сложное производство уже тем хорошо, что оно дает простор для удовлетворения вкусов и склонностей.

В таком производстве, как производство ФЭДов, у нас и большой чертежный цех, где работает несколько десятков чертежников, и плановый отдел, и контрольный

отдел, и большой инструментальный цех, коммерческий отдел, и поэтому каждый воспитанник мог иметь выход для своих наклонностей. Конструкторское бюро (конструктора, чертежники) целиком обслуживалось коммунарами. Значит, туда шли те, у кого к этой работе были наклонности и способности.

Наибольшую квалификацию дает инструментальный цех, т. е. мальчик пройдет все цехи и отделы и увенчает свое производственное образование в инструментальном цехе, откуда он может выйти лекальщиком, т. е. добиться наивысшей квалификации инструментальщика.

Я вижу полезность этого процесса производства в каждом отдельном его пункте для воспитания характера человека, вышедшего из коммуны. У меня бывают часто коммунары, вышедшие из коммуны, учащиеся в вузах и приезжающие из города меня навестить. Это все люди, получающие или получившие высшее образование. Там есть и историки, и геологи, и врачи, и инженеры, и конструктора и т. д. Но у всех в характере есть особая черта широты и разносторонности взглядов, привычек, точек зрения и т. д.

Недавно приезжал ко мне врач. Я помню, что он у нас работал шлифовальщиком на большом шлифовальном станке, где деталь доводится до последней степени точности, до сотой миллиметра. Он работал так. Ему мастер говорит:

— Пожалуйста, сними на сотую миллиметра,— на «сотку».

Он устанавливает на станке деталь и, не производя никакой проверки, не работая никакими измерительными приборами, говорит:

— Пожалуйста, вот сотка.

Глаз, рука и станок у него были так сработаны, что он работал не проверяя. Чуткость его к станку была совершенна.

Этот прекрасный шлифовальщик теперь врач, но в его философии и сейчас я чувствую страшное уважение к точности. И, наблюдая коммунаров, я вижу сейчас отражение тех навыков, которые приобрели они на всяких пройденных ими организационных и производственных работах.

Коллектив, имеющий у себя завод и отвечающий за завод, много приобретает навыков организаторских, т. е.

тех навыков, которые, может быть, наиболее нужны для гражданина Советского Союза. На каждом общем собрании, на каждом производственном совещании командиров, просто на сборах и группах, в цехе, во время будничного разговора всегда упражняется эта организаторская способность, и всегда коллектив привыкает требовать ответственности не только от каждого отдельного рабочего, но и от каждого коммунара как организатора. Если вы должны представлять себе всю сложность производства, то вы должны представить и всю сложность отношений человека к производству. На общем собрании, где сидят ученики и механического цеха, и оптического, и сборного одного, и сборного другого, и инструментального, кто-нибудь поднимает вопрос о недостатке какой-нибудь детали и высказывается сборный цех, прося высказаться людей, которые никакого отношения к сборному цеху не имеют, и эти люди высказываются, т. е. они понимают, чего там не хватает, они высказываются как организаторы.

Еще большее упражнение организаторских способностей происходит в самом цехе во время работы. То же самое руководство группой фрезерных станков требует умения организатора-единоначальника.

Я понимаю, что не так легко организовать такое производство, но нельзя же говорить только о легких вещах. И для меня организовать такое производство стоило 16 лет труда, 16 лет нужды и борьбы. Ну что же, я уверен, что и любой детский коллектив, если бы он захотел перейти на серьезное производство, тоже истратит не меньше 10 лет, и, конечно, первые поколения, которые будут бороться за это производство, уйдут, не испытав еще всех благ. Следующие испытают.

Не надо думать, что первые поколения уйдут обиженные. Ведь бороться за цели, поставленные на будущие годы, — и это уже стоит многого в смысле квалификации и воспитания. Может быть, во всем этом процессе главным является эта коллективная борьба, это устремление вперед, марш к ясно поставленным целям.

Я счастлив, что мой коллектив всегда имел перед собой ясно поставленные трудные цели и шел к ним, и не просто передвигался в пространстве, но преодолевал трудности, даже нищету и трения внутри своего коллектива. И когда есть марш к ясно поставленным целям,

если поставить эти слова сознательно, именно «движение к ясно поставленным целям», тогда вопрос о заработной плате не имеет уже такого принципиального значения. В хозяйственном коллективе, где слишком явны достижения труда, где слишком явное благополучие, где каждый рубль накопления сулит что-то на завтра, там уже не нужно стимулировать каждого человека его личной заработной платой.

Заработная плата у меня была потом введена, но мне удалось сохранить и коллективный тон и нивелировать тот вред, который могла бы принести заработная плата в младшем возрасте. Зарплата у взрослого человека, у которого есть семья, ответственность перед семьей, детьми — это одно. В детском коллективе я разорвусь на части, чтобы он был одет. Я отвечаю за то, чтобы он был одет, за то, чтобы он был в тепле, за его школу. Поэтому зарплата все-таки является некоторым дополнительным удовлетворением, а это достигается и без заработной платы в хорошем коллективе. Я добился того, что вся заработная плата поступала в мое распоряжение. Это — постановление общего собрания. И коммунары интересовались не столько получением денег на руки, сколько уже накоплением их в сберкассе на будущую жизнь.

Последние нормы в этом отношении были такие. Впервые, каждый коммунары из своего заработка 10% отчислял в фонд совета командиров. Это не пустяки: 10% заработной платы — это очень большая сумма.

И таким образом у нас образовался большой фонд очень быстро... Этим фондом распоряжался уже совет командиров... фонд не считался принадлежащим отдельным коммунарам. Фонд предназначался главным образом на усиление культурной работы, на помощь бывшим коммунарам.

Вы себе представить не можете, что это такое, когда совет командиров постановляет:

— Вот Ваня Волченко обладает большими музыкальными способностями, — командировать его в консерваторию и выдавать дополнительно, до окончания консерватории, 100 руб. в месяц.

И таких стипендиатов в коммуне им. Дзержинского несколько десятков. В тот год, когда я оставил коммуну, до 100 человек получали стипендии. Стипендия, полу-

чаемая студентом в вузе, вполне достаточна, если человек связан с семьей, с отцом, с матерью. Но если он одиночка, она не удовлетворяет всех его потребностей. В коммуне, давая 50—100 руб. в месяц стипендии в зависимости от успеваемости и от курса, совершали большое полезное человеческое дело.

Из этого же фонда дается помощь также оказавшимся в нужде коммунам, если видно, что эта нужда произошла из действительных причин, а не из простой лени. И такой фонд позволяет коммуне держать в своих руках судьбу всех своих воспитанников до того момента, пока они окончательно не вступят в жизнь.

А это заработок коммунаров. Ни один коммунар за все годы, проведенные мною с ним, ни разу не выразил неудовольствия ни в скрытой, ни в явной форме, что 10% его заработка идут в фонд командиров. Имейте в виду, что из этого фонда каждому коммунару, выпускаемому из коммуны, дается «приданое» — кровать, одеяло, пальто, полдюжины белья, костюм, то, что дает каждая семья своему сыну, когда он уходит от нее.

Этот фонд позволяет руководить жизнью коммунаров, а такой фонд дороже стоит, чем тысяча наших педагогических аргументов, не проверенных в опыте.

Остальная часть заработной платы коммунаров обычно шла в сберегательную кассу, и считалось, что каждый коммунар, выходя из коммуны, должен иметь в сберегательной кассе не меньше тысячи рублей. Этих денег он не мог получить в коммуне, и вообще они не могли быть выданы ему без моей подписи. Были коммунары, которые получали по 2000—2500 руб. — это те накопления, которые производились за 5—6 лет жизни в коммуне; и, наконец, небольшая часть денег выдавалась на руки как карманные деньги. Мы каждый год совершали походы. Я им придавал большое значение, и не просто походы, а очень большие мероприятия. В коммуне мы совершили 6 походов. Эти походы мы совершали так. Под походом разумелось: поездка по железной дороге, обязательно пеший марш на расстояние не меньше 80—100 км, лагерь, обратный марш и снова железная дорога. Такие походы назначались с осени. Для меня этот поход был важен как летняя перспектива, та же самая, которую вы имеете перед собой, думая, куда вы поедете в отпуск летом, мечтаете и готовитесь. Так и коллектив готовился

к походам. Когда заводы останавливались, мы знали, как мы проведем эти летние каникулы.

Для меня этот поход имел огромное значение, потому что в течение всего года я мобилизовал вокруг похода и каждого человека, и весь коллектив, и материальные условия и вел культурную и всякую другую подготовку. Например, чтобы совершить поход по Кавказу — на Владикавказ, Тбилиси, Батуми, надо было целую зиму готовиться, надо было посылать разведчика, чтобы знать, где можно ночевать, кормиться, с кем можно договориться. В разведку посылался коммунар. В последние годы мы дошли до такой тонкости подготовки походов, что, например, мы знали, выходя из Харькова коллективом в 500 человек, на каком километре, возле какого километрового столба коммунар Иванов передаст коммунару Петрову бас, который надо было нести по всей Военно-Грузинской дороге. Он не может нести его на расстоянии 400 километров, он играет, когда это надо, а несут этот бас все воспитанники, каждый по 10 километров. И точно было известно, возле какого километрового столба, какому коммунару должен быть передан бас.

Даже такие мелочи надо предусмотреть для того, чтобы поход не превратился в каторгу. А уже более серьезные вещи — посадка в поезда, остановки на ночлег и т. д. так, чтобы была крыша, рядом вода, люди, с которыми можно переговорить и устроить митинг, — все это тоже требует предварительной поездки и разведки.

Самый наш большой поход был: Харьков, Нижний Новгород, Сталинград, Сочи, Одесса, Харьков. Он занял полтора месяца и потребовал очень большой подготовки. По Волге мы плыли 15 дней, и каждый день капитан спрашивал коммунаров:

— Плыть или стоять?

Ему отвечали:

— Жарь на Каму, возвращайся на Оку!

Капитан даже водку пил только с нашего разрешения. Страшный был пьяница, и мы его вызвали на общее собрание после того, как он посадил на мель пароход около Самары. Хотя всем это дало большое наслаждение, конечно, но мы просили его больше водки до конца похода не пить.

Каждый коммунар собирал себе на поход, откладывал карманные деньги, потому что предполагалось, что

в походе много будет драгоценностей, которые можно будет купить. Обычно получалось так, что никаких особых драгоценностей не было, покупали бумажники, кошельки, пили ситро, ели конфеты — все то, что можно было купить и в Харькове. Но конфеты, съеденные в Ульяновске, кажутся вкуснее, чем те, которые можно съесть в Харькове.

И каждый коммунар откладывал деньги не у себя, а у меня в кассе. И я всегда в поход возил целый чемодан денег: 50—60 тысяч рублей.

Так что все эти приспособления позволяли уменьшить ту жадность на деньги, на заработок, которая в коллективе, совершенно обеспеченном, могла бы быть очень тяжелой, неприятной прибавкой в воспитательном процессе.

Я забыл сказать вам, что в вопросе об отношении школы к производству и производства к школе я был постоянным противником какой бы то ни было увязки и за это я подвергался немалым гонениям¹. Таким противником я остался и теперь и глубоко убежден, что если у нас в районе или в колонии есть десятилетка со всеми требованиями Наркомпроса к десятилетке, — а эти требования увеличиваются у нас каждый день — я считаю, что не нужно не только никакой увязки с производством, но даже полезно не иметь никакой увязки.

Я глубоко убежден, что те проповеди увязки, которые высказываются, есть остатки веры в комплекс, а я к комплексу всегда имел отвращение, так как считаю, что некоторую роль надо предоставить и свободному образованию ассоциаций и только такое свободное образование может дать широту, самобытность личности, и там, где мы стараемся активизировать личность по ассоциа-

¹ Одно время среди педагогов имел некоторое распространение так называемый «метод проектов», который был осужден ЦК КПСС как вредная затея, отражающая влияние реакционной буржуазной педагогики. Одним из положений «метода проектов» было требование искусственной по существу увязки школьного обучения с практикой, с трудовыми процессами. А. С. Макаренко, отстаивая и практически осуществляя серьезное и последовательное решение задачи соединения обучения с производительным трудом, справедливо выступал против надуманной увязки обучения с практикой, искусственного подчинения обучения трудовым процессам. Высказывания А. С. Макаренко и его опыт в области осуществления трудового воспитания и соединения обучения с производительным трудом представляют несомненный интерес в деле осуществления политехнического обучения в школе. (Составитель.)

тивными отношениям, мы можем создать только скучную, неинтересную личность.

Поэтому в моей практике я допустил единственное отклонение от своих убеждений — это то, что прибавил в школе в каждом классе два урока черчения, а в остальном наша школа руководилась педагогическим советом, как и всякая школа, и никакого отношения к производству не имела. В каждой области знания, учения и обучения у нас имеются свои законы, свои требования, свои цели, и эти требования должны удовлетворять каждого равно.

В результате получалась самая здоровая и самая естественная увязка. Выходил человек, знающий производство, знающий организацию производства, процессы производства и, кроме того, образованный человек, получивший среднее образование.

И когда мне возражали представители теоретической мысли, я им говорил, что среднее образование и квалификация фрезеровщика VII разряда — это прекрасная комбинация и никаких дополнений к этой комбинации не надо. Нельзя пожаловаться, если человек умеет обращаться со станком.

Вообще я считаю, что перековка характера и перевоспитание правонарушителя возможны только при условии полного среднего образования. Я вам говорил, что неполное среднее образование не дает такой уверенности, как полное.

Теперь перехожу к заключительной части моего доклада — это об основном виде и характере личности, которая должна выработаться в воспитательном коллективе.

Я считаю, что в этом пункте мы, педагоги, еще не все додумали до конца. Я глубоко убежден, что качества нашей советской личности принципиально отличаются от качеств личности в буржуазном обществе, и поэтому и наше воспитание должно быть также принципиально отличным.

Воспитание в буржуазном обществе — это воспитание отдельной личности, приспособление ее к борьбе за существование. И совершенно естественно, что такой личности должны сообщаться качества, необходимые в такой борьбе: качество хитроумия и жизненной дипломатии и качество обособленной борьбы, обособленного борца за самого себя.

И совершенно естественно, в старой школе и во всякой буржуазной школе и воспитывается этот комплекс зависимостей человека, которые необходимы в буржуазном обществе. Человек в этом обществе находится в совершенно иной цепи зависимостей, чем у нас.

Вы вспомните, как мы, старики, учились. Нам на каждом шагу не говорили, что ты будешь зависеть от богатого класса, от царского чиновничества, но это пропитывало всю суть нашего воспитания. И даже, когда говорили, что богатый должен помогать бедным, то в этом, казалось бы, таком прекрасном, даже красивом требовании в сущности заключалось определенное указание на ту зависимость, которая существует в жизни между богатым и бедным. То, что богатый будет мне, бедному, помогать, означало, что богатый имеет богатство, что он в силе мне помочь, а я могу только рассчитывать на его помощь, его подачки, на помощь богатого человека. Я, бедняк, являюсь объектом его благотворительности. В этом и заключалось глубокое внушение той системы зависимостей, которая должна была меня встретить в жизни. Зависимость от состояния, от доброй воли, от богатства, от милостыни и жестокости — вот та цепь зависимостей, к которой готовился человек.

Наш воспитанник тоже готовится к определенной системе зависимостей. Страшное заблуждение полагать, что, освободившись от системы зависимостей буржуазного общества, т. е. от эксплуатации и неравномерного распределения жизненных благ, воспитанник вообще свободен от всякой цепи зависимостей. В советском обществе существует иная цепь зависимостей. Это зависимость членов общества, находящихся не в простой толпе, а в организованной жизни, стремящихся к определенной цели. И в этой нашей организованности есть процессы и явления, которые определяют и нравственность нашего советского человека, и его поведение.

И все мы по мере того, как живем в советском обществе, растем, мы растем как члены коллектива, т. е. как люди, находящиеся в определенной системе зависимостей.

Я не знаю, до конца ли я дошел в своей работе в этом отношении, но эта суть воспитания меня всегда интересовала больше всего. Я уже говорил немного об этом, когда вспоминал о дисциплине.

Для того чтобы яснее представить себе эту проблему, посмотрим коллектив в действии, именно коллектив, а не толпу, т. е. коллектив, имеющий перед собой определенные общие цели. В этом коллективе зависимости очень сложные, каждая отдельная личность должна согласовать свои личные стремления со стремлениями других: во-первых, целого коллектива, во-вторых, своего первичного коллектива, ближайшей группы, должна согласовать так, чтобы личные цели не делались антагонистическими по отношению к общим целям. Следовательно, общие цели должны определять и мои личные цели. Эта гармония общих и личных целей является характером советского общества. Для меня общие цели являются не только главными, доминирующими, но и связанными с моими личными целями. Очевидно, детский коллектив только так может быть построен. Если он построен не так, я утверждаю — это не советское воспитание.

В практике коллектива на каждом шагу возникают вопросы противоположения личных и коллективных целей и вопросы гармонизирования этих целей. Если в коллективе чувствуется это противоречие между целями общими и частными, личными, — значит, коллектив не советский, значит, он организован неправильно. И только там, где личные и общие цели совпадают, где нет никакой дисгармонии, там коллектив советский.

Но разрешить этот вопрос нельзя, если отойти от практических, будничных деталей каждого сегодняшнего дня. Этот вопрос может разрешаться только на практике каждого отдельного коммунара и каждого отдельного коллектива. Практика — это то, что я называю стилем работы. Я считаю, что вопрос о стиле педагогической работы должен быть сочтен достойным иметь отдельные монографии, настолько важен этот вопрос.

Возьмем такую деталь, как отношения коммунаров между собой, отношения товарища к товарищу. Как будто вопрос не новый, а между тем он слабо у нас разрешается в нашей педагогической теории. Этот вопрос почти не мог существовать в дореволюционной педагогике. В дореволюционной педагогике, как и в дореволюционном обществе, отношения человека к человеку разрешались как отношения индивидуума к индивидууму, т. е. отношения двух свободных самостоятельных миров, и можно было говорить о воспитании хорошего человека, о вос-

питании доброго человека, о воспитании такого-сякого человека.

В нашей педагогике можно говорить о воспитании товарища, об отношении члена одного коллектива к члену другого коллектива, которые не свободны, которые не возвращаются в пустом пространстве, а которые связаны своими обязательствами или отношениями с коллективом, своим долгом по отношению к коллективу, своей честью по отношению к коллективу, своими движениями по отношению к коллективу. Это организованное отношение членов одного коллектива к членам другого коллектива должно являться решающим в постановке воспитания.

Что такое коллектив? Это не просто собрание, не просто группа взаимодействующих индивидуумов, как учили педологи. Коллектив — это есть целеустремленный комплекс личностей, организованных, обладающих органами коллектива. А там, где есть организация коллектива, там есть органы коллектива, там есть организация уполномоченных лиц, доверенных коллектива, и вопрос отношения товарища к товарищу — это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости. Даже если товарищи находятся в равных условиях, идут рядом в одной шеренге, исполняя приблизительно одинаковые функции, связываются не просто дружбой, а связываются общей ответственностью в работе, общим участием в работе коллектива.

А в особенности интересными являются отношения таких товарищей, которые не идут рядом в одной шеренге, а идут в разных шеренгах, и особенно интересны отношения тех товарищей, где зависимость не равная, где один товарищ подчиняется другому товарищу. В этом наибольшая хитрость в детском коллективе, наибольшая трудность — создать отношения подчинения, а не равностояния. Это то, чего больше всего боятся наши педагоги. Товарищ должен уметь подчиняться товарищу, не просто подчиняться, а уметь подчиняться.

И товарищ должен уметь приказать товарищу, т. е. поручить ему и потребовать от него определенных функций и ответственности.

Такое умение подчиняться товарищу, причем это не подчинение богатству, и не подчинение силе, и не подчи-

нение в порядке милостыни или подачки, а подчинение равноправных членов коллектива — это чрезвычайно трудная задача не только для детского общества, но и для взрослых. Если еще остались пережитки старого, то все они уместаются в этом самом месте. И в особенности трудно приказать равному себе только потому, что меня уполномочил коллектив. Здесь чрезвычайно сложный комплекс. Я только тогда сумею приказать товарищу, поручить ему, пробудить его к действию, отвечать за него, когда я чувствую ответственность перед коллективом и когда я знаю, что, приказывая, я выполняю волю коллектива. Если я этого не чувствую, то у меня остается только простор для личного преобладания, для властолюбия, для честолюбия, для всех иных чувств и тенденций не нашего порядка.

Я в особенности много обращал внимания на эту сторону дела. Я поэтому шел на очень сложный принцип зависимостей и подчинений в коллективе. К примеру, вот этот самый мальчик — дежурный командир, который сегодня руководит коллективом, а завтра уже подчиняется новому руководителю, он как раз является прекрасным примером такого воспитания.

Я уходил еще дальше в этом отношении, я старался как можно больше переплести зависимости отдельных уполномоченных коллектива друг с другом так, чтобы подчинения и приказания как можно чаще встречались бы.

Вот почему я... строил систему первичных коллективов, причем на правах единоначалия, которые я давал своему командиру. Я старался дробить коллектив на отряды по 10 человек, чтобы число уполномоченных было как можно больше, я старался создавать как можно больше разных комиссий, а в последнее время пришел к такой форме — поручения отдельному лицу.

Я не пропускал ни одного случая, чтобы не использовать этой формы. Беру первое, что я вспоминаю. Вот нужно перевести ребят из одной спальни в другую, перегруппировка по спальням в зависимости от прибытия новых ребят и т. д. А новенькие всегда вкраплялись в старые отряды. Совет командиров постановляет переселиться из спальни в таком-то часу, разрешается брать с собой только постель, не разрешается брать с собой ни кроватей, ни столов, ни портретов, ни шкафов; ответственным

за правильность переселения назначается, скажем, Козырь. И вот первое время это было не так легко. Этому Козырю не подчинялись, махали руками, он сам не знал, как ему 400 человек подчинить.

В последнее время я добился не только того, что это удавалось, но и того, что Козырь и остальные были на своих местах, и Козырь стоял в коридоре, одним движением пальца, бровей, глаз делал то, что было нужно, и все прекрасно понимали: Козырь отвечает за успех; если такой-то унес лучший портрет в свою спальню, отвечать будет Козырь, если он прозевал, не заметил.

Скажем, мне нужно взять 20 беспризорных с вечернего поезда. Всегда совет командиров выделял специальную свободную бригаду в 5—6 человек. Командиром бригады назначался, допустим, Землянский. И он прекрасно понимал, что он командир бригады, и все 5—6 человек из отряда подчинялись немедленно всем его распоряжениям. В этом для них какое-то удовольствие, и они видят, что у них есть центр, который руководит ими и отвечает за них.

И такой Землянский понял, что всю операцию возложили на его плечи, и бригада также поняла, и на вокзалах, где нужно снимать и с крыш, с поездов, где нужно было выбирать хороших пацанов, т. е. боевых, на которых можно было бы положиться, а не слюнявых и сопливых, они и выбирали таких боевых пацанов. Землянский выполнял эти обязанности. Я не мог следить. Он должен был выполнить поручение, и за такое поручение Землянский должен был отчитаться.

Я не имел времени, но как ни поздно, как ни трудно, но я не упускал возможности выслушать отчет и признать работу удовлетворительной, хорошей или неудовлетворительной. Больше никакого решения не выносилось.

Не было такого дня в коммуне, чтобы для определенного случая, возникшего сегодня, не пашелся ответственный человек и ему в помощь несколько мальчиков из разных отрядов. Поссорились хлопцы и не мирятся. Немедленно назначается товарищ, который должен выяснить всю сущность спора, помирить их и отчитаться в поручении.

Серьезная ответственность являлась таким воспитательным средством для разрешения многих проблем. Само собой разумеется, что все это было дополнительно

по отношению к общей системе отряда. Это был действительно штаб, отвечающий за работу, а не только показывающий.

Я наблюдал, как в некоторых детских домах заботятся о такой организации работы, но не позаботятся о точности и строгой ответственности. А без ответственности не может быть настоящей работы. В то же самое время очень важно, чтобы ответственность требовалась и на производстве, и в классе, и в школе, в сводной бригаде. Даже в таком случае, как баня — значит, сегодня должен быть ответственный по бане. Эта ответственность должна сливаться с единством ответственности всего коллектива. Если такого единства ответственности нет, если нет полной гармонии ответственных лиц, то может получиться игра, а не серьезное дело.

Из всех этих поручений, из всех этих приемов и создается стиль работы, стиль коллектива. Я уже сказал, что об этом стиле нужно писать монографии.

Отличительными признаками стиля советского детского коллектива я считаю следующие.

Во-первых, мажор. Я ставлю во главу угла это качество. Постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, радужное настроение, именно мажорное, веселое, бодрое настроение, но вовсе не истеричность. Готовность к полезным действиям, к действиям интересным, к действиям с содержанием, со смыслом, но ни в коем случае не к бестолочи, визгу, крику, не к бестолковым зоологическим действиям.

Такие зоологические действия — крик, визг, беготню — я решительно отрицаю. И в коммуне им. Дзержинского, где жило 500 мальчиков и девочек, вы никогда не слышали бы визга и крика. И в то же время вы видите постоянно бодрость и уверенность в своей жизни, в своем настроении.

Этот мажор не может, конечно, создаваться специальными методами, это результат всей работы коллектива, всего того, о чем я говорил.

Следующий признак стиля — ощущение собственного достоинства. Это, конечно, нельзя сделать в один день. Эта уверенность в своем собственном лице вытекает из представления о ценности своего коллектива, из гордости за свой коллектив.

Если вы приезжаете в коммуны, вас очень вежливо, очень приветливо встретят, никогда не бывало, чтобы прошли и вас не заметили. Первый, кого вы встретили, обязательно вам поклонится, скажет:

— Здравствуйте! Пожалуйста, что вы хотите?

И каждый насторожен.

— А кто вы такой, а что вам угодно?

Никто не станет вам жаловаться на коммуны. Я наблюдал поразительное явление среди коммунаров. Вот его только что взгнали, человек расстроен до последней степени. И вдруг он оказался лицом к лицу с приехавшим посторонним человеком. Он весь изменился, он приветлив, радостен, он проводит вас, куда можно, если нельзя — он скажет:

— Пойдемте, возьмем разрешение.

Он занят своим несчастьем, своей ошибкой, но он бросит все и ни за что не покажет, что он только что пережил что-то. А если его спросят:

— Как живете?

Он скажет:

— Прекрасно живем.

Он это делает вовсе не потому, что он хочет кому-то понравиться, а потому, что он чувствует свою ответственность за коллектив, гордится своим коллективом, даже наказанный.

Вот какого-нибудь пацана за вредные действия только что взгнали, и вот приехала экскурсия.

— Какой хороший мальчик! Как он у вас?

Никто ни слова не скажет, что он нагрешил и наказан. Это считается дурным тоном, это дело наше, а по отношению к другому мы его не выдадим.

Вот этот тон достоинства очень трудно воспитывается, для него нужны, конечно, годы. Вежливость к каждому гостю, к каждому товарищу должна быть доведена, конечно, до совершенства. Но эта вежливость должна сопровождаться постоянным сопротивлением проникновению в коммуны, в коллектив каких-то посторонних, праздно шатающихся элементов, а тем более врагов. И поэтому в коммунах очень вежливо встретят и проводят, но первым делом спросят:

— Кто вы такой? Зачем пришли?

И если увидят, что, собственно, никакого дела нет, то очень вежливо скажут:

— Нет, мы не можем вас принять: если у вас будет дело какое-нибудь — пожалуйста.

А охотников пошляться, поглазеть на коммуны было всегда очень много. Вот эта вежливость вытекает из очень важной способности, которую надо воспитывать нам у каждого гражданина. Эта способность — ориентировка. Вы, наверное, видели, как очень часто в детском коллективе или в толпе нет этой способности ориентироваться. Человек видит то, что у него перед глазами, а то, что за затылком, не видит.

Эта способность чувствовать, что находится вокруг тебя, кем ты окружен, эта способность чувствовать также все то, чего ты не видишь, что делается в других комнатах, чувствовать тон жизни, тон дня — это способность ориентироваться — она воспитывается с очень большим трудом.

И нужно прилагать очень большие усилия и постоянно помнить, чтобы эту способность к ориентировке воспитать. Тот визг и крик, который часто бывает в детском коллективе, — это прежде всего полное отсутствие ориентировки, ощущение только себя и своего движения. Нет ощущения окружающего. А настоящий советский гражданин должен всеми своими нервами почти бессознательно ощущать, что кругом происходит. Одно дело, когда ты находишься среди своих друзей. Тогда ты можешь себя вести таким-то образом. Другое дело, когда ты находишься среди новичков-коммунаров, когда ты видишь, что тут есть пацаны, которые только вчера прибыли. Если коммунар видит это, он не скажет того, что не должен услышать такой пацан. Одно дело, когда он видит, что женщина или девочка проходит мимо. Она ему не нужна, но он должен изменить поведение. Если я нахожусь около, он должен и обязан знать и ощущать, что я — центр коллектива — нахожусь близко. Или если это другой педагог, инструктор, инженер, представитель центра, по отношению к каждому человеку должна быть ориентировка.

Это не значит приспособляться и подделываться. Это значит — ощущать, в каком месте коллектива ты находишься и какие твои обязанности по отношению к поведению из этого вытекают.

Мне приходилось видеть, что большей частью детские дома и колонии очень несимпатичный тон принимают по отношению к тем, кто к ним приезжает. Они, кто бы ни

вошел, начинают жаловаться и на воспитателей, и на завхоза, и друг на друга, не зная, кто я такой.

Я добивался, чтобы коммунары с такими жалобами к посторонним лицам не обращались. Самокритика — это одно дело, а «слезливость», способность, как говорят коммунары, «канючить», «пищать» в присутствии кого угодно, это недопустимо.

Очень часто коммунары были недовольны то одним, то другим, то третьим. Об этом они говорили на совете командиров, но никогда не позволяли себе жаловаться и «пищать» в присутствии других лиц, по отношению к которым коллектив являлся целым. Стремление жаловаться — это не самокритика. Это состояние лица, чувствующего себя несчастным в коллективе, и слезливость отдельных лиц. Идея защищенности должна особенно присутствовать в коллективе и украшать его стиль. Она должна быть создана там, где есть гордость коллектива, где есть требование к каждой личности, т. е. где каждая личность чувствует себя защищенной от насилия и самодурства, от издевательства.

И эта защищенность вытекает из опыта. Я добился, что самые маленькие, самые нежные мальчики и девочки 10—12 лет не чувствовали себя младшими членами коллектива. В работе — да, в деле — да, но в самочувствии, в уверенности в себе они чувствовали себя прекрасно защищенными, так как они чувствовали, что никто не сможет их обидеть, так как каждый обиженный будет защищен не только своим отрядом, бригадой, мною, а более того — первым встречным товарищем.

Очевидно, что такая идея защищенности все же сама не придет, ее тоже надо создавать и над ней работать. Создавая в этом стиле постоянный мажор, способность к движению, к энергии, к действию, надо одновременно создавать и способность к торможению. Как раз это то, что сравнительно редко удается обычному воспитателю. Тормозить себя — это очень трудное дело, особенно в детстве, оно не приходит от простой биологии, оно может быть только воспитано. И если воспитатель не позаботился о воспитании торможения, то оно не получается. Тормозить себя нужно на каждом шагу, и это должно превратиться в привычку. И коммунары прекрасно знают, что человек без тормоза — это испорченная машина. Это торможение выражается в каждом физическом и психи-

ческом движении, в особенности оно проявляется в спорах и ссорах. Как часто ссорятся дети потому, что у них нет способности торможения.

Воспитать привычку уступить товарищу — это очень трудное дело. Я добился этой уступчивости исключительно из соображений коллективной пользы. Я добился того, что раньше, чем дети перессорятся, — стоп, тормоз, и уже ссора не происходит. Поэтому я добился того, что в коммуне по целым месяцам не было ссор между товарищами, а тем более драк, сплетен, интриг друг против друга. И я добился этого не упором на то, кто прав, кто виноват, а исключительно умением тормозить себя.

Каждый из вас понимает прекрасно, каких случаев жизни это касается и к чему это может привести. Конечно, все эти признаки стиля, его особенности воспитываются во всех решительно отделах жизни коллектива, но они воспитываются и в правилах и нормах внешнего поведения — то, над чем многие смеялись, рассматривая мою работу, и не могли помириться, — это внешние нормы поведения.

Я до сих пор считаю чрезвычайно важным условием то, что коммунар не должен держаться за перила лестницы, не должен прислоняться к стене, вот так со мной и другими разговаривать (показывает), то, что он всегда должен надеяться на свою талию, и для этого она крепко стянута у него ремнем; то, что он мне, командиру, обязан на всякое приказание ответить: «Есть!» и пока он этого не сказал, считается, что он не понял приказа.

Все это имеет очень большое значение. Так у нас было принято. Сегодня Землянский назначен командиром домашних работ. И он говорит:

— Николай, пойдй принеси мне бумагу и карандаш.

И если тот побежал, он скажет:

— Ты как идешь?

— Есть, принести бумагу!

Эта внешняя подтянутость, чувство формы, оно определяет и внутреннее содержание поведения. Тот же Землянский и Николай могли потом целый день играть в лапту, в футбол, но здесь он командир над своим товарищем. И должна быть определенная внешняя форма их отношений.

И если я накладываю взыскание, я не считаю, что его приняли, если мне не скажут:

— Есть!

Эта установленная форма вежливости в деловых отношениях чрезвычайно полезна, она мобилизует волю, она заставляет человека себя чувствовать собранным, она подчеркивает тип деловых отношений, она учит человека различать: это дружба, это соседство, это любовь, это приятельство, а вот это — дела. И это вызывает особое уважение к делу.

Я считаю, что, может быть, без этого можно обойтись, конечно, но это наиболее экономная форма делового воспитания, внешняя форма деловых отношений. А внешняя форма часто определяет и самую сущность.

Потом в коммуны это сделалось настолько повседневным, естественным совершенно явлением, что иначе и быть не могло. У самых маленьких пацанов рефлекс салюта так точно выработался, что никто никогда в конце концов не сказал бы: это вы шутите, играете, — а как только он становится в деловые отношения, у него это естественно вытекает, этот рефлекс делового отношения.

Мальчик играет на площадке, увлечен, разгорячен. И случайно, проскальзывая мимо своего дежурного командира, слышит какое-то небольшое распоряжение. Он обязательно сразу вытянется. И я считаю, что это очень важно и полезно.

Вот эти нормы внешнего поведения не имеют смысла, если нет и не воспитывается общий определенный стиль. И там, где захотели бы ввести такую внешность, не воспитывая ни способности ориентироваться, ни способности торможения, ни ответственности, ни четкости в работе, ни единоначальной ответственности, ни идеи защищенности, — там, конечно, такой внешней формы не будет, иначе говоря, она будет работать впустую. И только там, где есть общий стиль, стиль, построенный на постоянном коллективном движении и содержании, там, конечно, форма внешней вежливости, может быть, несколько напоминающая военизацию, но в общем не выходящая даже за принцип пионерского движения, там она необходима, полезна и чрезвычайно украшает коллектив. А украшая коллектив, она уже производит повторное, обратное действие, она уже делает коллектив притягательным и с эстетической стороны.

Я не представляю себе коллектива, в котором ребенку хотелось бы жить, которым он гордился бы, не представ-

ляю себе такого коллектива некрасивым с внешней стороны. Нельзя пренебрегать эстетическими сторонами жизни. А как раз мы, педагоги, очень часто страдаем некоторым нигилизмом по отношению к эстетике.

Эстетика костюма, комнаты, лестницы, станка имеет несколько не меньшее значение, чем эстетика поведения. А что такое эстетика поведения? Это именно поведение оформленное, получившее какую-то форму. Форма сама является признаком более высокой культуры.

Поэтому здесь еще один отдел забот: приходя к эстетике как к результату стиля, как показателю стиля, мы эту эстетику потом начинаем рассматривать и как фактор, сам по себе воспитывающий.

Я не могу вам перечислить всех норм красивой жизни, но эта красивая жизнь должна быть обязательной. И красивая жизнь детей — это не то, что красивая жизнь взрослых. Дети имеют свой тип эмоциональности, свою степень выразительности духовных движений. И красота в детском коллективе не вполне может повторять красоту коллектива взрослых.

Вот хотя бы игра. Игра обязательно должна присутствовать в детском коллективе. Детский коллектив не играющий не будет настоящим детским коллективом. Игра должна заключаться не только в том, что мальчик бежит по площадке и играет в футбол, а в том, что каждую минуту своей жизни он немного играет, он приближается к какой-то лишь ступеньке воображения, фантазии, он что-то из себя немного изображает, он чем-то более высоким себя чувствует, играя. Воображение развивается только в коллективе, обязательно играющем. И я как педагог должен с ним немножко играть. Если я буду только приучать, требовать, настаивать, я буду посторонней силой, может быть, полезной, но не близкой. Я должен обязательно немного играть, и я этого требовал от всех своих коллег.

Конечно, разговаривая сейчас с вами, я совсем иной человек, но когда я с ребятами, я должен добавить немного этого мажора и остроумия и улыбки, не какой-нибудь подыгрывающейся улыбки, но просто приветливой улыбки, достаточно наполненной воображением. Я должен быть таким членом коллектива, который не только довлел бы над коллективом, но который также радовал коллектив. Я должен быть эстетически выразителен,

поэтому я ни разу не вышел с непочищенными сапогами или без пояса. Я тоже должен иметь какой-то блеск, по силе и возможности, конечно. Я тоже должен быть таким же радостным, как коллектив. Я никогда не позволял себе иметь печальную физиономию, грустное лицо. Даже если у меня были неприятности, если я болен, я должен уметь не выкладывать всего этого перед детьми.

С другой стороны, я должен уметь разразиться. В прошлом году я читал в вашем педагогическом журнале, каким тоном надо разговаривать с воспитанниками. Там сказано: педагог должен разговаривать с воспитанниками ровным голосом. С какой стати? Почему ровным голосом? Я считаю, что это такой нудный получится педагог, что его просто все возненавидят. Нет, я считаю, что педагог должен быть весел, бодр, а когда не то делается, должен и прикрикнуть, чтобы чувствовали, что если я сердит, так сердит по-настоящему, а не так что — не то сердится, не то педагогическую мораль разводит.

Это требование относится ко всем педагогическим работникам. Я без жалости увольнял прекрасных педагогических работников только потому, что постоянно такую грусть они разводили. Взрослый человек в детском коллективе должен уметь тормозить, скрывать свои неприятности.

Коллектив надо украшать и внешним образом. Поэтому я даже тогда, когда коллектив наш был очень беден, первым долгом всегда строил оранжерею, и не как-нибудь, а с расчетом на гектар цветов, как бы дорого это ни стоило. И обязательно розы, не какие-нибудь дрянные цветочки, а хризантемы, розы. И я, и мои ребята кохались¹ в этих цветах до предела. У нас был действительно гектар цветов, и не каких-нибудь, а настоящих. Не только в спальнях, столовых, классах, кабинетах стояли цветы, но даже на лестницах. Мы делали из жести специальные корзинки и все бордюры лестницы уставляли цветами. Это очень важно. Причем каждый отряд вовсе не получал цветы по какому-нибудь наряду, а просто — завял цветок, он идет в оранжерею и берет себе следующий горшок или два.

Вот эти цветы, костюмы, чистота комнат, чистота обуви — это должно быть в детском коллективе. Ботинки должны быть всегда почищены, без этого какое может

¹ Кохались — любовно заботились.

быть воспитание? Не только зубы, но и ботинки. На костюме не должно быть никакой пыли. И требование прически. Пожалуйста, носи какую угодно прическу, но прическа должна быть действительно прической. Поэтому раз в месяц ДЧСК брал машинку и шел по спальням. Чуть не причесан — провел машинкой: иди в парикмахерскую. Поэтому всегда все ходили причесанные.

Вот это требование чистоты должно очень строго проводиться. Через полгода после того как я оставил коммуну им. Держинского, я приехал туда с ревизией из Киева. Конечно, все выбежали, пожимали мне руки, было милое отношение и т. д. Я пошел по спальням. Вижу что-то не то: пыль, там носовой платок валяется у самого лучшего моего командира Яновского, открыл шкаф — оттуда целую кучу грязи можно вывезти. Я тут ровным голосом ничего не говорил, а настоящим голосом сказал: «Десять часов ареста, а больше я никуда не иду, завтра утром буду принимать уборку сам». И вот они присылают за мной в половине пятого машину в Харьков, и когда я присхал, я не мог найти ни пылинки. Я спрашиваю: «Когда же вы успели?» Говорят: «Спать не ложились». Я же понимаю, что у меня требования такие, а у другого требования другие. Чуть уменьшил требования — нет тона, нет стиля. Все это надо помнить. В классе во время урока ДЧСК прежде всего обращается к учителю: «Вы довольны чистотой в нашем классе?»

Вот положение учителя — скажет: «Доволен», — а ДЧСК найдет тысячу недостатков. Учитель доволен, а там грязь, у того ногти не стрижены, парта изрезана. Так что поневоле каждый учитель требовал в классе чистоты.

Я не допускал к уроку учителя, неряшливо одетого. Поэтому у нас вошло в обыкновение ходить на работу в лучшем костюме. И я сам выходил на работу в лучшем своем костюме, который у меня был. Так что все наши педагоги, инженер и архитектор ходили франтами.

Все это очень важно. Вот стол. Можно положить клеенку — хорошо, гигиенично, можно что угодно положить, а потом вымыл, и чисто. Нет, только белая скатерть, только белая скатерть может научить есть аккуратно, а клеенка — развращение. Скатерть в первые дни всегда будет грязная, вся в пятнах, а через полгода она станет чистая. Невозможно воспитать умение аккуратно есть, если вы не дадите белой скатерти.

Так что серьезные требования надо предъявлять ко всякому пустяку, на каждом шагу — к учебнику, к ручке, к карандашу. Объединенный карандаш — что это такое? Карандаш должен быть очинен прекрасно. Что такое заржавевшее перо, которое не пишет, что такое муха в чернильнице и т. д.? Ко всем педагогическим устремлениям, которые у вас есть, прибавьте миллиарды этих мелочей. Конечно, одиночка за ними не уследит, а когда коллектив за этим следит и знает цену этим мелочам, с этим вполне можно справиться.

В дверях стоит человек с винтовкой. Он стоит в парадном костюме. Он должен следить, чтобы каждый вытирал ноги. Все равно — сухо на дворе или грязно — ни один человек не может войти в комнату, не вытерев ноги. И этот коммунар, который следит за этим, стоя на часах, прекрасно понимает, почему он должен следить — потому, что он каждый день вытирает пыль, а если вытирать ноги, пыли не будет в коммуне совсем. Поэтому напоминать коммунарам об этом не приходится. А посторонние часто удивляются:

— Зачем мне вытирать ноги, я прошел по чистому тротуару.

И мальчик должен ему объяснить:

«Да, но вы приносите нам два грамма пыли».

Или такая мелочь, как носовой платок. Как это не дать человеку чистого платка и не менять его каждый день! Я видел детские дома, где носовые платки меняют раз в месяц, т. е. специально приучают человека вытирать нос грязной тряпкой. А ведь это же пустяк, это стоит гроши.

Плевательница. Казалось бы, какое достижение санитарии — в каждом углу поставить плевательницы. Для чего люди должны ходить и плевать? Ребята так и говорят:

— Ты хочешь плевать? В больницу ложись, ты болен, ты заболел какой-то верблюжьей болезнью, а здоровый человек никогда не плюется.

— Я курю.

— Какой же ты курильщик, бросай курить, хороший курильщик никогда не плюет.

И если человек продолжал плевать, его ташили к врачу.

— Что такое? Плюет и плюет.

И врач обычно помогал, убеждал, что это лишь рефлекс.

А я видел детские дома, где стоят плеватальницы. И они обозначают только то место, которое можно заплевать. И вся стена около действительно заплевана.

Вот таких мелочей в жизни коллектива очень много, из них и составляется та эстетика поведения, которая должна быть в коллективе. Мальчик, который не плюет, который не вычищает нос при помощи двух пальцев,— это уже воспитанный мальчик. И эти принципиальные мелочи должны быть не только доведены до конца, но должны быть строго продуманы и сгармонизированы с какими-то общими принципами. Сюда относятся многие мелочи, которые нельзя здесь перечислить, но все они могут исполняться красиво, здорово и в связи с общим движением коллектива.

На этом я заканчиваю. Я считаю, что то, что делал я и мои сотрудники, это делалось очень многими людьми в Советском Союзе. Я от них отличаюсь только тем, что я чувствую потребность требовать этого от всех, т. е. чувствую потребность проповедовать вот такие обычные положения, не мои личные положения, а имеющиеся у очень многих педагогов Советского Союза.

Я чувствую также потребность их систематизировать. Я сам наблюдал очень красивый опыт во многих наших школах, у нас есть прекрасные коллективы, очень хорошо организованные, с центром, со стилем, с красотой. Я думаю, что этот опыт требует систематизации. Жалко, если этот опыт, большой советский педагогический двадцатилетний опыт, будет потерян. Только поэтому я и считаю себя обязанным как можно больше писать. Причем я очень часто, может быть, путаю, ошибаюсь. Но это дело надо двигать, дело пропаганды советского педагогического опыта.

Я считаю, что в особенности ваша обязанность, деятелей Наркомпроса, принять какие-то меры по подытоживанию этого опыта и пропаганде лучших педагогических советских учреждений.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

Каждая книга для детей прежде всего должна преследовать воспитательные цели. К сожалению, мы еще не имеем исследований о воспитательном влиянии литературы, и в каждом отдельном случае нам приходится опираться главным образом на наш опыт — педагогический и литературный.

В жизни очень трудно бывает определить, какие поступки детей являются следствием чтения. Мне приходилось очень часто наблюдать неожиданный воспитательный результат чтения — совершенно не тот, на какой можно было надеяться, судя по содержанию книги. Неопытному человеку очень трудно предсказать, какое положительное или отрицательное влияние она произведет на молодого читателя. Вообще, надо прямо сказать: для такого заключения требуется очень тонкая педагогическая логика. И, конечно, такая логика должна быть и у тех людей, которые руководят изданием детских книг, и у тех, которые пишут для детей.

Нашей целью, целью советской детской литературы, должно быть воспитание цельной коммунистической личности.

Художественная литература не должна развивать в ребенке только воображение или ставить перед собой узко познавательные задачи.

Точно так же нельзя выделять и какую-нибудь специальную политическую цель, потому что каждая наша книга должна быть книгой политической. Но как раз в области политического воспитания у нас часто грешат «тол-

¹ Статья впервые была опубликована в «Литературной газете» 15 мая 1938 г.

стой» логикой, не замечая всей ее неповоротливости и вредоносности.

Я знаю, что в пионерских звеньях у нас иногда занимаются соревнованием в составлении альбомов, посвященных событиям в Испании. Руководители при этом уверены, что делается дело очень полезное для политического воспитания. Пионеры разыскивают во всех иллюстрированных журналах картинки, вырезают их, наклеивают в альбомы, снабжают надписями и с гордостью поглядывают на своих менее удачливых соперников.

Испанская борьба, ее напряжение, ее ужасы, мужество, героизм очень близки нам, они непреложно утверждают для каждого советского гражданина единство фронта трудящихся, и именно поэтому нужно со всей серьезностью подойти к интернациональному воспитанию ребенка. Поручая составление альбомов детям, не воспитываем ли мы в них хладнокровных наблюдателей, способных с ножницами в руках «препарировать» какое угодно общественное явление?

Конечно, это вовсе не значит, что каждая книга или каждая строчка должна ставить перед собой такую грандиозную цель, как воспитание цельной личности, и достигать немедленно этой цели. Воспитательный процесс — процесс очень длительный и сложный, одна литература вообще не способна справиться с этой задачей. Но каждая книга должна видеть перед собой эту цельную советскую личность как общую нашу цель, к которой следует стремиться.

«Рассеянный с улицы Бассейной» — на первый взгляд, просто веселое детское стихотворение, но в нем содержится синтетический образ молодого советского читателя, который не просто зубоскалит, а смеется здоровым смехом.

Мы находимся в исключительно благоприятных условиях, потому что настоящая художественная литература всегда была литературой гуманистической, всегда отстаивала лучшие идеи человечества. Поэтому мы можем давать нашим детям и Марка Твена и Жюль Верна и других. На первый взгляд, что особенно ценного заключается в «Томе Сойере»? И взрослые плохие, и дети шалуны, а иногда даже хулиганы. Но в книге так много человечески цельного, проникнутого радостным и деятельным чувством бытия, что она принципиально созвучна с нашей эпохой.

Только книги, преследующие цель создания и воспитания цельной человеческой личности, несомненно, полезны для наших детей. И не всякая книга, написанная на прекрасную тему, сама по себе прекрасна. Трудно представить себе, например, книгу о товарище Кирове, если в ней не будут ярко изображены его характер, его воля в политической борьбе.

Этому основному требованию, которое нужно предъявить к каждой детской книжке, больше всего противоречит очень распространенная у нас добродетельная манера наших авторов. Часто писатели хотят быть «лучше», чем это требуется для наших детей. Источниками этой добродетели являются не советские идеи и не идеи гуманизма, а идеи христианской морали. Это скучная, серенькая, бездеятельная, прибранная христианская добродетель, «доблесть» воздержания, «героизм» умеренности и непротивленчества. Очень живучи эти силы, они еще находят себе место и на страницах нашей книги, и в работе некоторых педагогов.

В нашей книге должно быть очень много энергии, смеха, проказливости — все это прекрасные детские черты, определяющие силу характера, его мажорность, его устойчивость и коллективизм. Наша детская книга должна быть ярко жизнерадостной.

Несколько слов о стиле нашей детской книги.

Критики любят вопить: «Детская книга должна быть высокохудожественной книгой!» Подобные заявления кажутся настолько похвальными, что никому в голову не приходит возражать.

В самом деле, как можно возражать против высокой художественности? Но что вкладывается в эти слова? Честное слово, ничего. Никакого конкретного значения такие заявления не имеют. Мы хорошо знаем, что все дети раньше или позже начинают читать Толстого и Горького. У одних это происходит в пятнадцать лет, у других — в тринадцать. В известном возрасте детям становится доступной настоящая «взрослая» литература, высокохудожественная. Но до тех пор детям нужна специальная детская литература.

В чем отличие ее стиля, ее письма? Этой литературе должна быть присуща художественность в особом смысле. Простота рассказа, его строгая логическая последовательность, отсутствие каких бы то ни было словесных

изощрений — это еще не все. В детской литературе должны быть особая яркость и полнокровность красок, совершенно явный реализм, точное разделение светлого и темного. Здесь неуместен никакой импрессионизм, не должно быть никаких эстетических оттенков. Та прямая борьба светлого и темного, какая есть в сказке, должна быть и в каждой детской книжке, в ней не нужны тонкая психологическая игра, слишком детальный анализ. Еще менее уместны в ней пассивно созерцательная лирика, старческие, грустные размышления над природой.

Общее различие стиля детской литературы по сравнению с литературой «взрослой», мне кажется, должно определяться некоторым, самым незначительным (повторяю, самым незначительным!) приближением ее к лубку. Такое приближение есть и у Купера, и у Жюль Верна, и у многих других. В нашей литературе наблюдалось всегда сопротивление такой тенденции, и прямо нужно сказать, — это не принесло особенной пользы. В лубке есть тоже своя необходимая эстетика, которую нельзя просто игнорировать. Такое приближение к лубку требует от авторов и таланта, и изобретательности, и, самое главное, яркости чувства.

КРАТКИЙ СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. МАКАРЕНКО

А. С. Макаренко, Сочинения, в 7 томах. Редакционная коллегия: И. А. Каиров (главный редактор), Г. С. Макаренко, Е. Н. Медынский, АПН РСФСР, М., 1950—1952.

Том 1. Педагогическая поэма, 1950, 767 стр.

Том 2. Марш 30 года (повесть), ФД-1 (повесть), Мажор (пьеса), 1950, 495 стр.

Том 3. Флаги на башнях (повесть), 1950, 486 стр.

Том 4. Книга для родителей. Лекции о воспитании детей. Выступления по вопросам семейного воспитания, 1951, 534 стр.

Том 5. Общие вопросы теории педагогики. Воспитание в советской школе, 1951, 511 стр.

Том 6. Честь (повесть). Настоящий характер (литературный сценарий). Командировка (литературный сценарий), 1952, 446 стр.

Том 7. Публицистика. Рассказы и очерки. Статьи о литературе. Переписка с А. М. Горьким, 1952, 575 стр.

А. С. Макаренко, Избранные педагогические сочинения, в 4 книгах. Под ред. И. А. Каирова и Г. С. Макаренко (подготовил к печати И. С. Петрухин), АПН РСФСР, М., 1949. (Приложение к журн. «Советская педагогика».)

Книга 1. Лекции о воспитании детей. Семья и воспитание детей. Воспитание в семье и школе, 164 стр.

Книга 2. Книга для родителей, 348 стр.

Книга 3. Флаги на башнях. О повести «Флаги на башнях». Открытое письмо Ф. Левину, Редактору «Литературной газеты» Войтинской и критику Ф. Левину (письмо воспитанников колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского), 476 стр.

Книга 4. Педагогические произведения. Стенограммы лекций, докладов и выступлений. Статьи по вопросам коммунистического воспитания. Марш 30 года и неопубликованные рукописи, 592 стр.

А. С. Макаренко, Педагогические сочинения. Неопубликованные произведения, статьи и стенограммы выступлений. Под ред. действительного члена АПН РСФСР Е. Н. Медынского (составил ст. научный сотрудник Института теории и истории педагогики АПН РСФСР А. Г. Тер-Гевондян), АПН РСФСР, М.—Л., 1948, 304 стр.

А. С. Макаренко, Проблемы школьного советского воспитания. Под ред. Г. С. Макаренко (подготовил к печати И. С. Петрухин), АПН РСФСР, М., 1949, 132 стр.

А. С. Макаренко, Некоторые выводы из моего педагогического опыта. Под ред. Г. С. Макаренко, АПН РСФСР, М., 1950, 100 стр.

А. С. Макаренко, О воспитании молодежи. Сборник избранных педагогических произведений. Под общей ред. Г. С. Макаренко (составила К. М. Лейченкова. Вступительная статья и примечания ст. научного сотрудника Института теории и истории педагогики АПН РСФСР В. Е. Гмурмана), Трудрезервиздат, М., 1951, 396 стр.

А. С. Макаренко, О воспитании молодежи. Сборник избранных педагогических произведений, изд. 2, Трудрезервиздат, М., 1951, 396 стр.

А. С. Макаренко, Марш 30 года, ГИХЛ, М., 1932, 164 стр.

А. С. Макаренко, Педагогическая поэма, Гослитиздат, М., 1948, 656 стр., с иллюстрациями и портретом.

А. С. Макаренко, Книга для родителей. Предисловие проф. В. Колбановского, Учпедгиз, М., 1953.

А. С. Макаренко, Флаги на башнях, «Советский писатель», М., 1950, 484 стр.

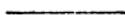
А. С. Макаренко, Лекции о воспитании детей. Под ред. Г. С. Макаренко и В. Н. Колбановского. Предисловие проф. В. Колбановского, изд. 4, Учпедгиз, М., 1952, 39 стр.

А. С. Макаренко, Методика организации воспитательного процесса. Под ред. Г. С. Макаренко (подготовил к печати И. С. Петрухин), АПН РСФСР, М., 1950, 108 стр.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>А. С. Макаренко о воспитании детей в семье</i>	3
Дети в стране социализма	20
Коммунистическое воспитание и поведение	26
Лекции о воспитании детей	50
Общие условия семейного воспитания	—
О родительском авторитете	60
Дисциплина	69
Игра	81
Семейное хозяйство	92
Воспитание в труде	102
Половое воспитание	113
Воспитание культурных навыков	123
Вот у вас родился ребенок	134
Семья и воспитание детей	139
Воспитание в семье и школе	163
Проблемы школьного советского воспитания	197
Лекция первая. Методы воспитания	—
Лекция вторая. Дисциплина, режим, наказания и поощрения	221
Лекция третья. Педагогика индивидуального действия	251
Лекция четвертая. Трудовое воспитание. Отношения, стиль, тон в коллективе	277
Воспитательное значение детской литературы	312
<i>Краткий список произведений А. С. Макаренко</i>	<i>316</i>

Антон Семёнович Макаренко

О воспитании в семье

Редактор *М. П. Данилова*

Художник *И. Д. Кричевский*

Художественный редактор *М. Л. Фрам*

Технический редактор *Н. В. Сахарова*

Корректоры *И. И. Бурджелян*

и *В. А. Гречишникова*

* * *

Сдано в набор 4/VI 1955 г. Подписано
к печати 19/X 1955 г. 84×108 ¹/₃₂
печ. л. 20 (16,4) + 0,125 (0,10) вкл. Уч-изд.
л. 16,98 + 0,03 вкл. Тираж 300000 экз. А 05836

* * *

Учпедгиз. Москва, Чистые пруды, 6.

Заказ № 1063. Цена без пере-
плета 4 р. 60 к. Переплет коленк. 1 р. 50 к.

101